

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ НИЖЕГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО»
АРЗАМАССКИЙ ФИЛИАЛ

На правах рукописи

Тюрин Владимир Борисович

**Лексико-семантическое поле «Родина»
в лирике Н.М.Рубцова**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Климкова Людмила Алексеевна

Нижний Новгород – 2017

Содержание

Введение	4
Глава 1 Теоретические предпосылки исследования.....	12
1.1 Специфика языка художественной литературы.....	12
1.2 Концептуальная, языковая и художественная картины мира....	25
1.3 Идиолект и идиостиль как категории лингвистической поэтики и составляющие языковой личности.....	39
1.4 Теория поля в лингвистике. Полевая методика в лингвистической поэтике.....	49
1.4.1 Понятие поля. Признаки, структура, типология полей.....	49
1.4.2 Понятие лексико-семантического поля. Лексико-семантическое поле как фрагмент языковой и художественной картин мира.....	56
Выводы.....	64
Глава 2 Особенности языковой картины мира Н.М.Рубцова.....	67
2.1 Биографические основы творчества Н.М.Рубцова.....	67
2.2 Характерные черты языка и стиля поэзии Н.М.Рубцова.....	76
2.3 Концептуальная картина мира Н.М.Рубцова и концепт «Родина»	87
2.4 Автоцитация как идиостилевая доминанта лирики Н.М.Рубцова	99
Выводы.....	109
Глава 3 Лексико-семантическое поле «Родина» в языковой картине мира Н.М.Рубцова.....	112
3.1. Структура лексико-семантического поля «Родина». Ядерная зона поля. Системные отношения в ней.....	112
3.2 Центр поля. Системные отношения в нём.....	122
3.3. Ассоциативная зона как периферия лексико-семантического поля «Родина». Системные отношения в ней.....	136
3.3.1 Слова-ассоциаты с семантикой «малая родина».....	137
3.3.2 Слова-ассоциаты с семантикой «природа».....	146
3.3.3 Слова-ассоциаты с семантикой «свет».....	155
3.3.4 Индивидуально-авторские слова-ассоциаты с семантикой	

«родина»	164
Выводы.....	177
Заключение.....	181
Библиография.....	190

Введение

Данное диссертационное исследование посвящено анализу лексико-семантического поля «Родина» в лирике Н.М.Рубцова. В последние десятилетия в лингвистике утвердилась антропоцентрическая парадигма знаний, в которой главным объектом изучения становится не язык как таковой, а человек как пользователь языка, вернее языковая личность [см.: Караулов 1987; Серебренников 1988; и др.]. Особый интерес при этом вызывает творческая личность (поэты, писатели, журналисты и др.), язык которой может многое сказать о художественных, психологических, культурных, физиологических и других особенностях человека. Одним из главных вопросов такого исследования является методология. Работы последних лет убедительно доказали необходимость применения полевого подхода в изучении языковой личности. Данный подход реализуется в диссертационных исследованиях И.А.Тарасовой (1994), И.И.Чумак-Жунь (1996), С.В.Романовской (1998), И.В.Пархоменко (2000), К.А.Кочновой (2005), Е.В.Плахиной (2005), В.М.Маркеловой (2009) и других учёных. Лексико-семантическое поле предстаёт как система взаимосвязанных семантических единиц, имеющих общий ядерный элемент. Полевой подход помогает выделить наиболее важные языковые особенности творчества писателя и, таким образом, глубже проникнуть в художественный мир автора.

Актуальность исследования заключается в том, что оно соответствует тенденции усиления внимания современного языкознания к проблемам взаимоотношения языка и культуры (лингвокультурология), языка и мышления (когнитивная лингвистика), к проблеме лексико-семантической структуры русского языка (лексическая семантика), а также – активно развивавшихся в течение XX века научных направлений по изучению языка художественной литературы, которые вышли на новый уровень развития, – во второй половине столетия сформировалась такая

отрасль языкознания, как лингвистическая поэтика. Данное научное течение представлено известными именами отечественных филологов (М.М.Бахтин, В.В.Виноградов, Г.О.Винокур, М.Л.Гаспаров, В.П.Григорьев, С.Т.Золян, Н.А.Кожевникова, Л.Ю.Максимов, Н.А.Николина, О.Г.Ревзина и др.). Лингвистическая поэтика предполагает целостное исследование художественного текста посредством тщательного анализа словесной ткани литературного произведения. Язык в целом и лексико-семантическое поле в частности являются фундаментом для построения системы образов в творчестве автора. В то же время, исследуя семантику слова в поэтическом тексте, учёный постоянно выходит за рамки лингвистики, погружаясь в аспекты литературоведения, культурологии, психологии, истории и других наук. Тем самым изучение речевой ткани художественного произведения носит междисциплинарный характер. Актуальность данного исследования связана и с тем, что лексико-семантическое поле «Родина» до сегодняшнего дня не было предметом специального диссертационного исследования, несмотря на большую значимость понятия «Родина» для русского человека: любовь к родной земле всегда считалась непререкаемой ценностью для него. И в XXI веке наше государство определяет патриотизм как главное качество гражданина Российской Федерации. Об этом свидетельствует новый федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования, где первой по списку личностной характеристикой будущего выпускника значится любовь к своему краю и своему Отечеству [см.: Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта, электронный ресурс]. Обращение к языку и стилю поэзии Н.М.Рубцова является актуальным, так как по-прежнему малоизученными остаются многие лингвистические аспекты творчества автора, хотя Н.М.Рубцов – один из выдающихся русских поэтов XX века, признанный такими критиками и литературоведами, как: В.Н.Бараков, В.С.Белков, Л.Н.Вересов, В.В.Дементьев, В.В.Кожин, Н.М.Коняев, С.Ю.Куняев, И.О.Шайтанов и др.

Объектом исследования является лирика Н.М.Рубцова.

Предмет рассмотрения – лексико-семантическое поле «Родина» как важнейший фрагмент языковой картины мира поэта.

Научная новизна работы состоит, прежде всего, в том, что лексико-семантическое поле «Родина» впервые стало предметом диссертационного исследования. Впервые же при рассмотрении творчества Н.М.Рубцова была использована полевая модель, позволившая структурировать и обобщить лексический материал произведений данного автора.

Языковой **материал** извлекался методом сплошной выборки из лирических текстов Н.М.Рубцова. При интерпретации лексического материала поэзии автора использовались данные толковых словарей («Словаря русского языка» в 4-х томах (МАС), Большого толкового словаря русского языка под ред. С.А.Кузнецова), словообразовательных словарей («Словообразовательного словаря русского языка» в 2-х томах А.Н.Тихонова), «Словаря синонимов русского языка» З.Е.Александровой. Также были использованы данные словаря литературоведческих терминов под ред. С.П.Белокуровой, лингвистического энциклопедического словаря, энциклопедии «Мифы народов мира», русского ассоциативного словаря, словаря языка и рифм поэзии Н.М.Рубцова, этимологических словарей русского языка и частотного словаря русского языка под ред. Л.Н.Засориной.

Анализировались поэтические тексты, вошедшие в полное собрание сочинений Н.М.Рубцова в трёх томах [Рубцов 2000], а также произведения, размещённые на сайте жизни и творчества поэта «Душа хранит» [Душа хранит. Жизнь и поэзия Николая Рубцова, электронный ресурс].

Исследованный материал составил 786 лексических единиц и 1971 их употребление.

Цель диссертационного исследования – проанализировать, описать лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н.М.Рубцова. Для достижения поставленной цели нами были сформулированы и решены следующие **задачи**:

1. Изучить теоретический материал, посвящённый проблемам языка художественной литературы, идиолекта и идиостиля, концептуальной, языковой и художественной картин мира и лексико-семантического поля (в том числе полевого подхода в лингвистической поэтике).
2. Исследовать литературу о жизни и творчестве Н.М.Рубцова (биографические, литературоведческие и лингвистические источники).
3. Проанализировать основные особенности концептуальной и языковой картины мира Н.М.Рубцова (концептосфера, язык и стиль, идиостилевые доминанты).
4. Установив количественный состав ЛСП «Родина», определить семантическую структуру поля.
5. Раскрыть взаимоотношения единиц поля в целом и по зонам, а также пересечение ЛСП «Родина» с другими лексико-семантическими полями в лирике Н.М.Рубцова, описать семантику лексических единиц ЛСП «Родина» в лирике Н.М.Рубцова и объяснить их роль в идиолекте и идиостиле поэта.

Цель и задачи нашей работы обусловили использование ряда **методов**. В их числе: метод лингвистического наблюдения, который заключается в выделении из текста различных фактов и включения их в исследуемую систему [см.: Кодухов 1974, 206]; описательный метод как «система исследовательских приемов, применяемых для характеристики явлений языка на данном этапе его развития» [Там же, 219]; главный приём данного метода – это интерпретация, то есть осмысление речевых фактов; структурно-семантический метод применялся нами для рассмотрения семантики единиц лексико-семантического поля «Родина» в лирике Н.М.Рубцова в сопоставлении с их узуальным значением; метод общелингвистического анализа, предусматривающий использование и лингвистических, и литературоведческих приёмов при анализе художественного текста; метод количественных подсчётов [см. там же 220].

Кроме того, использовались приёмы компонентного, концептуального, оппозитивного и контекстуального анализа.

Компонентный анализ применялся нами для выделения семантических компонентов языковых единиц (сем). После этого использовалась методика сопоставительного и оппозитивного анализа, чтобы сравнить и разграничить элементы поля в зависимости от их значения.

Концептуальный анализ помог выделить отдельные концепты, образующие концептуальную картину мира поэта. Сопоставление лексико-семантического поля как фрагмента языковой картины мира и концепта как единицы концептуальной картины мира демонстрирует общность и взаимозависимость собственно лингвистических и когнитивных методов изучения художественного текста.

Контекстуальный анализ является традиционным при исследовании семантики слова в художественном тексте. Учёные XX века наглядно доказали, что контекст – ключ к прочтению авторского замысла [см.: Гинзбург 1974, 10]. Только в сочетании с другими словами поэтическое слово приобретает изобразительность, выразительность и символический смысл. Поэтому важным становится анализ синтагматики (сочетаемости) единиц поля.

Методологическая база данного диссертационного исследования сформирована на основе работ, посвящённых проблемам языка художественной литературы (М.М.Бахтин, В.В.Виноградов, Г.О.Винокур, В.П.Григорьев, С.Т.Золян, Ю.М.Лотман, Р.О.Якобсон и др.), лингвокультурологии и когнитивной лингвистики (Н.Ф.Алефиренко, Ю.Д.Апресян, Н.Д.Арутюнова, С.А.Аскольдов, А.Вежбицкая, С.Г.Воркачёв, В.И.Карасик, Л.А.Климкова, В.В.Колесов, Е.С.Кубрякова, Д.С.Лихачёв, З.Д.Попова, Ю.С.Степанов, И.А.Стернин, А.Д.Шмелёв и др.), лексико-семантического поля (Л.М.Васильев, Б.Ю.Городецкий, Ю.Н.Караулов, С.В.Кезина, Л.А.Новиков, А.А.Уфимцева, С.Г.Шафииков, Г.С.Щур и др.),

рубцововедения (В.Н.Бараков, В.С.Белков, Л.Н.Вересов, И.Л.Ефремова, В.В.Кожин, Н.М.Коняев, М.В.Кудрявцев и др.).

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она способствует развитию полевого подхода в исследовании художественного текста. Кроме того, вносится определённый вклад в изучение языка и стиля поэзии Н.М.Рубцова: полностью проанализировано и описано лексико-семантическое поле «Родина» в языковой картине мира поэта.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в школьном и вузовском преподавании курсов русского языка и литературы. В вузе это такие дисциплины, как «Современный русский литературный язык», «История русской литературы XX века», «Филологический анализ текста», спецкурсы и спецсеминары по лингвокультурологии, лексической семантике и языку русской поэзии.

Гипотезой исследования является утверждение о том, что лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н.М.Рубцова является главным фрагментом языковой картины мира поэта и вмещает в себя объёмное ассоциативное пространство с широкой семантикой, связанной с темой Родины.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Полевая модель является продуктивной при описании лексико-семантической системы языка. Она также успешно применяется при исследовании художественного текста и языковой картины мира отдельного автора. В лирике Н.М.Рубцова лексико-семантическое поле «Родина» предстаёт важным фрагментом языковой картины мира поэта.

2. Родина является главной темой поэзии Н.М.Рубцова. Главная особенность рубцовского восприятия Родины – сыновняя привязанность лирического героя к родной земле. Образ Родины в поэзии Н.М.Рубцова создан с помощью общеупотребительных слов, часто имеющих эмоциональную окраску.

3. Язык лирических произведений Н.М.Рубцова отличается простотой и одновременно глубиной словесного выражения. В его поэтических текстах редко встречаются лексемы, имеющие в словаре помету «высокое» - пафос не свойствен рубцовскому стилю. Важной языковой особенностью лирики Н.М.Рубцова предстаёт явление синкретизма: различные семы и лексико-семантические варианты слов совмещаются, органично сосуществуют.

4. Одной из идиостилевых доминант лирики Н.М.Рубцова является автоцитация, проявляющаяся в повторе отдельных фрагментов текста (в том числе и репрезентантов образа Родины) на протяжении всего творческого пути автора.

5. ЛСП «Родина» в лирике Н.М.Рубцова имеет чёткую структуру: ядро, образованное гиперонимом *родина*; центр, куда входят синонимы и антонимы данного гиперонима и производные слова; периферию (ближнюю и дальнюю), включающую в себя ассоциативное пространство лексем с семантикой «родина». Ряды лексем находятся в холопартитивных отношениях. В целом элементы поля связаны между собой эпидигматическими, парадигматическими, синтагматическими, деривационными и ассоциативными отношениями. Последние оказываются наиболее представленными в языковой картине мира поэта.

6. Языковая картина мира поэта характеризуется пересечением лексико-семантических полей в структуре ЛСП «Родина»: ЛСП «Природа», ЛСП «Свет», ЛСП «Грусть», ЛСП «Покой», ЛСП «Сон», ЛСП «Любовь», ЛСП «Путь», ЛСП «Время», ЛСП «Память» создают рубцовский образ Родины. Важным языковым средством при этом оказывается ассоциативная семантика и символизация лексем, входящих в перечисленные лексико-семантические поля.

Апробация работы. По материалам исследования были сделаны доклады и сообщения на различных научных конференциях: международной научной конференции молодых учёных «Проблемы языковой картины мира на современном этапе» (Нижний Новгород, 2011 г., 2012 г.); всероссийской

научно-практической конференции с международным участием «Русское слово: прошлое, настоящее, будущее» (Арзамас, 2012 г.); межрегиональной конференции по вопросам функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации «Русский язык как государственный язык Российской Федерации: лингвистический, ценностный, эстетический, социальный, историко-культурный статус» (Арзамас, 2012 г.); XVII Нижегородской сессии молодых учёных (Арзамас, 2012 г.); международной научно-практической конференции «Н.М.Рубцов и его наследие в современном глобальном мультикультурном мире» (Череповец, 2013 г.). Материалы исследования обсуждались на заседании кафедры русского языка и литературы АФ ННГУ им. Н.И. Лобачевского. По теме диссертации опубликовано 12 статей общим объёмом 3,7 п.л., из них 3 – в изданиях списка ВАК РФ.

Цели и задачи исследования определили **структуру диссертации**. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и списка литературы, содержащего 216 научных и 20 лексикографических источников.

Глава 1 Теоретические предпосылки исследования

1.1 Специфика языка художественной литературы

Русский язык – это национальный язык русского народа, основа культуры нашей страны. Имея богатую историю, наш язык развивался, менялся, отражая все сферы деятельности нашего народа. Высшей формой современного русского национального языка является русский литературный язык, обладающий такими признаками, как обработанность, нормированность, общеобязательность (наддиалектность), универсальность, наличие устной и письменной форм, стилистическая дифференциация, устойчивость, охват территории и объём количества говорящих [ср.: Современный русский язык 2014, 8-12].

Современный русский литературный язык обслуживает все сферы деятельности людей и поэтому имеет разветвлённую систему функционально-речевых стилей. «Функциональный стиль — это разновидность литературного языка, выполняющая определенную функцию в общении» [Солганик 1997, 6]. Все стили русского литературного языка делятся на книжные и разговорные. К книжным относятся научный, публицистический и официально-деловой стили [см.: Бондалетов 1982, Кожина 1993, Шмелёв 1977]. Некоторые учёные в эту группу включают религиозно-проповеднический [см.: Крысин 1994] и производственно-технический стили [см.: Панфилов 1968]. К разговорным относят литературно-разговорный и обиходно-разговорный (или разговорно-бытовой) стили. Согласно мнению В.В.Виноградова, стили речи выделяются на основании трёх функций: общения, сообщения и воздействия [см.: Виноградов 1980, 34]. Многие лингвисты выделяют стили речи по трём признакам: цели употребления, сфере употребления и языковым особенностям. Например, научный стиль используется в научной литературе

с целью точной передачи научных знаний. Важной языковой особенностью этого стиля является, в частности, употребление терминов.

Спорным вопросом для лингвистов является статус художественного стиля. Такие учёные, как Р.А.Будагов, И.Р.Гальперин, Б.Н.Головин, К.А.Долинин, М.Н.Кожина, О.Б.Сиротинина и др. считают необходимым включить художественный стиль в систему функциональных стилей русского литературного языка. Другие языковеды (Л.Ю.Максимов, А.К.Панфилов, Н.А.Мещерский, Д.Н.Шмелёв, В.Д.Бондалетов и др.) выступают против выделения художественного стиля как одного из функциональных стилей. С одной стороны, художественный стиль закономерно включают в систему функциональных стилей, так как его так же, как и другие стили речи, можно рассмотреть по трём признакам. Доминирующая функция художественного стиля – эстетическое, эмоциональное воздействие на читателей и слушателей, сфера употребления – художественная литература, языковая особенность – изобразительно-выразительные средства. Но с другой стороны, в художественном тексте могут содержаться элементы других стилей (разговорного, официально-делового и др.), а также других компонентов русского национального языка (территориальных диалектов, просторечия, жаргонов, арго). Кроме того, литературное произведение обладает образностью, особым свойством, которое не имеет ни один функциональный стиль. Самое же главное то, что семантика слова в художественном тексте преобразуется и зачастую выходит за рамки языкового значения. Поэтому нужно говорить не о том, что писатели пользуются каким-либо стилем языка, а сами создают в произведениях особый язык – **язык художественной литературы**. Об этом писал крупнейший отечественный лингвист XX века Виктор Владимирович Виноградов [см.: Виноградов 1959]. Мы считаем, что логичнее говорить о языке художественной литературы, чем о художественном стиле, и тем самым выводим его за пределы системы функционально-речевых стилей литературного языка.

В энциклопедии «Русский язык» даётся следующее определение понятию «язык художественной литературы»: «1) язык, на котором создаются художественные произведения (его лексикон, грамматика, фонетика), иногда, в некоторых обществах, совершенно отличный от повседневного, обиходного («практического») языка; в этом смысле язык художественной литературы – предмет истории языка и истории литературного языка 2) поэтический язык — система правил, лежащих в основе художественных текстов, как прозаических, так и стихотворных, их создания и прочтения (интерпретации)» [Русский язык. Энциклопедия русского языка, электронный ресурс].

Язык художественной литературы предстаёт в форме повествовательной, лирической или драматической речи, в зависимости от рода литературы. Существует два способа организации художественной речи: проза и поэзия.

В нашей работе мы исследуем поэтический язык Н.М.Рубцова, поэтому важно понять специфику поэзии и языковых средств, участвующих в создании образов. По определению В.Гумбольдта, «поэзия – это искусство средствами языка» [Гумбольдт 1985, 193]. Как отмечает М.М.Бахтин, «...язык нужен поэзии весь, всесторонне и во всех своих моментах, ни к одному нюансу лингвистического слова не остается равнодушной поэзия» [Бахтин 1975, 46]. Поэт не только использует всё богатство и разнообразие языка, но и открывает в нём новые возможности. Так образуется широкое ассоциативное пространство художественного текста.

Наряду с термином «художественный текст» часто употребляется термин «поэтический текст», который может являться разновидностью художественного текста, обозначая текст, написанный в поэтической, а не в прозаической форме [см.: Маслова 2010, 177]. Термины «художественный текст» и «поэтический текст» могут являться синонимами. Близкими по значению являются номинанты «поэтический язык» и «поэтическая речь». Термин «поэтический текст» обозначает результат воплощения поэтического

языка (поэтической речи). Синонимичными являются терминологические обозначения «язык художественной литературы» и «художественная речь». Термин «художественный текст» в широком смысле (когда имеется в виду не конкретный текст какого-либо автора) также является тождественным двум предыдущим терминам. В узком смысле «художественный текст» - это уникальный образец воплощения языка художественной литературы (художественной речи).

Важная особенность поэтического текста состоит в том, что слово в поэзии является зависимым от других слов и, самое главное, от всего контекста стихотворения. Как пишет С.Т.Золян, обобщая размышления филологов XX века, занимавшихся изучением проблематики поэтического языка (В.В.Виноградов, Г.О.Винокур, Ю.Н.Тынянов и др.), «...всякая единица поэтической речи может быть определена лишь по отношению к данной текстовой структуре» [Золян 1985, 26]. Учитывая то, что художественный текст мы рассматриваем как целостную, законченную структуру, каждый её элемент может быть оценен лишь в соотношении со всем произведением. По мнению Л.Я.Гинзбург, «преобразование слова совершается в поэтическом *контексте*» [Гинзбург 1974, 10]. Контекст даёт возможность правильно интерпретировать художественный текст. Слово в контексте становится, с одной стороны, ограниченным, узким из-за влияния конкретного идейно-стилистического наполнения литературного произведения. С другой стороны, контекст расширяет семантические границы слова, усиливая определённые компоненты лексического значения. Конечно, в первую очередь, исследователь поэтического текста должен проанализировать ближайший контекст – контекст данного стихотворения, но нельзя забывать и о дальнем контексте (всё творчество автора, а также интертекстуальные и интермедиальные связи). Как образно отметил Я.Славинский, «участвуя в жизни нового поэтического сообщения, слово тянет за собой всё своё прошлое» [Славинский 1975, 270]. Н.С.Болотнова также говорит о важной роли контекста при анализе языка художественной

литературы: «Образная перспектива слов предполагает их анализ во всё более расширяющихся контекстах» [Болотнова 1992, 151]. Осип Мандельштам говорил, что «<...> любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку» [Мандельштам 1967, 18].

Термин «поэтический язык» часто соотносится с термином «художественная речь» и используется как обозначение языка поэзии, стихотворных произведений или совокупности изобразительно-выразительных средств в творчестве определённого автора. В.В.Виноградов использует термин «поэтический язык» в значении «язык художественной литературы» [см.: Виноградов 1959, 3-4]. В своей знаменитой работе «О языке художественной литературы» лингвист говорит, что изучение поэтического языка «должно составить предмет особой филологической науки, близкой к языкознанию и литературоведению, но вместе с тем отличной от того и другого» [там же]. Далее академик доказывает, что изучение языка произведений наших писателей позволяет постичь «дух народа», вникнуть в закономерности развития всей русской литературы и всего русского национального языка [см.: там же].

Поэтический язык отличается, прежде всего, своей эстетической функцией (то есть выражает творческие потенции автора). Как мы отметили ранее, каждый функциональный стиль русского литературного языка выполняет свою доминирующую функцию в речи: разговорный стиль выполняет функцию непосредственного бытового общения, публицистический – функцию сообщения и воздействия, официально-деловой – функцию передачи информации, научный – сообщения и научного объяснения. Поэтический язык используется для эмоционального воздействия на читателя, для передачи всей гаммы человеческих мыслей и чувств. Для этого писатели и поэты употребляют специальные художественные средства языка, чтобы создать образность и выразительность речи. Р.О.Якобсон даёт такое определение понятию

«поэтический язык»: «Поэтический язык – особый способ существования естественного языка, характеризуемый тем, что в нём элемент любого уровня организации языковой системы стремится стать семантически мотивированным и может быть оценен с точки зрения выполнения им эстетической, или поэтической функции» [Якобсон 1975, 22]. Г.О.Винокур говорит о поэтичности, как особом качестве языка. С одной стороны, поэтическим языком лингвист называет язык, используемый в поэтическом тексте. С другой стороны, учёный отмечает, что язык поэзии сам по себе обладает особой экспрессивностью, и значит можно говорить о таком свойстве языка как поэтичность [см.: Винокур 1991, 24-32]. В.П.Григорьев в книге «Поэтика слова» определяет поэтический язык как «язык с установкой на творчество, а поскольку всякое творчество подлежит и эстетической оценке, это язык с установкой на эстетически значимое творчество» [Григорьев 1979, 14].

Термин «художественная речь» в основном употребляют в литературоведении, в науке, которую именуют «Стилистика художественной литературы» (или «Стилистика художественной речи»). Художественная речь – это форма реализации языка в художественном произведении. Именно в художественной речи отражается эстетическая функция языка. Г.Я.Солганик назвал художественную речь объективированной картиной мира [см.: Солганик 1997, 256]. В поэтическом тексте языковые средства выстраиваются в особую систему, которая характеризуется единством и взаимосвязанностью всех элементов. Поэтому художественная речь как воплощение целостной и замкнутой системы уже не может рассматриваться только как часть общелитературного языка.

Изучение языковых особенностей художественного произведения составляет предмет стилистики художественной речи. Эта научная дисциплина оформилась и получила развитие в трудах известных отечественных филологов – М.М.Бахтина, В.В.Виноградова, Г.О.Винокура, В.М.Жирмунского, Б.А.Ларина, Ю.Н.Тынянова и др.

То, что без языка нет и не может быть литературы, было понятно давно. А.М.Горький утверждал, что язык есть «первоэлемент художественной литературы» [см.: Виноградов 1959, 17]. Но лишь в XX веке учёные по-настоящему обратились к глубокому изучению языка художественных произведений. Начало было положено участниками Московского лингвистического кружка: Г.О.Винокуром, А.М.Пешковским, Б.В.Томашевским, Ю.Н.Тыняновым, В.Б.Шкловским, Б.М.Эйхенбаумом, Р.О.Якобсоном и другими учёными. Филологи впервые приступили к исследованию художественной формы, суть которой составляет язык. Одной из главных работ того времени стала книга Юрия Николаевича Тынянова «Проблема стихотворного языка», написанная в 1924 году [см.: Тынянов 1965]. Однако к середине двадцатого столетия лингвистика значительно отделилась от литературоведения, которое, в свою очередь, завладело таким важным для языкознания объектом научных исследований, как язык художественной литературы. Конфликт двух родственных наук во многом разрешил академик Виктор Владимирович Виноградов, доказавший в своей работе «О языке художественной литературы» правомерность и необходимость лингвистического изучения поэтического языка: «В отличие от литературоведа, который может идти от замыслов или от идеологии к стилю, языковед должен найти или увидеть замысел посредством тщательного анализа самой словесной ткани литературного произведения» [Виноградов 1959, 90]. Предметом лингвистического изучения является не содержание литературного произведения, а форма, то есть конкретные средства создания художественной выразительности [см.: там же].

Для того, чтобы понять, как и за счёт чего выполняется эстетическая функция в литературном произведении, нужно исследовать процесс преобразования слова в художественном тексте. Автор использует, в первую очередь, потенциал родного естественного языка, на котором говорит и пишет нация. Например, великий русский поэт Сергей Есенин в своей поэме «Чёрный человек» использует прилагательное *чёрный*, которое в

литературном языке имеет значение 1. Цвета сажи, угля; *противоп.* белый.
2. Темный, более темный по сравнению с обычным цветом. <...>
11. *перен.* Отрицательный, плохой. 12. *перен.* Мрачный, безрадостный,
тяжелый <...> [МАС IV]:

Черный человек,

Черный, черный,

Черный человек

На кровать ко мне садится,

Черный человек

Спать не дает мне всю ночь

(С.А.Есенин. Чёрный человек) [Жизнь моя,

иль ты приснилась мне, электронный ресурс].

В контексте данного литературного произведения слово *чёрный* получает дополнительные смысловые оттенки: «обладающий inferнальным началом, несущий разрушение, гибель и т.д.». Следовательно, прилагательное *чёрный* в произведении С.А.Есенина превращается в слово-символ, создающий ассоциативное пространство с семантикой тьмы, раздвоения личности, смерти. Вот как образно отметил роль слова в поэтическом тексте А.А.Блок: «Всякое стихотворение — покрывало, растянутое на остриях слов. Эти слова светятся как звуки. Из-за них существует стихотворение. Тем оно темнее, чем отдаленнее эти слова от текста» [Блок 1989, 84].

В художественном тексте происходит трансформация лексического значения слова, насыщение его дополнительными смысловыми оттенками и коннотациями. Значение слова в художественной речи часто выходит за рамки узувального [см.: Виноградов 1959, 230], причём одно и то же слово у разных авторов может наполняться совершенно разными ассоциациями и соответственно создавать разные образы. «В контексте всего произведения слова и выражения, находясь в тесном взаимодействии, приобретают разнообразные дополнительные смысловые оттенки, воспринимаются в

сложной и глубокой перспективе целого» [Виноградов 1959, 234]. А.А.Ворожбитова отмечает, что «слово в художественном произведении творит новую действительность («возможный мир») и уже поэтому двупланово («обращение к словарю и к творимому миру»)» [Ворожбитова 2005, 32]. Одной из главных задач слова в художественном тексте является создание образа, поэтому автор использует изобразительно-выразительные средства языка (эпитеты, метафоры, олицетворения, сравнения и др.), которые дают возможность увидеть или почувствовать то, что хочет донести писатель. Ю.Н.Тынянов в своей работе «Проблема стихотворного языка» образно заметил: «Слово не имеет одного определенного значения. Оно — хамелеон, в котором каждый раз возникают не только разные оттенки, но иногда и разные краски» [Тынянов 1965, 77].

Термины **язык художественной литературы, поэтический язык, художественная речь** тесно переплетены с понятием **текст**. Текст является ключевым термином в гуманитарных науках современности. Несмотря на изначально лингвистическую составляющую понятия, оно часто встречается и в литературоведении, и в истории, и в философии, и в культурологии, и во многих других науках. Текст, по определению М.М.Бахтина, — это «первичная данность» всех гуманитарных дисциплин и «вообще всего гуманитарно-филологического мышления... Текст является той непосредственной действительностью, действительностью мысли и переживания, из которой только и могут исходить эти дисциплины и это мышление. Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления» [Бахтин 1997, 306].

Интерес к проблеме текста возник во второй половине двадцатого столетия, тогда стали появляться такие научные направления, как теория текста, лингвистика текста, текстология, текстоведение и др. Среди ведущих исследователей проблемы текста и лингвистики текста, в частности, можно выделить таких учёных, как Н.С.Валгина, И.Р.Гальперин, Ю.М.Лотман, В.А.Лукин, Л.А.Новиков, В.Н.Топоров, Н.А.Фатеева и др. Несмотря на

постоянное использование в научной литературе, термин «текст» так и не получил однозначного толкования. Разные учёные по-разному трактуют это понятие. И.Р.Гальперин определяет текст следующим образом: «это письменное сообщение, объективированное в виде письменного документа, состоящее из ряда высказываний, объединённых разными типами лексической, грамматической и логической связи, имеющее определённый модальный характер, прагматическую установку и соответственно литературно обработанное» [Гальперин 1974, 67].

Художественный текст, как и любой другой текст, обладает специфическими признаками. Большинство учёных главными признаками текста называют цельность и связность [см.: Валгина 2003, Болотнова 2007 и др.]. Кроме того, выделяются такие признаки, как коммуникативность, информативность, структурность и другие [см.: Сидоров 1987, Болотнова 2007 и др.]. Эти признаки характерны и для художественного текста. Но главную роль в создании литературного произведения играют такие текстовые признаки, как образность, выразительность, антропоцентризм, многозначность, недосказанность и др. [см.: Бабенко, Васильев, Казарин 2000, Болотнова 2007]. Важным признаком художественного текста является ассоциативность. По мнению Е.В.Плахиной, ассоциативная семантика имеет большое значение при создании образов литературного произведения [см.: Плахина 2005, 51-52]. О большой роли ассоциативного значения слов в художественном тексте говорит Л.А.Климкова: «В отражении объективного мира, его явлений и предметов, связей и отношений между ними огромная роль принадлежит ассоциациям» [Климкова 1991, 45]. Н.С.Болотнова указывает на существование ассоциативного поля слова: «ассоциативное поле слова отражает его коммуникативный потенциал в лингвистическом и экстралингвистическом аспектах» [Болотнова 1992, 106].

Н.А.Николина отмечает, что «любой текст представляет собой систему знаков и обладает такими важнейшими свойствами, как связность, отграниченность, цельность <...> воспринимаемость, интенциональность

(намеренность), завершенность, связь с другими текстами, эмотивность» [Николина 2003, 11]. Можно выделить пять характерных свойств художественного текста, которые отличают его от других текстов [см. об этом: там же]. Во-первых, художественный текст обладает «фикциональностью», то есть условностью, вымышленностью, так как творимый автором художественный мир не является полным отражением реальности, он преломлён через восприятие художника слова. Во-вторых, художественный текст – это сложноструктурированная система. В неё входят как элементы общенационального языка, так и элементы авторского языкового кода. В художественном тексте «всё стремится стать мотивированным со стороны значения. Здесь всё полно внутреннего значения и язык означает сам себя независимо от того, знаком каких вещей он служит. На этой почве объясняется столь характерная для языка искусства рефлексия на слово...» [Винокур 1959, 248-249]. Художественный текст открывает всё новые и новые грани слова, обращаясь и к его этимологии, и к морфемным связям, и к морфологическим признакам. В литературном произведении язык будто оживает, использует весь свой потенциал для создания художественного образа. В-третьих, все элементы художественного текста взаимосвязаны. В-четвёртых, художественный текст обладает межтекстовыми связями с другими текстами (интертекстуальность). И, наконец, в-пятых, художественный текст, кроме прямой, содержит скрытую, подтекстовую информацию. Таким образом, «художественный текст представляет собой частную эстетическую систему языковых средств, характеризующуюся высокой степенью целостности и структурированности. Он уникален, неповторим и в то же время использует типизированные приемы построения. Это эстетический объект, который воспринимается во времени и имеет линейную протяженность» [Николина 2003, 21].

Кроме признаков, учёные выделяют категории художественного текста: диалогичность, концептуальность, проспекция, ретроспекция, хронотоп и др. [см.: Бабенко, Васильев, Казарин 2000, Гальперин 1981,

Кухаренко 1988]. Важнейшей, по мнению многих филологов, является категория диалогичности, проявляющаяся в том, что любой текст изначально направлен какому-либо адресату (читателю, слушателю и т.д.), а значит, возникает своеобразный диалог [см. Бахтин 1997, Кожина 1986]. Отношения субъекта и адресата создают возможность интерпретировать художественный текст. Также значимыми в художественном произведении оказываются сильные позиции текста: заглавие, эпиграф, ключевые слова, имена собственные, начало и конец текста [ср.: Лукин 2005].

Слово в художественном тексте является фундаментом для создания образа. Об этом говорит Н.К.Гей: «слово служит отправной точкой оформления образа и его реализации как «некоей особой динамической реальности» [Гей 1975, 34]. При этом большую роль играют ключевые слова как доминанты художественного текста. Часто автор выносит их в заглавие, чтобы ещё больше подчеркнуть идейную и композиционную значимость данных элементов литературного произведения. Таковы, например, заголовки известных произведений русской классической литературы: «Преступление и наказание» (Ф.М.Достоевский), «Война и мир» (Л.Н.Толстой), «Мёртвые души» (Н.В.Гоголь), «Обрыв» (И.А.Гончаров), «Некуда» (Н.С.Лесков), «Чайка» (А.П.Чехов), «Тёмные аллеи» (И.А.Бунин), «Тихий Дон» (М.А.Шолохов) и многие другие. Н.А.Николина отмечает роль ключевых слов при филологическом анализе текста: «в художественном тексте как частной динамической системе языковых средств выделяются ключевые для выражения его смысла и соответственно для понимания знаки, которые играют особенно важную роль в установлении внутритекстовых семантических связей и организации читательского восприятия» [Николина 2003, 184]. Ярким примером использования ключевого слова в художественном тексте является заголовок одной из повестей Белкина А.С.Пушкина – «Метель». Это ключевое слово выражает содержательную, идейную, тематическую и композиционную суть повести. Кроме того,

лексема *метель* становится репрезентантом главного художественного образа произведения.

При анализе художественного текста нужно обращать внимание и на такой важный аспект, как имя собственное. Оно помогает писателю создать образы, передать основные темы и мотивы, раскрыть идею литературного произведения. При этом часто автор заставляет читателя разгадывать то или иное имя собственное, так как художественный смысл оно содержит в подтексте. Главную героиню поэмы С.А.Есенина зовут Анна Снегина. Фамилия создаёт множество ассоциаций у читателя: чистота белого снега, весенний белый цвет черёмухи, - всё это символизирует утраченную юность. Кроме того, исследуя антропонимию поэмы, мы видим интертекстуальную связь с пушкинским романом «Евгений Онегин». Фамилии главных персонажей, по сути, различаются лишь начальными буквами. В обоих есть семантика холода: *Онегин* – от названия северной русской реки *Онега*; *Снегина* – от существительного *снег*. [Подробнее об этом см.: Орешкина 1974, 36-40]. Таким образом, «входя в художественный текст семантически недостаточным, имя собственное выходит из него семантически обогащённым и выступает в качестве сигнала, возбуждающего обширный комплекс определённых ассоциативных значений» [Кухаренко 1988, 106]. Большое значение в тексте художественного произведения имеет топонимическое пространство, помогающее автору сфокусировать внимание на ключевых моментах. Писатели могут использовать реально существующие топонимы (например, места боевых сражений в романе Л.Н.Толстого «Война и мир») и вымышленные. Например, М.Е.Салтыков-Щедрин в своей повести «История одного города» называет населённый пункт, в котором происходит действие, *Глухов*. Данный топоним помогает автору ярче показать социальное и нравственное состояние русской провинции. Иногда писатели используют в качестве топонимов нарицательное имя как обобщённое. Например, М.А.Булгаков в романе «Белая гвардия» употребляет лексику *Город*, которая становится

обобщённым символом. Они не только создают хронотоп литературного произведения, но и становятся репрезентантами авторского мировоззрения, выражая тему и идею текста, а также акцентируя внимание на функционально значимых элементах. Имена собственные, характеризующие пространственно-временной континуум литературного произведения, создают таким образом имманентную действительность художественного текста [см.: Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия 2006].

Итак, можно сделать вывод, что язык художественной литературы представляет собой сложное явление, по-разному квалифицируемое, выходящее за рамки системы функциональных стилей русского литературного языка, так как включает в себя элементы всех компонентов русского национального языка. Язык художественной литературы предстаёт системой, в которой средства естественного языка трансформируются, обогащаются новыми смыслами, оттенками, и, в конечном счёте, преломляясь в авторском сознании, входят в художественный мир литературного произведения.

1.2 Концептуальная, языковая и художественная картины мира.

Одной из главных особенностей современной лингвистики является антропологический подход, который заключается в том, что главным объектом исследования становится не язык как таковой, а языковая личность. Язык отражает характерные черты мировоззрения, миропонимания, мирочувствования человека. Кроме того, в языке отражается вся культура народа, его история, менталитет, национальный дух и многое другое. Об этом прекрасно сказал ещё в XIX веке поэт Пётр Андреевич Вяземский:

«Язык есть исповедь народа:

В нем слышится его природа,

Его душа и быт родной» [Вяземский, электронный ресурс].

До второй половины двадцатого века лингвистика была как бы замкнута в самой себе, оставалась имманентной наукой, так как не выходила за рамки своего предмета – языка, хотя многие лингвисты рассматривали проблемы языка и мышления, языка и культуры, языка и этноса, языка и личности. Эти направления актуализировались во второй половине XX века [см., напр.: Серебренников 1988]. Данные исследования положили начало становлению новых направлений в языкознании: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика и многие другие. Главная особенность этих научных течений – интеграция разных областей знания. Так, например, лингвокультурология изучает связь языка и культуры. Ещё Г.О.Винокур говорил, что «всякий языковед, изучающий язык <...>, непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык» [Винокур 1959, 211]. «Язык – составная часть культуры, её орудие. Язык народа есть не только инструмент общения и воздействия, но и средство усвоения культуры, получения, хранения и передачи культурно-значимой информации» [Антология концептов 2007, 14]. Взаимоотношения языка и общества исследует социолингвистика. Многие философы, учёные, деятели искусства утверждали, что общество не может существовать без языка, именно язык служит основой для объединения людей, живущих на одной территории. Кроме того, язык связывает нынешнее поколение с прошлым [см.: Арутюнова, 1999].

Проблема «язык и мышление» стала центральной для такого научного направления, как когнитивная лингвистика. Учёные отмечают, что когнитивная парадигма современного научного знания определила выделение из когнитивной науки такой отрасли, как когнитивная лингвистика. Особенность данной научной отрасли состоит в том, что когнитивные методы применяются ею для исследования языка [см.: Антология концептов 2007, 7]. Современные исследования в области когнитивной лингвистики направлены на изучение взаимодействия языка и

мышления, языка и культуры (Арутюнова 1999; Колшанский 1990; Корнилов 2002; Кубрякова 1996; Попова, Стернин 2007 и др.) Проблема связи языка и человеческого сознания начали волновать лингвистов давно. Такие учёные, как И.А.Бодуэн де Куртенэ, Л.Вейсгербер, В.Гумбольдт, А.А.Потебня, Э.Сепир, Б.Уорф многое сделали для становления когнитивного подхода в языкознании [ср.: Кубрякова 1996, 12].

Наше диссертационное исследование проходит в рамках когнитивной лингвистики, поэтому нужно актуализировать терминологический аппарат данной науки. Основными категориями когнитивной лингвистики являются *картина мира, концепт и концептосфера*. «Картина мира представляет собой центральное понятие концепции человека, выражающее специфику его бытия. <...> Картина мира есть целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной её стороны» [Постовалова 1988, 18-19]. Понятие картины мира впервые ввёл Г.Герц. «Картина мира» – это субъективный образ объективной реальности»

[Тарасова 2004, 12]. В.И.Карасик определяет картину мира как «целостную совокупность образов действительности в коллективном сознании» [Карасик 2004, 102]. Картина мира не является абсолютным отражением действительности, она всегда представляет собой интерпретацию мира человеком [см.: Постовалова 1988, 29]. Известные когнитивисты З.Д.Попова и И.А.Стернин дают такое определение «картины мира»: «Под картиной мира в самом общем виде предлагается понимать упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин, 2007, 51]. Они же считают важным разграничение двух картин мира: непосредственной и опосредованной: «Непосредственная картина мира – это картина, получаемая в результате прямого познания сознанием окружающей действительности» [Попова, Стернин, 2007, 51]. Она формируется в определённой исторической реальности (например, в

национальном коллективе) и зависит от форм и методов познания действительности. Таковы материалистическая, религиозная, научная картины мира. Со сменой эпох меняются и картины мира: одни становятся ведущими, другие отходят на второй план. Непосредственная картина мира связана с мировоззрением, но отличается тем, что «мировоззрение определяет метод познания, а картина мира – это уже результат познания» [Попова, Стернин, 2007, 52]. Непосредственная картина мира, которая содержит «ментальный образ действительности», совокупность знаний о мире, являющихся результатом эмпирического познания, называется когнитивной картиной мира. Когнитивная картина мира представляет собой совокупность моделей осмысления действительности, которые формирует культура [см.: там же]. Некоторые учёные используют термин «концептуальная картина мира», подразумевая под ней представление о мире, формируемое мышлением и закреплённое в сознании человека [см.: Постовалова 1988, 48].

«Опосредованная картина мира – это результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами» [Попова, Стернин, 2007, 53], которые отображают мысленно воспринимаемую концептуальную картину мира. Примерами опосредованной картины мира являются языковая картина мира и художественная картина мира. Понятие языковой картины мира (далее ЯКМ – *В.Т.*) сформировалось под влиянием трудов Л.Вайсгербера, В.фон Гумбольдта и американских этнолингвистов, одним из главных достижений которых является гипотеза лингвистической относительности Сепира – Уорфа. Ю.Д.Апресян полагает, что языковая картина мира – это комплекс представлений о действительности, которые выражены в языке [см.: Апресян 1995а, 8]. Авторы «Антологии концептов» обращают внимание на национальную специфику рассматриваемого понятия. По их мнению, языковая картина мира – это исторически сформировавшаяся и развивавшаяся картина мира определённой нации, вобравшая в себя представления и знания данного народа о действительности, которые

отражают суть этой национальной культуры [см.: Антология концептов 2007, 15]. В.В.Красных противопоставляет понятия «языковая картина мира» и «картина мира»: «Языковая картина понимается как «мир в зеркале языка», а картина мира (образ мира) понимается как «отображение в психике человека предметной окружающей действительности» [Красных 2003, 18]. Н.Ю.Шведова говорит о том, что языковая картина мира предстаёт как многогранное, структурированное явление, которое отражает всю духовную и материальную жизнь человека, общества, нации. Лингвист отмечает важность категорий времени и пространства при рассмотрении языковой картины мира [см.: Шведова 1999, 15].

Концептуальная картина мира шире ЯКМ, так как не все явления действительности имеют языковое выражение. Воссозданием ЯКМ занимается такое научное направление, как лингвистическая семантика. Изучение ЯКМ осуществляется по двум направлениям: с одной стороны, исследуется лексико-семантическая система отдельного языка, в результате чего выявляются характерные особенности ментальности данного народа. С другой стороны, анализируются конкретные концепты, в языковой форме выражающие ключевые идеи данной национальной культуры [см.: Корнилов 2002, 39].

Ю.Н.Караулов в своих ранних работах картину мира обозначает термином «модель мира». Учёный разделяет языковую и концептуальную модели мира соответственно: главным компонентом языковой модели мира признаётся семантическое поле, а концептуальную модель мира, по мнению Ю.Н.Караулова, составляют константы сознания [см.: Уфимцева 1988, 139]. Языковая модель мира выражена языковыми категориями: словами, словосочетаниями, предложениями и т.д., а концептуальная модель мира формируется в человеческом сознании в виде понятий [см.: там же].

Ещё одним видом опосредованной (вторичной – *В.Т.*) картины мира является художественная картина мира (далее ХКМ) как часть языковой. ХКМ – это совокупность мыслей и чувств, возникающих в сознании человека

при восприятии художественного произведения. Л.В.Миллер рассматривает ХКМ как «эстетическую базу художественной коммуникации <...>, состоящую из интенциональных специфических структур, представленных в той или иной форме в индивидуальном сознании и коллективном бессознательном, – художественных концептов» [Миллер 2000, 40]. Применительно к поэтическому тексту И.Г.Торсуева использует понятие «поэтическая картина мира», которое определяет как «совокупность общих черт, свойственных внутренней индивидуальной модели мира (картине мира), отражённой в текстах того или иного поэта» [Торсуева 1986, 8]. В поэтическом тексте ХКМ создаётся различными языковыми средствами. Языковую картину мира художника слова формирует, в первую очередь, поэтическая лексика. Именно лексика, по мнению многих учёных, является основной базой создания смысловых доминант национальной культуры, которые отражаются в различных картинах мира. Т.В.Топорова отмечает, что лексика помогает выявить, прежде всего, ценностные составляющие модели мира [см.: Топорова 1994, 3]. Т.И.Вендина указывает на то, что лексика «раскрывает особенности видения и «прочтения» мира тем или иным народом и является своеобразным ориентиром в его освоении» [Вендина 1998, 6]. Лексическая система языка представляет в структурированном, упорядоченном виде всё существующее в микрокосме и макрокосме.

Чтобы донести до читателя художественный образ, автор использует тропы, стилистические фигуры и другие элементы художественной изобразительности. Язык формирует вторичную, художественную картину мира, которая является отражением индивидуально-авторской картины мира [см.: Попова, Стернин, 2007, 57]. ХКМ может отражать характерные черты национальной картины мира, но, прежде всего, она отражает картину мира писателя. И языковая, и художественная картины мира являются фрагментами картины мира определённой нации, и шире – фрагментами концептуальной картины мира, создающей образ действительности [см.: Вежбицкая 1996, 71]. На данный момент существует большое количество

работ, посвящённых исследованию разных картин мира, как концептуальных, так и языковых [см.: Вендина 1998, Гачев 1988, Ефанова 2013, Зализняк 2005, Казыдуб 2006, Климкова 2007, Корнилов 2002, Салимова 2000, Шмелёв 2005, Яковлева 1994 и др.].

Важнейшим понятием когнитивной лингвистики и лингвокультурологии является концепт. Этот термин в последние двадцать лет активно используется в различных науках: лингвистике, культурологии, философии, логике, психологии и других. Несмотря на частотность употребления, термин «концепт» до сих пор не получил однозначного толкования среди учёных. Он впервые был использован С.А.Аскольдовым в 1928 г. и понимался как «мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода» [Аскольдов 1928, 4]. Е.С.Кубрякова определяет концепт как компонент памяти, сознания, мышления, а также как элемент знания и фрагмент картины мира [см.: КСКТ, 90-92]. По её мнению, ключевые концепты имеют языковое выражение [см.: там же]. В.И. Карасик рассматривает концепты как ментальные структуры, которые сохраняют в человеческом сознании важные элементы действительности [см.: Введение в когнитивную лингвистику 2004, 59]. А.А.Залевская считает, что концепт есть «объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера в отличие от понятий и значений как продуктов научного описания (конструктов)» [Залевская 2001, 39]. С.Г.Воркачев отмечает принадлежность к национальной культуре как важнейшую черту концепта и рассматривает его как «операционную единицу мысли» [Воркачев 2004, 43], элемент коллективного сознания, выраженный в языке и обладающий этнокультурными особенностями [см.: там же, 51-52]. По М.В.Пименовой, «концепт – это представление о фрагменте мира» [Введение в когнитивную лингвистику 2004, 8]. В 1997 году вышла книга Ю.С.Степанова «Константы. Словарь русской культуры», где автор подробно

описывает ключевые концепты русского национального сознания. Ю.С.Степанов даёт такое определение рассматриваемому понятию: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [Степанов 1997, 43]. В.В.Красных говорит, что концепт – это абстрактная идея, обычно не имеющая визуального представления [см.: Красных 2003, 272]. Концепт, по мнению Д.С.Лихачёва, образуется на стыке языковой семантики слова с «личным жизненным опытом» человека [см.: Лихачёв 1997, 93]. В.В.Колесов пришёл к выводу, что концепт – это суть явления, отражённая в форме понятия, образа и символа [см.: Колесов 2004, 19-20]. С.Х.Ляпин считает, что концепты являются носителями культурной памяти. Они обладают системностью, многомерностью, способностью выражать идеализированные понятия [см.: Ляпин 1997, 16-18].

Несмотря на такое большое количество разных точек зрения на понятие «концепт», можно выделить общее ядро, объединяющее позиции учёных. Большинство исследователей сходятся во мнении, что концепт – это дискретная категория, обладающая ментальным содержанием (то есть связана с мышлением и памятью) и отражающая культуру нации. В нашей работе мы используем определение концепта, данное З.Д.Поповой и И.А.Стерниным в их книге «Когнитивная лингвистика» (2007 г.): «Мы определяем концепт как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007, 34].

Главными характеристиками концепта признаются следующие:

- 1) комплексность бытования;
 - 2) ментальная природа;
 - 3) ценностность;
 - 4) условность и размытость;
 - 5) изменчивость;
 - 6) ограниченность сознанием носителя;
 - 7) трёхкомпонентность (ценностный, образный и понятийный компоненты);
 - 8) полиапеллируемость;
 - 9) многомерность;
 - 10) методологическая открытость и поликлассифицируемость
- [Антология концептов 2007, 13].

В теории концепта остаётся множество вопросов. Например, обязательно ли концепт должен иметь языковое выражение. «Проблема соотношения слова и концепта остается одной из центральных теоретических проблем когнитивной лингвистики» [Попова, Стернин 2007, 77]. Мы согласны с точкой зрения З.Д.Поповой и И.А.Стернина и считаем, что концепт может быть не выражен в языке, так как это категория мышления, являющаяся единицей концептуальной (или когнитивной) картины мира. Мы уже отметили ранее, что концептуальная картина мира шире языковой: не все фрагменты ментальной деятельности человека могут быть выражены с помощью языка. З.Д.Попова и И.А.Стернин приводят в качестве примера слово *старожёны* по аналогии с *молодожёнами*. В нашем сознании есть представление о семейной паре в возрасте, но конкретного слова в языке для обозначения данного понятия нет. «Соотношение слова и концепта можно уподобить видимой и невидимой части айсберга» [Введение в когнитивную лингвистику 2004, 7]. Элементы лексического значения слова содержат концептуальную информацию, но не в полном объёме. Концепт имеет более сложное строение, поэтому расширяет и дополняет эту информацию [см.: там

же]. Описание лексического значения слова входит в задачи семасиологии, лингвокогнитологов интересует, как происходит процесс языкового мышления. «Совокупность значений языковых единиц образует семантическое пространство языка» [Гольдберг 2007, 7].

Не все учёные согласны с мнением, что концепт обязательно должен обладать ценностной и этнокультурной составляющей. Хотя, если посмотреть на тематику исследования различных концептов в последние десять лет, мы увидим, что в основном анализируются концепты, связанные с общечеловеческими и национальными ценностями: «Жизнь», «Добро», «Воля», «Родина», «Россия», «Русский язык» и др. [см.: Белоусова 2011, Есмурзаева 2010, Ипанова 2005, Красильникова 2010, Мерзлякова 2009, Очирова 2011, Палеха 2007, Тавдгиридзе 2005 и др.]. Однако есть работы, посвящённые конкретно предметным концептам [см.: Дуссалиева электронный ресурс, Качалкин 2013, Крюков 2012 и др.].

Концепт имеет достаточно чёткую структуру. Многие учёные говорят о полевой организации концепта: «Концепты внутренне организованы по полемому принципу и включают чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле» [Гольдберг 2007, 8]. Информационное содержание имеет несколько слоёв, каждый из которых может быть представлен отдельными словами, отдельными значениями одного и того же слова. Ю.С.Степанов выделяет три слоя концепта: первый – основной признак, второй – дополнительный или несколько дополнительных (исторических) признаков, третий представляет собой внутреннюю форму [см.: Степанов 1997, 47]. С.Г.Воркачёв отмечает, что концепт состоит из трёх составляющих: понятийной, образной и значимостной [см.: Воркачёв 2003]. В.И.Карасик считает, что концепт состоит из образно-перцептивного компонента, понятийного (информационно-фактуального) компонента и имеет ценностную составляющую (оценка и поведенческие нормы) [см.: Карасик 2004, 118]. Г.Г.Слышкин различает четыре зоны концепта – основные (интразону, экстразону) и дополнительные – квазизону и

квазиэкстразону [см.: Слышкин 2004, 6, 17-18]. М.В.Никитин выделяет в структуре концепта образ, понятие, когнитивный импликационал и прагматический импликационал [см.: Никитин 2004, 59-60]. Важно отметить, что большинство учёных близки во взглядах на структуру концепта. Они выделяют такие составляющие, как понятие (информационное ядро), образ и дополнительные признаки [см.: Попова, Стернин 2007, 105-106].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о типологии, классификации концептов. С.Г.Воркачев отмечает, что есть концепты высшего уровня (*долг, счастье, любовь, совесть*) и обычные концепты [см.: Воркачев 2004, 44]. По классификации Г.Г.Слышкина, лингвокультурные концепты делятся на пропорциональные, сформировавшиеся, формирующиеся, предельные и рудиментарные [см.: Слышкин 2004]. М.В.Пименова пишет о таких группах концептов: образы (*Русь, Россия, мать*), идеи (*социализм, коммунизм*) и символы (*лебедь*) [см.: Введение в когнитивную лингвистику 2004, 8]. Также она выделяет концепты культуры, среди которых есть несколько видов: универсальные категории культуры – *пространство, время, изменение, движение, следствие, причина, качество, количество*; социально-культурные категории – *справедливость, свобода, богатство, труд*, для русских – *собственность, достаток*; категории национальной культуры – для русских это *душа, воля, соборность, дух, доля*; этические категории – *добро, зло, истина, правда, долг*; мифологические категории – *ангел-хранитель, боги, духи, домовой* [см.: там же, 10]. З.Д.Попова и И.А.Стернин предлагают классифицировать концепты по «типу знания, отражения действительности, которое они закрепляют» [Попова, Стернин 2007, 117]. Учёные выделяют такие группы концептов, как Представление, Схема, Понятие, Фрейм, Сценарий и Гештальт. Концепты-представления создают абстрактный сенсорно-визуальный образ явления или предмета [см. там же] и выражены в языке в основном конкретной лексикой. Например: *берёза* – «лиственное дерево с белой корой» [МАС I]; *монах* – «член религиозной общины, живущий в монастыре, принявший пострижение и давший обет вести

аскетический образ жизни в соответствии с требованиями монастырского устава» [МАС II]. Схема представляет собой концепт с пространственной ориентацией, который можно изобразить в виде схемы (отсюда и название). Например, абстрактный образ животного или человека и т.д. Н.Н.Болдырев отмечает, что схема – это «мыслительный образ предмета или явления, имеющий пространственно-контурный характер» [Болдырев 2000, 36]. Понятие – это концепт, который отражает наиболее важные стороны предмета или явления, результат их мысленного восприятия. Например: *круг* – «часть плоскости, ограниченная окружностью» [МАС II]; *машина* – «механизм или совокупность механизмов, совершающие какую-л. полезную работу путем преобразования одного вида энергии в другой» [МАС II]. Понятия могут отражать как реальные объекты действительности, так и нереальные (напр., *инопланетянин*). Концепты-понятия в основном используются как термины в научной и производственной среде. Фрейм – многокомпонентный концепт, отражающий совокупность знаний о каком-либо предмете или явлении действительности. Например: *школа* (компоненты – учиться, педагог, парта, класс, урок и др.); *ресторан* (компоненты – официант, блюдо, меню, повар и др.). Сценарий (скрипт) – концепт, отражающий временную последовательность действия какого-либо объекта или явления. Например: *игра, поход, течение* (реки), *съёмка* (фильма) и др. Гештальт – целостный концепт, объединяющий чувственные и мыслительные процессы восприятия действительности, а также совмещающий в себе динамику и статику проявления различных признаков. Например: *любовь, счастье, разум* и др.

Важной для когнитивной лингвистики является классификация концептов по степени их вербальной объективированности для человека. Исходя из этого, концепты делятся на вербализованные (т.е. имеющие языковое выражение) и невербализованные (не имеющие языкового выражения).

Существенной предстаёт типология концептов по групповой (или национальной) принадлежности. С этой точки зрения выделяют универсальные концепты, существующие во всех национальных культурах (напр., *дом, жизнь, семья, любовь, родина* и др.), национальные концепты, выражающие характерные особенности мировосприятия отдельного народа (напр., русский концепт *воля*, австрийский *musikalitat* «музыкальность», английский *home* «дом», немецкий *Ordnung* «порядок», французский *valeurs republicaines* «республиканские ценности» и др.).

«Существуют также групповые (возрастные, гендерные, профессиональные и под.), а также индивидуальные концепты» [Попова, Стернин 2007, 120]. Для лингвистической поэтики и лингвокультурологии важным оказывается деление концептов на языковые и культурные [см.: Маркелова 2009, 37]. Культурные концепты отражают духовную деятельность нации (напр., искусство). Разновидностью культурных концептов является художественный концепт, использующийся в художественных произведениях для создания авторской картины мира. «Художественный концепт понимается как универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [Миллер 2000, 42]. «В художественном концепте, как и в любом другом, в латентном виде существует смысловая информация, которую можно подвергнуть развёртыванию, поэтому есть основания предположить, что эта информация реализуется в художественном высказывании, то есть в тексте, в слове» [там же, 43].

В качестве художественных концептов часто выступают ключевые слова литературного произведения, являющиеся доминантами, сильными позициями художественного текста. Так, в лирике Н.М.Рубцова мы можем выделить художественный концепт «Родина», который репрезентирует главный образ поэзии автора. Совокупность художественных концептов образует художественную картину мира. В разные исторические и

литературные эпохи художественная картина мира может изменяться: одни концепты выдвигаются на первый план, другие утрачивают свою значимость. Таким образом, можно говорить об эволюции концептов [см.: Миллер 2000, 44]. И.А.Тарасова отмечает, что эволюция концептов характерна не только для всего литературного процесса в целом, но и для каждого автора в отдельности: в разные периоды творчества ключевыми становятся конкретные концепты [см.: Тарасова 2004, 29]. В структуре художественного концепта главную роль играет интерпретационное поле, служащее источником ассоциативного пространства образов литературного произведения.

Сам термин «концепт» не сразу стал главенствующим в когнитивной лингвистике. В 90-ые годы разными учёными выдвигались и другие понятия: лингвокультурема, логоэпистема, мифологема. Но время показало, «что наиболее жизнеспособным здесь оказался «концепт», по частоте употребления значительно опередивший все прочие протерминологические новообразования» [Воркачев 2004, 41].

Совокупность концептов образует концептосферу. Мы придерживаемся точки зрения Д.С.Лихачёва, который называл термином «концептосфера» целостную систему взаимообусловленных концептов [см.: Лихачёв 1997, 282]. З.Д.Попова и И.А.Стернин определяют концептосферу как область знаний, составленную из концептов как её единиц [см.: Попова, Стернин 2007, 35]. Концептосфера включает в себя все константы национального сознания, то есть концепты. Таким образом, концепт – главная единица концептосферы.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что язык отражает мышление и культуру народа – так формируется языковая картина мира. Более широким понятием является концептуальная картина мира, которая создаётся такими ментальными единицами, как концепты. Концепты имеют свою структуру и типологию. Художественные концепты выражают картину мира художественного произведения и соответственно её автора.

Картина мира, концепт и концептосфера являются ключевыми понятиями когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

1.3 Идиолект и идиостиль как категории лингвистической поэтики

Каждый художник слова по-своему видит мир, и особенности его мировоззрения и мироощущения отражаются в языке. Исходным материалом творчества для всех поэтов и писателей является родной национальный язык. В течение многих лет в языке вырабатывается определённая система изобразительно-выразительных средств, которые активно используются в художественных произведениях. Несмотря на эту общую базу, каждый писатель обладает своим неповторимым стилем. Слово *стиль* многозначное. Нас интересует эта категория применительно к лингвистической поэтике. В Малом академическом словаре русского языка даётся такое определение рассматриваемого понятия: «совокупность приемов использования средств языка, характерная для какого-л. писателя или литературного произведения, направления, жанра» [МАС IV]. Похожая дефиниция отмечена и в Словаре литературоведческих терминов: «Стиль – закономерно согласованное единство всех элементов содержательной формы, в синтезе которых проявляется творческая индивидуальность: а) литературного произведения (стиль произведения); б) писательского творчества (стиль писателя); в) литературного направления как исторически неповторимого этапа развития искусства слова (стиль направления)» [Словарь литературоведческих терминов, электронный ресурс]. Стиль – категория, характеризующая единство формы и содержания художественного текста. Сам термин является важным общелингвистическим термином, объединяющим лингвистические и литературоведческие знания.

Очень важным представляется соотношение понятий *язык* и *стиль*, и конкретно *поэтический язык* и *стиль художественной речи*. В двадцатом

веке учёные уделяли большое внимание исследованию языка и стиля поэтов и писателей. Но теоретическая база научной дисциплины, занимающейся такой деятельностью, до сих пор не является окончательно утвердившейся. Среди филологов, создавших серьёзные труды по анализу поэтического языка и стиля художественной речи, можно выделить имена В.В.Виноградова, Г.О.Винокура, М.Л.Гаспарова, В.П.Григорьева, С.Т.Золяна, Ю.М.Лотмана, Я.Мукаржовского, О.Г.Ревзиной, Ю.Н.Тынянова, и др. В их работах очень часто используются термины *язык* и *стиль*. Однако к концу двадцатого века устоявшимися понятиями лингвистической поэтики (термин В.П.Григорьева) стали *идиолект* и *идиостиль*. Большинство учёных разделяет эти термины, но есть и те, кто их отождествляет [см.: Болотнова 2007, 324]. При их разведении идиолект, в частности, рассматривается как индивидуальный вариант национального языка, выраженный в тексте [см.: Леденева 2001, 36], а идиостиль представляет собой содержательно-формальную целостность языкового пространства индивида [см.: Золян 1989, 100]. Есть и обратное соотношение терминов, кажущееся нам более приемлемым: «под идиолектом определенного автора понимается вся совокупность созданных им текстов в исходной хронологической последовательности (или последовательности, санкционированной самим автором, если тексты подвергались переработке). Под идиостилем же понимается совокупность глубинных текстопорождающих доминант и констант определенного автора, которые определили появление этих текстов именно в такой последовательности» [Фатеева 1996, 12].

Поэтический язык представляет собой органичное соединение особенностей литературного языка конкретной исторической эпохи и индивидуально-авторских особенностей языка конкретного писателя (поэтических идиолектов). Исследование поэтических идиолектов – главная задача лингвистической поэтики [см.: Ревзина 1998, 3].

Описание поэтического идиолекта предполагает решение ряда задач. Главной является исследование поэтического языка того или иного автора. Затем происходит анализ способов создания художественного мира литературного произведения, и как результат – осмысление индивидуально-авторской картины мира. Учёному, занимающемуся лингвистической поэтикой, необходимо, по словам С.С.Аверинцева, «быть «согбенным» над текстом» [Цит. по: Хализев 1999, 64]. Каждое слово в художественном тексте значимо и поэтому должно быть проанализировано во множестве аспектов (в их числе: языковой поуровневый, контекстуальный, интертекстуальный и др.): «необходим такой уровень объяснительной силы, при котором про каждую конкретную языковую форму можно было бы сказать, какую роль она играет именно в данном тексте, какова её художественная нагрузка, почему произведен именно данный выбор и почему он является единственно возможным» [Ревзина 1998, 42].

Идиолект в отдельных источниках понимается как часть идиостиля [см.: ЛЭС 2002, 114]. В современной лингвистике оппозиция «идиолект – идиостиль» рассматривается как отражение оппозиции «язык – стиль». В соответствии с этим идиостиль определяется как совокупность языковых форм «индивидуального говорения» [Григорьев 1990, 3-4]. Каждый человек обладает своим уникальным идиолектом.

Анализом идиолектов занимаются не только лингвисты. В наше время юридические работники очень часто прибегают к экспертизам, связанным с определением индивидуальных речевых особенностей человека (напр., преступника). Появилась даже целая научная отрасль – юрислингвистика, занимающаяся исследованием взаимоотношений языка и права. Для обозначения данной деятельности используются также термины «судебное речеведение», «лингвокриминалистика», «лингвистическая экспертиза» [см.: Галяшина 2003, 8].

Проблема идиолекта связана с фундаментальной проблемой лингвистики: язык и общество. С одной стороны, идиолект создаётся на

общеязыковой базе, с другой стороны, сам язык формируется из множества идиолектов. Нужно учитывать оба взгляда на проблему идиолекта, так как процесс взаимодействия языка и общества носит двусторонний характер: и язык влияет на общество, и общество влияет на язык.

Существует теория эволюции идиолектов (по аналогии с теорией эволюции человека). В мире есть множество идиолектов, так как речевые особенности каждой языковой личности уникальны. Идиолекты взаимодействуют друг с другом, и следствием этого взаимодействия являются изменения идиолекта (по теории эволюции – отдельного вида). Эти изменения происходят в течение жизни носителей языка, далее передаются генетически.

В энциклопедии «Русский язык» идиолект понимается как «совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка» [Русский язык. Энциклопедия русского языка, электронный ресурс]. Понятие идиолект создано на основе понятия диалект, которое обозначает разновидность языка, используемого на определённой территории. В узком смысле идиолект – это индивидуальная разновидность языка [см.: Русский язык. Энциклопедия русского языка, электронный ресурс]. Такое понимание данного термина характерно для нейролингвистики, науки, изучающей мозговые процессы речевой деятельности и проблемы нарушения речевой функции в связи с работой головного мозга. При различных нарушениях речи необходимо сопоставить индивидуальное и типовое. «В широком смысле идиолект — вообще реализация данного языка в устах индивида, т. е. совокупность текстов, порождаемых говорящим и исследуемых лингвистом с целью изучения системы языка» [ЛЭС 2002, 171]. Исходя из такого широкого понимания идиолекта, язык стал рассматриваться как совокупность идиолектов, утрачивая, тем самым, своё надиндивидуальное начало. Этот подход был характерен лишь для такого направления в лингвистике, как младограмматизм. Хотя бесспорным остаётся тот факт, что язык не может

существовать вне своего носителя: он зарождается и развивается в человеческом сознании и потом функционирует в речи [ср.: Вандриес 1937, 404].

В лингвистических исследованиях понятие «идиостиль» понимается по-разному. В функциональной стилистике идиостиль «соотносится <...> не с языковой личностью вообще, а с языковой личностью в определенной социальной роли субъекта речи» [Котюрова 2003, 96] (например, идиостиль писателя, учёного, журналиста и др.). Поэтому на формирование идиостиля языковой личности влияют, прежде всего, внеязыковые факторы. В рамках функциональной стилистики развивается такое направление, как идиостилистика, занимающаяся изучением идиостиля языковой личности автора устного или письменного текстов.

В лингвистической поэтике первопроходцем в исследовании поэтических идиолектов и авторских идиостилей был Виктор Петрович Григорьев, автор известной работы «Грамматика идиостиля» и редактор «Словаря языка русской поэзии XX века». Он считал, что «описание идиостиля должно быть устремлено к выявлению глубинной семантической и категориальной связности его элементов, воплощающих в языке творческий путь поэта, к сущности его явной и неявной рефлексии над языком» [Григорьев 1989, 10]. По В.П.Григорьеву, элементы авторского идиостиля не являются тождественными элементам системы общенародного языка. Ещё В.В.Виноградов отмечал, что «для стиля писателя особенно характерен индивидуальный синтез форм словесного выражения и плана содержания» [Виноградов 1959, 87]. В.П.Григорьев говорит о «лингвистической реальности» идиолекта и «литературоведческой реальности» идиостиля. Но в то же время, идиостиль как совокупность речевых текстов является, по мнению автора, идиолектом, поэтому лингвистика, и в частности, лингвистическая поэтика имеет полное право изучать идиостиль художников слова.

Некоторые учёные считают, что в XX веке, особенно во второй половине его, когда активное развитие получило такое литературное и общекультурное направление, как постмодернизм, нужно говорить об идиостилевой полифонии, использовании писателями и поэтами нескольких языков (по Ю.М.Лотману – кодов) одновременно. Большой ряд филологов, в частности С.И.Гиндин, не согласен с этой позицией и говорит о том, что в разнообразии речевых стихий художественного текста какого-либо автора можно выделить «структурообразующий стержень творчества» [Фатеева, электронный ресурс], который сцепляет воедино разнородные языковые элементы идиостиля. Это характерно для русской литературы, представители которой ценят свою творческую индивидуальность.

Представители функционально-доминантного подхода в изучении идиостиля (Ю.Н.Тынянов, Л.С.Выготский, С.Т.Золян и др.) вводят понятие доминанты, которая понимается как «фактор текста и характеристика стиля, изменяющая обычные функциональные отношения между элементами и единицами текста. <...> Предполагается, что поэтический идиолект может быть описан как система связанных между собой доминант и их функциональных областей» [Золян 1986, 63]. Но, учитывая творчество писателей-билингвов, а также авторские переводы своих же текстов (напр., у В.В. Набокова), можно утверждать, что необходим более общий, всеобъемлющий подход в изучении идиостиля. Вся совокупность художественных (и шире – вообще письменных и устных) текстов писателей и поэтов должна рассматриваться как единое речевое пространство, обладающее содержательно-формальной цельностью.

Рассматривая всю совокупность созданных текстов определённого автора, можно отметить тексты, которые семантически идентичны друг другу. Эта идентичность проявляется в особенностях лексики, синтаксиса, композиционного строения, идейно-тематического содержания художественного произведения. Среди этого ограниченного количества текстов можно выделить один, в котором очень наглядно и ярко отражаются

все смысловые и формальные доминанты авторского идиостиля. Он называется метатекстом, а отношение между ним и остальными семантически эквивалентными текстами – автоинтертекстуальным [см.: Фатеева 2003, 18]: «очевидно, что за такими текстами стоит некоторый инвариантный код смыслопорождения, который вовлекает в единый трансформационный комплекс как единицы тематического и композиционного уровня, так и тропеические и грамматические средства, определяющие смысловое развертывание текста» [Фатеева 1995, 50]. Такой подход к исследованию идиолекта и идиостиля автора литературного произведения характерен для представителей структурализма, основоположником которого в отечественной филологии стал Юрий Михайлович Лотман. Идиостиль понимается структуралистами как индивидуальный код языковой личности, который входит в структуру семантических отношений литературного языка и определяется особенностями мышления [Фатеева, электронный ресурс].

В последние десятилетия в лингвистике наряду с терминами *текст*, *идиолект* и *идиостиль* стал употребляться ещё один термин – *дискурс*. Как многие понятия современной научной мысли, дискурс не получил однозначного толкования. В широком понимании дискурсом называют процесс общения, языковую деятельность, речь [см.: Кибрик, Паршин, электронный ресурс]. Термин *дискурс* часто используется в значениях «речь» и «текст», поэтому необходимо выяснить, чем отличаются данные понятия. Текст, по словам многих исследователей, является статической системой, дискурс же, наоборот, есть динамическая система, развёртывающаяся во времени. А.А.Кибрик рассматривает два основных значения термина *дискурс*: «Классическое употребление означает любые формы речевого взаимодействия между людьми» [Кибрик, электронный ресурс]. В этом смысле дискурс может представлять собой любой текст, подразумевающий диалогическую связь адресанта и адресата: от смс-сообщения до многотомного романа. Во втором значении дискурс понимают как

«некоторый образ мышления, идеологию и то, как она проявляется словесно» [там же]. Так дискурс предложили рассматривать французские структуралисты. В Лингвистическом энциклопедическом словаре даётся следующее определение дискурса: «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [ЛЭС 1990, 136]. По словам Н.Д.Арутюновой, «дискурс — это речь, «погружённая в жизнь» [там же].

Говоря о произведениях художественной литературы, некоторые учёные используют термин «литературно-художественный дискурс», обозначая тем самым разновидность дискурса. Н.С.Олизько, например, считает, что литературно-художественный дискурс является сложной системой взаимодействия авторского коммуникативного замысла и читательского восприятия этого замысла в пространстве художественного текста [см.: Олизько 2011, 164]. Таким образом, главным отличием дискурса от текста как элемента идиолекта и идиостиля является учёт читательского восприятия при анализе художественного произведения, то есть диалогический характер языкового пространства.

Идиостиль, по мнению многих учёных, отражает интеллект человека, то есть когнитивную деятельность языковой личности [см.: Караулов 1987]. Термин *языковая личность* был впервые использован В.В.Виноградовым в книге «О языке художественной прозы», где исследовались личность автора и личность персонажа литературного произведения [см.: Виноградов 1980, 61, 91]. Далее понятие «языковая личность» стало употребляться в связи с развитием таких научных отраслей, как психолингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика и др. Большая заслуга в развитии теории языковой личности принадлежит Ю.Н.Караулову, который в 1987 году выпустил свой знаменитый труд «Русский язык и языковая

личность». Разные учёные по-разному понимают языковую личность, но основные признаки в их дефинициях совпадают. Так, Г.И.Богин в своей докторской диссертации утверждает, что языковая личность – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 1984, 11]. Традиционным стало определение Ю.Н.Караулова, понимающего под языковой личностью «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов, Красильникова 1989, 3]. Ю.Н.Караулов выделяет три уровня в структуре языковой личности: 1) вербально-семантический, 2) когнитивный, 3) прагматический [см.: там же]. О.Л.Каменская добавляет ещё два уровня: эмоциональный и моторико-артикуляционный [см.: Каменская 2002, 17-18].

Один из ярких отечественных представителей лингвокультурологии С.Г.Воркачѳв определяет языковую личность как лексико-семантический тип носителя языка, включающий в себя речевые, культурные, психологические и другие характеристики [см.: Воркачѳв 2001, 66]. И.Э.Клюканов считает, что языковая личность – это субъект речевой деятельности, оперирующий категориями мышления [см.: Клюканов 1990, 73]. А.А.Пушкин указывает на связь понятий «языковая личность» и «дискурс»:

«Личность, владеющую совокупностью дискурсных способностей <...>, а именно ориентировки и планирования речевых и неречевых действий, формулирования плана действия в речевой форме, контроля и корректировки (по мере необходимости) речевых действий, можно назвать языковой личностью»

[Пушкин 1990, 52]. По мнению некоторых учёных, языковая личность – это человек, способный в закодированном виде представлять действительность и отображать её с помощью знаковых моделей в языковом коллективе [см.:

Мы считаем, что языковая личность является общим обозначением человека с его речевыми, физиологическими, психологическими, культурными и другими особенностями, проявляющимися, в первую очередь, в языке. В нашей работе мы рассматриваем языковую личность Н.М.Рубцова.

В лингвистической поэтике объектом исследования является языковая личность художника слова. Идиолект и идиостиль являются как раз её отражением (этой языковой личности). В.В.Виноградов ещё в середине двадцатого века говорил о важности исследования поэтических идиолектов. В своей книге «О теории художественной речи» (1971 г.) учёный ввёл термин *образ автора*, обозначающий «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем-рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [Виноградов 1971, 118]. Очень подробное и глубокое определение термина «образ автора» даётся в Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка: «1) одно из проявлений глобальной категории субъектности, выражающей творческое, созидательное начало в разных видах деятельности, включая речевую; 2) основная категория текстообразования, наряду с образом адресата формирующая лингвистические и экстралингвистические факторы текстообразования; 3) художественная категория, формирующая единство всех элементов многоуровневой структуры литературного произведения; 4) образ творца, создателя художественного текста, возникающий в сознании читателя в результате его познавательной деятельности» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2003, 321]. В.П.Григорьев выделяет понятие «образ автора идиостиля», которое соединяет все особенности языковой личности художника слова. Таким образом, мы видим соотношение понятий *идиолект*, *идиостиль*, *языковая личность* и *образ автора*. В.В.Леденёва считает, что идиолект — это языковые элементы, использующиеся языковой

личностью и функционирующие в единстве семантических связей авторского текста [см.: Леденёва 2000, 84].

Итак, можно сделать вывод, что *идиолект* и *идиостиль* на данный момент являются ключевыми понятиями лингвистической поэтики, так как отражают весь комплекс содержательных и формальных параметров художественного произведения. Идиолект мы понимаем как совокупность всех текстов одного автора, а идиостиль как комплекс ключевых доминант творчества автора. Термины *идиолект* и *идиостиль* связаны с такими важными терминами современной лингвистики, как *язык, стиль, текст, дискурс, языковая личность, образ автора*.

1.4 Теория поля в лингвистике. Полевая методика в лингвистической поэтике

1.4.1 Понятие поля. Признаки, структура, типология полей

Лексический уровень языковой системы непосредственно связан с внеязыковой действительностью. Словарный состав языка отражает все процессы, предметы и явления окружающего мира, а также различные их взаимосвязи, поэтому лексические единицы в лексико-семантической системе языка объединяются и дифференцируются. Слова, фразеологизмы, словосочетания, имеющие семантическую общность, komponуются в тематические группы, гиперо-гипонимические, синонимические и другие парадигмы, а те, в свою очередь, – в так называемые семантические поля.

Лексико-семантическую систему языка можно представить в виде полевой модели. В самом общем виде поле понимается как «некоторое организованное пространство частиц, множество элементов, единиц, внутри которого реализуются закономерности их систематизации и функционирования» [Новиков 1997, 3]. Лингвистическая теория поля зародилась в начале XX века. Предпосылками для её появления стали учения

В.Фон Гумбольдта о внутренней форме языка и Ф. де Соссюра о «значимости языковых сущностей», приобретаемых ими лишь внутри замкнутых систем» [Шафиков 1999, 19]. Термин *поле* в языкознании впервые использовал Й.Трир, утверждавший, что «слово имеет смысл только потому, что его имеют также другие, смежные с ним слова» [Trier 1932, 417]. Г.Ипсен определял поле как «совокупность слов, обладающих общим значением» [Ipsen 1924, 225]. А.Йоллес считал, что в языке не все значения могут быть выражены словами. Такую совокупность значений учёный называет термином «синонимон», т.е. «ядро поля, к которому стремятся все его члены» [Шафиков 1999, 21]. В.Порциг выделяет синтаксические поля, под которыми понимает «словосочетания и синтаксические комплексы, основанные на «сущностных связях значений», т.е. семантических компонентов» [Шафиков 1999, 21]. Ю.М.Гаврилов справедливо отметил, что теория поля, несмотря на большое количество точек зрения, является воплощением одной ключевой мысли – в каждом языке слова связаны друг с другом прочной семантической связью [см.: Гаврилов 1990, 57].

Несмотря на активное употребление, термин «поле» в языкознании до сих пор не получил однозначного толкования. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» языковое поле характеризуется как «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединённых общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [ЛЭС 1990, 340].

Приблизиться к точному определению поля может помочь рассмотрение основных признаков поля (и конкретных его разновидностей: семантического поля, лексико-семантического и др.). Г.С.Щур таковыми считает общность свойств, аттракцию и лингвистическую природу семантического поля (далее СП). Эти признаки, по мнению учёного, отличают СП от тематической группы (далее ТГ) и ассоциативного поля (далее АП), которые, в свою очередь, имеют экстралингвистическую

обусловленность [см.: Щур 1974, 135]. Одной из главных особенностей поля в языке является зонная структура. Традиционными элементами поля считают ядро, центр и периферию. Основными параметрами, разделяющими ядро и периферию, можно назвать обязательность, частотность и семантическое наполнение ядерных компонентов [см.: Тарасова 1994, 13]. С.Г.Шафиков выделяет шесть общих свойств поля: «1) взаимосвязь элементов, 2) регулярный характер связей между элементами, 3) значимость каждого элемента, зависящая от его отношения к соседним элементам, 4) принципиально общий, единый для всех языков характер семантических структур, лежащих в основе эквивалентных полей, 5) исторически обусловленное существование конкретного поля в каждом языке, 6) культурно-языковая специфика проявления семантических структур, образующих эквивалентные поля в разных языках» [Шафиков 1999, 17]. Ю.Н.Караулов указывает на то, что границы поля размыты и неопределённые [см.: Караулов 1987, 23]. Это объясняется «избыточностью поля и «необратимостью» членов этой иерархически организованной микросистемы слов» [Артёмова 2000, 21]. Неопределённость границ поля как важный признак полевой организации языка отмечает и И.А.Стернин [см.: Стернин 1985, 38]. Одной из главных особенностей полевой модели считается возможность пересечения полей в системе языка: «это пересечение приводит к образованию «общих сегментов, зон семантического перехода» [Артёмова 2000, 30; ср.: Полевые структуры в системе языка 1989, 5]. Элементы поля могут входить в ядро одного поля и одновременно в периферию другого и наоборот. Пересечения полей образуют непрерывность лексико-семантической системы языка: «<...> лексическая система языка непрерывна и взаимосвязана в своих семантических отношениях» [Диброва 2001, 261]. Л.А.Новиков утверждает, что «важнейшим свойством поля в языке является семантическая «напряжённость» его единиц в их сходстве и различии, поскольку любое поле определённым образом «наводится», структурируется как единое целое» [Новиков 1997, 3]. И, наконец, отметим такие три важных

признака поля, как динамичность, открытость и гибкость. Смена исторических эпох, развитие цивилизации, изменение человеческого мировосприятия, - всё это влияет на лексико-семантическую систему. Отдельные лексемы и семы уходят из употребления, появляются новые слова, новые значения, – за счёт этого семантические поля в языке обогащаются и трансформируются. Поле в языке свободно наполняется новыми элементами, которые либо называют новые понятия, признаки, явления, либо обнаруживают новые свойства в известных понятиях, признаках и явлениях действительности. Таким образом, структуру поля характеризует подвижность [см.: Кезина 2004, 85].

С самого возникновения теории поля в лингвистике встал вопрос о типологии полей. Первую классификацию предложил Р.Мейер в своей статье 1910 г. Учёный называл семантические поля «системами значений». «Р.Мейер делит эти системы по природе обозначаемых вещей на «естественные» (например наименования флоры и фауны), «полуискусственные» (терминологические системы) и «искусственные» (наименования объектов вторичной природы, окружающей человека)» [Шафиков 1999, 19].

Й.Трир выделил лексические и понятийные поля, подчёркивая, что «единицы лексического поля, т.е. слова, полностью покрывают единицы понятийного поля, т.е. понятия» [Шафиков 1999, 22]. Из синтеза этих двух полей складываются языковые поля, целостные замкнутые единицы.

Ш.Балли был приверженцем психолингвистического подхода в языкознании, поэтому говорил об ассоциативных полях, состоявших из лексических областей с инвариантным содержанием [см.: Шафиков 1999, 28]. В дальнейшем понятие ассоциативного поля было развито в трудах многих отечественных и зарубежных лингвистов. Отличительными признаками ассоциативного поля можно считать обширность, размытость границ, а также большую роль субъективного и экстралингвистического факторов.

Разработкой ассоциативного поля подробно занимались Э.Косериу и Ю.Н.Караулов.

По степени структурированности Э.Косериу делит поля на лексические и ассоциативные. Учёный считает идентичными понятия *лексическое поле* и *семантическое поле*.

А.А.Уфимцева не принимает термин *семантическое поле* и противопоставляет ему понятия *лексико-семантическая группа* и *тематическая группа* [см.: Уфимцева 1962, 133].

И.М.Кобозева различает понятия *лексико-семантическое поле* и *лексико-семантическая группа*: «ЛСП и ЛСГ не являются однородными лексико-семантическими системами. Поле в отличие от групп - это система, состоящая из образований, неоднородных по характеру связей между составляющими их элементами» [Кобозева 2000, 32].

О.Духачек считает, что в языке существуют морфологические, синтагматические (синтаксические) и ассоциативные поля. Также лингвист рассматривает разделение полей на элементарные и комплексные. Ядром элементарного поля является одно понятие, ядро комплексного включает несколько понятий: «ядро элементарного понятия общее для всех слов, в комплексном же понятийном поле есть смысловая общность на основе родства нескольких представлений» [Шафиков 1999, 30]. Важным открытием О.Духачека является чёткое разделение частеречных и межчастеречных полей.

Л.М.Васильев в своей ранней классификации выделил три основных типа полей: парадигматические, синтагматические и комбинированные поля. В дальнейших исследованиях учёный говорит уже о пяти типах [см.: Васильев 1990]. Из классификации Л.М.Васильева следует, что термин *семантическое поле* имеет два значения: широкое и узкое. «В широком значении семантическое поле есть любое языковое поле, экспоненты которого выражаются как лексическими, так и грамматическими средствами языка, репрезентирующими как парадигматические, так и синтагматические,

а также смешанные структуры» [Васильев 1990, 41]. В узком смысле семантическое поле представляет собой парадигматическое поле, единицами которого являются лексемы и фразеологизмы.

Некоторые учёные дифференцируют лексико-семантические поля в зависимости от частеречной принадлежности центральной лексики, образующей ядро поля. По данной классификации выделяют процессуальные поля, формируемые глаголами, признаковые – прилагательными, предметные – существительными [см.: Новиков 1991, 37]. Многие исследователи (Л.М.Васильев, В.И.Кодухов, Э.В.Кузнецова, Л.А.Новиков и др.) разграничивают понятия «лексико-семантическое поле» и «лексико-семантическая группа», исходя из частеречной принадлежности их компонентов.

Ещё одним важным вопросом является структурирование поля. Большинство учёных сходятся во мнении, что любое поле в языке имеет два обязательных компонента: ядро и периферию. «Для ядра характерна максимальная концентрация полеобразующих признаков, для периферии – неполный набор этих признаков при возможном ослаблении их интенсивности» [Артёмова 2000, 28-29; ср.: Полевые структуры в системе языка 1989, 4-5]. Ядро обычно образуется вокруг одной главной лексики, которая является семантическим центром, вбирающим в сжатом виде все смысловые фрагменты поля. Данную лексику называют гиперонимом. Это слово должно иметь широкую семантику, высокую степень употребления и способность объединять вокруг себя лексические единицы [см.: Артёмова 2000, 29].

Многие учёные выделяют центр поля, куда входят семантические единицы, имеющие близкое по отношению к ядру значение. Компоненты центра поля могут иметь парадигматические отношения с центральной лексикой (например, быть синонимами или антонимами и т.д.).

Следующей зоной поля является периферия, которую составляют семантические единицы, отдалённые по значению от ядра, часто имеющие

ассоциативные связи с ним. «Переход от ядра к периферии осуществляется постепенно, вычленяется ряд периферийных зон, в разной степени удалённых от ядра» [Артёмова 2000, 29; ср.: Полевые структуры в системе языка 1989, 5]. Элементы периферии входят в другие лексико-семантические поля, где могут выступать ядерными лексемами. Периферийные единицы часто обладают бóльшим, по сравнению с ядерными, количеством значений, множеством семантических приращений, богатством стилистических оттенков и контекстуальных сем. Многие элементы периферии могут объединяться в микрополя внутри большого поля, «выступая как синтагматические, т.е. контекстуальные распространители выражаемого ядром понятия» [Караулов 1976, 240]. Как утверждал Н.И.Толстой, именно через периферийную зону «может быть установлена связь разных полей, которые в общем не примыкают, а перекрещиваются и входят друг в друга, что придаёт лексико-семантической системе языка не только прочную внутреннюю спаянность, но и известную мобильность и гибкость» [Толстой 1968, 52]. Связь разных лексико-семантических полей, как мы уже отметили выше, выражается в их пересечении, прежде всего, периферийными элементами. Некоторыми учёными выделяется ближняя и дальняя периферийные зоны, иногда – ближняя, дальняя и отдалённая, или крайняя. Граница между центром и периферией является нечёткой.

В нашей работе структура поля соответствует взгляду Е.И.Дибровой [Диброва 2001, 262]. Мы выделяем ядро – гипероним, центр и периферию, которая делится на ближнюю и дальнюю.

Вопрос о способах вычленения поля очень подробно рассмотрен учёными и получил достаточно ясные выводы. Выделение семантического поля в лексике может осуществляться двумя способами: от понятия (этот метод можно назвать ономаσιологическим, его основу заложил Й.Трир) и от слова (семасиологический метод, автор которого В.Порциг) [см.: Караулов 1972, 110]. «В семасиологии речь идёт об одном слове и его связи с несколькими понятиями, а в ономаσιологии – о связи одного понятия с

несколькими словами» [Щур 1974, 107]. В нашей работе мы выделяем поле ономаσιологическим способом.

1.4.2 Понятие лексико-семантического поля. ЛСП как фрагмент языковой и художественной картин мира

Термин *лексико-семантическое поле*, так же, как и многие другие понятия, обозначающие полевые структуры, не получил однозначного толкования в языкознании. Л.М.Васильев указывает на то, что нужно разграничить семантическое поле и лексико-семантическое поле. Термин *лексико-семантическое поле* даёт возможность включить в классификацию полей вид, который отечественные языковеды называли *лексико-семантической группой*, «состоящей из полисемантов, объединённых по основному значению» [Васильев 1971, 107]. Рассмотрим подробнее понятия **семантическое поле** и **лексико-семантическое поле**.

Б.Ю.Городецкий утверждает, что семантическое поле – это совокупность единиц языка, обладающих определённым сходством в каком-нибудь семантическом компоненте и связанных особыми смысловыми отношениями [см.: Городецкий 1969, 173].

С.Г.Шафиков пишет о том, что «семантическое поле есть объективная языковая структура, реальность которой подтверждается действием мнемонических процессов памяти» [Шафиков 1999, 36]. Учёный даёт такую дефиницию рассматриваемого понятия: «семантическое поле представляет собой языковую структуру, образуемую системой внутренних содержательных оппозиций, подчинённых общему (инвариантному) содержанию» [Шафиков 1999, 45].

Е.И.Диброва указывает на то, что «семантическое поле – это иерархическая организация слов, объединённая одним родовым значением и представляющая в языке определённую семантическую сферу» [Диброва 2001, 260-261].

По мнению С.В.Кезиной, «семантическое поле – совокупность слов, имеющих хотя бы одну общую сему и находящихся по отношению друг к другу в разнообразных связях» [Кезина 2004, 85].

Вслед за Л.М.Васильевым мы считаем, что лексико-семантическое поле является разновидностью семантического поля [Васильев 1971, 107]. Таким образом, мы считаем, что термин «лексико-семантическое поле» является более узким обозначением лексического пространства, чем термин «семантическое поле», хотя данные термины часто используются и как синонимы.

Ю.Н.Караулов в своей статье «Структура лексико-семантического поля» даёт такое определение ЛСП: «лексико-семантическим полем называется группа слов одного языка, достаточно тесно связанных друг с другом по смыслу» [Караулов 1972, 57].

С.В.Шармар лексико-семантическим полем называет «совокупность слов различных частей речи, объединенных на уровне лексического значения общей интегральной семой» [Шармар электронный ресурс].

Н.В.Артёмова утверждает, что «ЛСП – упорядоченное множество языковых единиц одной части речи с общим значением, которые отражают понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений и группируются вокруг ядерной семемы» [Артёмова 2000, 34].

Несмотря на то, что единого определения ЛСП нет, можно назвать ряд базовых признаков ЛСП, которые выделяются большинством исследователей. Во-первых, ЛСП представляет собой систему взаимосвязанных семантических единиц. Во-вторых, в основе ЛСП лежит ядерный элемент, который связан со всеми компонентами поля. В-третьих, ЛСП имеет структуру, состоящую из двух обязательных зон: ядра и периферии.

Таким образом, можно сделать вывод, что лексико-семантическое поле – это система взаимосвязанных семантических единиц, имеющих общий ядерный элемент. Например, в русском языке можно выделить лексико-

семантическое поле «Дом». Ядром поля является лексема *дом*. В состав центра входят близкие по смыслу слова *семья, родина, жилище, изба, кирпичный, деревянный* и др. На периферии находятся лексемы, имеющие ассоциативные связи с ядром поля: *рябина, сирень, пёс, чайник, Россия, Москва, счастье, уют* и т.д. [ср.: Забродкина 2008].

Между единицами ЛСП можно выявить различные отношения. Большинство учёных говорят о парадигматических и синтагматических отношениях внутри поля. Парадигматическими называются отношения, возникающие между членами какого-либо ряда (синонимического, антонимического, ассоциативного и др.) на основе общности или противоположности. Это отношения по вертикали. Единицей парадигматических отношений является парадигма, то есть «ряд противопоставленных языковых единиц, каждый член которого определяется отношениями к другим членам ряда» [Русский язык. Энциклопедия русского языка, электронный ресурс]. Например, слово *радость* имеет синонимическую парадигму: *радость – счастье – удовольствие* и т.д.; а также антонимическую парадигму *радость – горе – печаль* и т.д. Синтагматическими считаются отношения линейной последовательности единиц на основе сочетаемости. Это отношения по горизонтали. Единицей синтагматических отношений является синтагма, то есть «интонационно-смысловое единство, которое выражает в данном контексте и в данной ситуации одно понятие и может состоять из одного слова, группы слов и целого предложения» [Русский язык. Энциклопедия русского языка, электронный ресурс]. Так, например, слово *радость* может образовывать разные синтагмы в речи: *большая радость, нечаянная радость, радость жизни* и др.

Важную роль играют эпидигматические отношения внутри полисеманта. Прямое и переносное значения многозначного слова связаны по определённому семантическому признаку. Например, слово *земля* имеет прямое значение «планета» и переносные значения «суша», «почва»,

«страна» и др. Общим семантическим компонентом в этих значениях является «пространство».

Лингвисты выделяют ещё и деривационные отношения внутри ЛСП, которые раскрывают словообразовательные связи членов поля. Например, в диссертации В.М.Маркеловой центр ЛСП «тревога» в лирике А.А.Блока составляет словообразовательное гнездо с доминантой *тревога*: «*тревога — тревожный (-ая, -ые) — тревожно — тревожить — тревожа — тревожиться — встревожить — встревоженный — потревожить*» [Маркелова 2009, 13].

Основной единицей ЛСП является лексема. Лексема – это единица лексического уровня языковой системы, которая рассматривается в совокупности и целостности своих семантических и грамматических характеристик [см.: Уфимцева 1962, 45; Шмелёв 2006, 23]. Следующим элементом ЛСП можно назвать лексико-семантический вариант (ЛСВ), то есть одно из значений слова - полисеманта. Минимальная единица ЛСП – это сема, компонент значения слова.

Именно слово (лексема), а не поле является непосредственным материалом анализа исследователя-лексиколога, ведь поле – это лишь абстрактная модель, «способ» отражения действительности» [Караулов 1976, 275 и 269]. Поэтому в первую очередь нужно изучить смысловую структуру слова. Учёные выделяют два обязательных компонента этой структуры: 1) «предметно-понятийная соотнесенность (денотативный и сигнификативный компоненты); слово называет какой-либо предмет или явление объективной действительности и выражает понятие о нем; 2) внутриязыковое (структурное, системное) значение; слово соотносится в лексической системе языка с другими словами и вступает с ними в парадигматические и синтагматические отношения, определяющие его лексическое значение на собственно языковом уровне» [Шармар электронный ресурс]. Элементом смысловой структуры слова является и эмоционально-оценочный (коннотативный) компонент. Некоторые учёные

выделяют социокультурный и этнокультурный компоненты значения слова, выражающие особенности национального мировоззрения и восприятия человеком конкретного понятия или бытовой реалии, названной словом [см.: Вежбицкая 1996, 41; Солодуб 1997, 63]. В последние десятилетия активное развитие когнитивной лингвистики и лингвокультурологии оказало влияние на лексикологию, в том числе и на теорию семантических полей. Лексико-семантическое поле стало восприниматься как важнейший фрагмент языковой картины мира [см.: Караулов 1976, 273]. Например, русскую языковую картину мира вполне наглядно можно представить в виде совокупности ключевых лексико-семантических полей русского языка. А.Д.Шмелёв отметил, что «анализ русской лексики позволяет сделать выводы об особенностях русского видения мира» [Шмелёв 2005, 25], в том числе, а может быть, и прежде всего – анализ с применением полевой методики.

Ю.Н.Караулов в своих работах убедительно доказал, что слово непосредственно отражает действительность, так как входит в семантическое поле, которое, является главной единицей языковой картины мира, тогда как главным компонентом концептуальной картины мира являются константы сознания (концепты). А так как ЯКМ и ККМ тесно связаны, ЛСП может быть средством вербализации того или иного концепта. С помощью анализа ЛСП стало возможным исследовать языковую личность, поскольку лексико-семантическое поле является фрагментом не только языковой системы, но и когнитивной деятельности человека [см.: Шафиков 1999, 38].

В последние годы полевая методика активно применяется в лингвистической поэтике с целью исследования языка писателя или отдельного художественного произведения. Полевый метод помогает выявить характерные особенности авторского мировоззрения, идиостилевые доминанты творчества и на основе выделения главных лексико-семантических полей сделать вывод о языковой картине мира писателя [см.: Кочнова 2005, 41].

Лексико-семантическое поле в художественном тексте по составу и структуре отличается от общеязыкового. В литературном произведении часто наблюдается трансформация лексического значения слова, семантические приращения, обилие коннотаций, интертекстуальные связи слова и другие особенности, связанные со спецификой языка художественной литературы. В семантике художественного слова главной становится «преобразующая роль художественного мировоззрения», способствующая «формированию особой смысловой структуры» [Язикова 1985, 29].

Активным исследованием семантики слова в художественном тексте филологи стали заниматься в начале XX века. В.В.Виноградов, Г.О.Винокур, В.М.Жирмунский, Б.В.Томашевский, Ю.Н.Тынянов, В.Б.Шкловский, Б.М.Эйхенбаум, Р.О.Якобсон и другие учёные разработали теорию поэтического языка, одним из главных принципов которой было всестороннее изучение слова в литературном произведении. В дальнейшем данной проблематикой занимались В.П.Григорьев, Н.А.Купина, Ю.М.Лотман, Л.Ю.Максимов, Н.А.Николина, О.Г.Ревзина, Д.Н.Шмелёв и многие другие филологи. В их работах поэтический язык рассматривается «как особым образом организованная эстетическая система, замкнутость и единство которой объясняются устойчивостью функционально-смысловой нагрузки, которую получает тот или иной образ» [Габдуллина, электронный ресурс].

Важным вопросом при исследовании ЛСП в художественном тексте является определение ядра поля с соответствующим гиперонимом, по которому можно именовать ЛСП. Процедура вычленения ядерной лексики должна содержать подсчёт и анализ лексических единиц, среди которых выделяются ключевые слова – самые частотные и значимые элементы содержательно-формальной структуры художественного текста. Например, в творчестве И.Ф.Анненского одним из самых употребительных является слово *утро*, которое может считаться ядром одноимённого лексико-семантического поля [см.: Тарасова 1994, 62].

Полевой подход применяется и для исследования языка отдельного художественного произведения, и для изучения всего творчества конкретного автора. Впервые полевой метод в исследовании языка художника слова применил П.Гиро, который ввёл понятие стилистического поля. Стилистическим полем учёный называл совокупность парадигматических связей между семантическими единицами, образующими «язык, или код писателя» [Габдуллина, электронный ресурс]. «Стилистические поля» Гиро служат для обнаружения внутренних отношений в языке писателя, отражают определённую специфику его творческой личности» [там же]. С помощью полевого подхода П.Гиро анализировал поэтический сборник Ш.Бодлера «Цветы зла». Однако исследование носило скорее статистический характер: подсчёт лексем проводился без лингвостилистической интерпретации.

Основоположником полевой методики в лингвистической поэтике среди отечественных учёных стал Ю.И.Левин. В своей работе он исследовал лексику поэтических произведений Б.Л.Пастернака, разделив её на несколько семантических полей. Лингвист произвёл полный количественный подсчёт лексем и частично интерпретировал полученные показатели с точки зрения стилистики. Единственным минусом исследования можно признать тот факт, что лексемы распределялись по соответствующим полям «на основе общезыковых сем в структуре значения слова» [Габдуллина электронный ресурс, ср.: Левин 1998, 420], следовательно, не учитывались индивидуально-авторские семантические приращения в составе лексических единиц.

Среди работ, где наиболее полно и глубоко используется полевая методика для анализа художественного текста, можно выделить исследования И.А.Тарасовой (1994), И.И.Чумак-Жунь (1996), С.В.Романовской (1998), И.В.Пархоменко (2000), К.А.Кочновой (2005), Е.В.Плахиной (2005), В.М.Маркеловой (2009) и некоторых других учёных.

Одной из особенностей лексико-семантического поля в художественном тексте является ассоциативное пространство периферийных

компонентов. Единицы периферии в общенародном языке могут быть семантически очень далёкими от ядерной лексики поля. Зато в поэтическом языке эти лексические элементы становятся близкими, а иногда и тождественными ядерному компоненту. Например, в языковой картине мира С.А.Есенина слова *голубой*, *синий* и другие однокоренные лексемы становятся символами родины, хотя в общеязыковом значении сема 'родина' у них отсутствует:

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть... («Я покинул родимый дом»)

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты - в ризах образа...
Не видать конца и края -
Только *синь* сосет глаза... («Гой ты, Русь, моя родная») [Жизнь моя, или ты приснилась мне, электронный ресурс].

О важной роли ассоциативного значения в структуре лексико-семантического поля говорил Ю.Н.Караулов, который выделил как самостоятельные разновидности ассоциативное и понятийное поля: «Ассоциативное поле может рассматриваться как характеристика индивидуума, воспринимающего действительность. Понятийное поле тяготеет к тому, чтобы быть непосредственным отражением этой действительности. Семантическое поле <...> стремится соединить обе указанные характеристики» [Караулов 1976, 175].

Каждая лексическая единица поля должна рассматриваться как минимум в трёх ипостасях: историко-этимологической, собственно семантической и индивидуально-стилистической. Исследователь должен обращать внимание и на культурно-исторический контекст слова. М.Б.Елисеева утверждает, что «значение типовых, традиционных культурно-

исторических ассоциаций, возникавших у слова в различные периоды развития художественной речи – необходимое условие восприятия текстовых смыслов» [цит. по: Тарасова 1994, 28]. Полевый подход при анализе художественного произведения предполагает использование лингвистических, литературоведческих и общекультурологических методов.

Лексико-семантическое поле в поэтическом идиолекте представляет собой организованную структуру семантически связанных языковых единиц, одной из главных особенностей которых является ассоциативная семантика.

Таким образом, можно сделать вывод, что лексико-семантическое поле является фрагментом общезыковой картины мира и вместе с этим индивидуальной языковой картины мира человека, в том числе художника слова. Говоря о литературном произведении, мы можем утверждать, что лексико-семантическое поле предстаёт фрагментом художественной картины мира писателя или поэта. Лексико-семантическое поле является одним из главных компонентов идиостиля.

Выводы по главе I

Язык художественной литературы – это сложноструктурированная система организации языковых единиц в художественном тексте. Язык художественной литературы выходит за пределы системы функциональных стилей русского литературного языка и отличается особой эстетической функцией, суть которой состоит в эстетическом и эмоциональном воздействии на адресата. Понятие *язык художественной литературы* связано с такими важными для лингвистической поэтики понятиями, как *поэтический язык*, *художественная речь*, *текст*, *дискурс* и др. Слово в художественном тексте трансформируется: происходит изменение семантической структуры, возникновение ассоциаций и коннотаций у различных лексем. Большое значение при этом имеет контекст.

Современная лингвистическая наука характеризуется антропоцентризмом (главным предметом исследования становится не язык, а человек, языковая личность). В языке отражается мышление и культура нации. Образ действительности выражен в понятии *картина мира*. Различают *концептуальную картину мира (ККМ)* и *языковую картину мира (ЯКМ)*. ККМ возникает в сознании человека и выражается *концептами* – дискретными категориями, обладающими такими важными признаками, как ментальность, ценностность, многомерность и др. Концепты имеют определённую структуру и типологию. Для лингвистической поэтики большое значение имеет художественный концепт, являющийся репрезентантом художественного образа в литературном произведении. ККМ шире ЯКМ, так как не все фрагменты когнитивной деятельности человека могут быть выражены в языке. Единицей ККМ является концепт, а единицей ЯКМ – семантическое поле. В художественном тексте формируется *художественная картина мира (ХКМ)* как часть языковой. Она отражает художественное представление автора о мире и человеке.

Важнейшими понятиями лингвистической поэтики являются *идиолект* и *идиостиль*. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой идиолект – это совокупность текстов (устных и письменных) одного автора, а идиостиль – совокупность характерных особенностей авторского стиля. Понятия *идиолект* и *идиостиль* связаны с такими понятиями, как *стиль, язык, текст, дискурс, языковая личность* и *образ автора*. Все эти термины объединяет идея соотношения индивидуального и общего в речи.

В современном языкознании убедительно доказано применение полевого метода для анализа языковой картины мира. При этом учёные глубоко исследовали структуру и типологию полей. Большинство лингвистов считает, что любое поле в языке обладает такими признаками, как семантическая взаимосвязь элементов внутри поля, зонная структура, неопределённость границ, возможность пересечения с другими полями и др. В структуру поля входят два главных компонента: ядро и периферия. Некоторые учёные выделяют центр. Ядро образуется лексемой, содержащей в сжатом виде максимальный набор

семантических признаков поля. Периферия характеризуется ассоциативной семантикой, большим количеством контекстуальных сем. В нашей работе рассматривается такая разновидность полей, как лексико-семантическое поле (ЛСП), представляющее собой систему взаимосвязанных семантических единиц, имеющих общий ядерный элемент. Мы считаем, что термин «лексико-семантическое поле» является более узким обозначением лексического пространства, чем термин «семантическое поле», хотя данные термины часто используются исследователями как синонимы. Компоненты ЛСП связаны эпидигматическими, парадигматическими, синтагматическими и деривационными отношениями. В художественном тексте лексико-семантическое поле предстаёт важным фрагментом языковой картины мира писателя, его идиостиля.

Глава 2 Особенности языковой картины мира

Н.М.Рубцова

2.1 Биографические основы творчества Н.М.Рубцова

Двадцатый век в русской литературе ознаменовался появлением большого количества новых имён: писатели и поэты в это время стали настоящими героями эпохи, голосами народа и государства. Несмотря на тяжёлые периоды истории, в прошлом столетии было создано огромное число гениальных произведений искусства, в том числе и литературы. Начало столетия в русской культуре было связано с понятием «Серебряный век», обозначавшим время активного развития отечественного искусства (прежде всего, литературы). В эти годы произошёл настоящий расцвет русской поэзии: А.А.Блок, С.А.Есенин, А.А.Ахматова, М.И.Цветаева, В.В.Маяковский, З.Н.Гиппиус, К.Д.Бальмонт, Н.С.Гумилёв, В.Я.Брюсов, В.Хлебников, И.Северянин, О.Э.Мандельштам, Б.Л.Пастернак и многие другие звёзды зажглись на поэтическом небосклоне нашей страны.

В 30-50-ые годы русская литература искала новые темы, новые формы, при этом продолжая следовать традициям. Новый всплеск произошёл в шестидесятые годы, во время так называемой «хрущёвской оттепели», когда в связи с ослаблением цензуры творческая деятельность стала более свободной. На первый план выдвинулись поэты-шестидесятники: Е.А.Евтушенко, А.А.Вознесенский, Б.А.Ахмадулина, Р.И.Рождественский, Б.Ш.Окуджава, которые устраивали поэтические вечера и удивляли читателей, прежде всего, языком своих произведений. Творчество этих авторов многие учёные называли «громкой» поэзией.

Параллельно с «громкой» поэзией шестидесятников появилась так называемая «тихая» лирика, представителями которой были поэты В.Н.Соколов, А.В.Жигулин, А.Т.Прасолов, С.Ю.Куняев, Н.И.Тряпкин,

А.К.Передреев, С.П.Дрофенко и другие авторы. Характерными особенностями их творчества были преобладание нравственно-философской проблематики, ориентация на национальную культуру и приверженность традициям русского классического стиха. Самым ярким представителем «тихой» лирики стал поэт Николай Рубцов (1936-1971 г.г).

Николай Михайлович Рубцов родился 3 января 1936 г. в городе Емецке Северной области (в настоящее время Архангельская область). Отец поэта Михаил Андрианович был начальником ОРСа леспромхоза, мать Александра Михайловна была домохозяйкой¹. [см.: Душа хранит. Жизнь и поэзия Николая Рубцова, электронный ресурс]. С самого начала жизни судьба заставила Н.М.Рубцова пройти серьёзные испытания. Когда Коле было пять лет, началась война: отец ушёл на фронт, а в 1942 г. умерла мама будущего поэта, и мальчик попал в Никольский детдом Вологодской области. В это тяжёлое время Н.М.Рубцов написал своё самое первое стихотворение:

Вспомню, как жили мы
С мамой родною –
Всегда в веселе и тепле,
Но вот наше счастье
Распалось на части –
Война наступила в стране. («Вспомню, как жили мы»)

Отец мальчика считался погибшим на войне, хотя на самом деле Михаил Андрианович вернулся с фронта и поселился в Вологде с новой семьёй. Оставшись без родителей, маленький Коля «ощутил горечь сиротства, скитаний и бездомности» [Душа хранит. Жизнь и поэзия Николая Рубцова, электронный ресурс], о чём позже вспоминал в своих стихах:

Для нас звучало как-то незнакомо,
Нас оскорбляло слово «сирота». («Детство»)

¹ Биография поэта приводится по материалам сайта «Душа хранит. Жизнь и поэзия Николая Рубцова»

В 1950 г. Н.М. Рубцов окончил Никольскую среднюю школу. Учительница литературы вспоминает, как маленький Коля любил читать стихи, и читал очень хорошо [см.: Душа хранит. Жизнь и поэзия Николая Рубцова, электронный ресурс]. После семилетней школы Н.М.Рубцов едет поступать в Рижское мореходное училище, но этого не удаётся сделать, так как ему не было ещё пятнадцати лет. По возвращении Коля поступил в Тотемский лесотехнический техникум. Подросток очень хотел попасть на море и в 1952 г., окончив два курса техникума, был зачислен на Тралфлот — подручным кочегара на тральщике РТ-20 «Архангельск» [см.: Душа хранит. Жизнь и поэзия Николая Рубцова, электронный ресурс]. В 1953 г. Николай поступает в горный техникум заполярного города Кировска. Спустя год Н.М.Рубцов бросает учёбу и едет к брату Алексею в село Приютино Ленинградской области. Там будущий поэт некоторое время работает слесарем-сборщиком на артиллерийском полигоне. С 1956 по 1959 г.г. Н.М. Рубцов проходит службу на Северном флоте. Именно в это время Николай начинает активно писать стихи, появляются его первые публикации в газете «На страже Заполярья». В годы службы будущий поэт серьёзно увлёкся творчеством С.А.Есенина. Писатель Валентин Сафонов, сослуживец Н.М.Рубцова, вспоминал: «Коля прочитал все, что было у меня о Есенине... Брат прислал мне двухтомник Есенина, вышедший в 56-м в Госиздате. Светло-сиреневый переплет, зеленое пятно неприхотливого пейзажа на обложке. Вот это был праздник!» [Душа хранит. Жизнь и поэзия Николая Рубцова, электронный ресурс]. Служба на море оказалась важным моментом в жизни Н.М.Рубцова: закалила его характер, подарила массу впечатлений, которые отразились в творчестве начинающего поэта.

Я весь в мазуте,
весь в тавоте,
Зато работаю в тралфлоте! («Я весь в мазуте»)

Вьюги в скалах отзвучали,

Воздух светом затопив,
Солнце брызнуло лучами
На ликующий залив! («Весна на море»)

В ранних стихах Н.М.Рубцова в основном преобладают морская тематика и шутливая интонация. Однако появляются и серьезные стихотворения, где уже слышен чисто «рубцовский» голос, голос будущего гения:

Я люблю, когда шумят берёзы,
Когда листья падают с берёз.
Слушаю, и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез. («Берёзы»)

В трудный час, когда ветер полощет зарю
В темных струях нагретых озер,
Я ищу, раздвигая руками ивняк,
Птичьи гнезда на кочках в траве.
Как тогда, соловьями затоплена ночь.
Как тогда, не шумят тополя.
А любовь не вернуть,
Как нельзя отыскать
Отвихрившийся след корабля! («Соловьи»)

После демобилизации Николай устраивается работать кочегаром на Кировский завод в Ленинграде, поселяется в заводском общежитии. Н.М.Рубцов начинает заниматься в литературном объединении «Нарвская застава», где знакомится со многими известными ленинградскими поэтами, участвует в литературных вечерах. В 1962 г. происходит знаменательное событие – появляется первый самиздатовский сборник стихов Н.М.Рубцова – «Волны и скалы». Рукописная книжечка состояла из 37 стихотворений, включая несколько известных произведений («Видения на холме», «Фиалки», «Элегия», «Берёзы», «Левитан», «Поэт» и др.) В предисловии к

сборнику автор очень искренне выразил свои жизненные и поэтические убеждения: «В жизни и поэзии — не переношу спокойно любую фальшь, если её почувствую. Каждого искреннего поэта понимаю и принимаю в любом виде, даже в самом сумбурном. <...> Чёткость общественной позиции поэта считаю не обязательным, но важным и благотворным качеством» [Душа хранит. Жизнь и поэзия Николая Рубцова, электронный ресурс].

В августе 1962 г. Н.М.Рубцов едет в Москву и поступает в Литературный институт, представив на творческий конкурс свой сборник «Волны и скалы». В этом же году поэт в родном селе Никольском встречается с Генриеттой Меньшиковой, от которой у него в 1963 г. рождается дочь Лена. В Москве Н.М.Рубцов общается с такими поэтами, как Э.В.Балашов, С.Ю.Куняев, А.К.Передреев, В.Н.Соколов и др. Друзья, коллеги и педагоги сразу же оценили начинающего поэта. Одним из первых глубину таланта Н.М.Рубцова оценил педагог литинститута Н.Н.Сидоренко, поэт военного поколения. В.В.Кожин в своей книге о Николае Рубцове приводит характеристику, которую дал Н.Н.Сидоренко ранним произведениям поэта: «Стихи его наполнены жизнью, в них свет и тени, радость и горечь... Они человечны, правдивы, выразительны... Н. Рубцов — поэт по самой своей сути» [Кожин 1976, 14]. В характеристике, которую дал Николай Сидоренко спустя год, ещё более убедительно оценивается творчество Н.М.Рубцова: «Если вы спросите меня: на кого больше всего надежд, — я отвечу: на Рубцова. Он — художник по организации его природы, поэт по призванию» [там же].

Николай Рубцов был очень добрым, порою застенчивым человеком, и вместе с этим обладал сложной натурой с противоречивым характером. Летом поэт обычно живёт в родной Николке, где постоянно испытывает творческий подъём. В 1963-65 г.г. написаны такие классические рубцовские стихотворения, как: «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны», «В горнице», «Русский огонёк», «Звезда полей», «Тихая моя родина», «Букет», «Осенняя песня» и др. Всё это выливается в новый сборник «Лирика»,

вышедший в 1965 г. в Северо-Западном книжном издательстве. Теперь главной темой рубцовской поэзии становится Родина:

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои. («Тихая моя родина»)

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою друга,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя... («Русский огонёк»)

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою... («Звезда полей»)

В 1966 г. поэт много путешествует, посещает Алтай, Сибирь, Вологду и другие регионы страны. Н.М.Рубцов принимает участие в традиционных для того времени литературных вечерах, встречах писателей в разных регионах. Современники вспоминают, как трогательно Н.М.Рубцов читал собственные стихи, много жестикулируя при этом и очень чётко оттачивая ритм стихотворения. Но главным пристанищем поэта, самым родным местом на земле по-прежнему для него остаётся село Никольское Вологодской области, которое Н.М.Рубцов ласково называл Николой. «В одном из писем Александру Яшину поэт говорит о Николе: «здесь для души моей родина!» [Душа хранит. Жизнь и поэзия Николая Рубцова, электронный ресурс].

В 1967 г. в издательстве «Советский писатель» выходит книга стихов Н.М.Рубцова «Звезда полей», принёсшая автору настоящую известность. Многие критики восторженно отнеслись к новому сборнику поэта. В.В.Кожин в своей работе о жизни и творчестве Николая Рубцова приводит воспоминания поэта Егора Исаева о книге «Звезда полей»: «Я помню ее сердцем. Помню не построчно, а всю целиком, как помнят человека со своим неповторимым лицом, со своим характером... В ней есть своя особенная предвечерность — углубленный звук, о многом говорящая пауза» [Кожин 1976, 29]. В книге «Звезда полей» читатель увидел Рубцова как тонкого лирика, певца русской природы, поэта-философа и истинного патриота:

В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плес,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берез <...> («В минуты музыки»)

В святой обители природы,
В тени разросшихся берез
Струятся омутные воды
И раздается скрип колес. («В святой обители природы»)

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времен...

(«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»)

Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь - и покажутся вдруг журавли!

И разбудят меня, позовут журавлиные крики

Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали... («Журавли»)

В 1968 г. Н.М.Рубцов окончил Литературный институт и был принят в Союз писателей. Казалось, что жизнь поэта складывалась удачно, но на самом деле это было не так. Н.М.Рубцов даже не имел своего жилья, ютился то в общежитиях, то на квартирах друзей, то у совсем незнакомых людей. Причин тут много: сиротское детство, тяжёлая послевоенная пора, трудная рабочая юность, но самое главное то, что по натуре Н.М.Рубцов был скитальцем:

Как будто ветер гнал меня по ней,

По всей земле — по селам и столицам!

Я сильный был, но ветер был сильнее,

И я нигде не мог остановиться. («Привет, Россия!»)

В 1969 г. в Северо-Западном издательстве выходит книга Н.М.Рубцова «Душа хранит». Решается и бытовой вопрос: поэт получает в Вологде собственную однокомнатную квартиру. На родной вологодской земле поэту было уютнее, чем в суетной столице. Здесь он сближается с вологодскими литераторами: В.П.Астафьевым, В.И.Беловым, В.В.Коротаевым, О.А.Фокиной, А.А.Романовым и др.

В 1970 г. выходит последняя прижизненная книга Н.М.Рубцова «Сосен шум». Большое место в сборнике занимают темы судьбы, а также жизни и смерти, выраженные, прежде всего, в мотиве ухода, прощания:

Если умру — по мне

Не зажигай огня!

Весть передай родне

И посети меня. («Плыть, плыть...»)

Идет процессия за гробом.

Долга дорога в полверсты.

На ветхом кладбище — сугробы
И в них увязшие кресты. («Идёт процессия»)

Замерзают мои георгины.
И последние ночи близки.
И на комья желтеющей глины
За ограду летят лепестки... («Посвящение другу»)

Популярность Н.М.Рубцова растёт. Его стихи печатают ведущие издания страны: «Литературная Россия», «Молодая гвардия», «Наш современник» и др. Но предчувствие скорого ухода всё больше нарастает, и поэт пишет стихотворение, оказавшееся пророческим:

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы. («Я умру в крещенские морозы»)

19 января 1971 года, в канун Крещения, Николай Рубцов погибает в собственной квартире от рук Людмилы Дербиной, женщины, на которой собирался жениться. По официальной версии поэт был задушен в результате бытовой ссоры. Уже через полгода после смерти Н.М.Рубцова вышел сборник «Зелёные цветы», который автор старательно готовил к печати. В последующие годы было издано множество книг стихов Н.М.Рубцова, появились работы, посвящённые его творчеству. Сразу же после трагической кончины Николая Рубцова стали называть большим поэтом, а ещё позже — гением русской литературы.

Особый талант Н.М.Рубцова и его значимость для нашей поэзии подчёркивают слова Г.Я.Горбовского: «Николай Рубцов — поэт долгожданный. Блок и Есенин были последними, кто очаровывал читающий мир поэзией — непридуманной, органической. Полвека прошло в поиске, в изыске, в утверждении многих форм, а также — истин. <...> Время от времени в огромном хоре советской поэзии звучали голоса яркие, неповторимые. И все же — хотелось Рубцова. Требовалось. Кислородное голодание без его стихов — надвигалось...» [Горбовский 1983, 93].

На сегодняшний день имя Николая Рубцова занимает достойное место в ряду классиков русской поэзии. Сборники его стихов выходят и мгновенно раскупаются. Появилось огромное число книг, посвящённых жизни и творчеству поэта. Написаны сотни статей и около двадцати диссертаций, рассматривающих литературоведческие и лингвистические аспекты лирики Н.М.Рубцова. Его стихи переведены на многие языки мира. Продолжают открываться и активно функционируют рубцовские музеи и центры по всей стране. В честь поэта установлено несколько памятников и названы улицы в разных городах России. Но самое главное – истинная любовь народа, которую Н.М.Рубцов заслужил, кажется, навечно.

Несмотря на всё вышесказанное, Николай Рубцов до сих пор остаётся малоисследованной и загадочной фигурой русской литературы. Много тайн окружает его жизнь и смерть, много аспектов творчества поэта ещё не рассмотрено. И, к сожалению, не достаточно внимания Н.М.Рубцову уделяется со стороны отечественных СМИ. А значит, нужны подвижники, исследователи жизни и творчества Николая Рубцова, все, кто не равнодушен к поэзии великого русского поэта.

2.2 Характерные черты языка и стиля поэзии Н.М.Рубцова

Одной из главных особенностей стиля поэзии Н.М.Рубцова, как и всех представителей так называемой «тихой лирики», является простота, которая проявляется в использовании общеупотребительной лексики, малом количестве метафор и неологизмов, в опоре на классическое стихотворное словоупотребление.

Один из первых исследователей жизни и творчества Н.М.Рубцова Вадим Валерианович Кожинов отмечал: «Образ и слово играют в поэзии Рубцова как бы вспомогательные роли, они служат чему-то третьему, возникающему из их взаимодействия. Именно потому в зрелых

стихах поэта нет ни «яркой» и оригинальной образности, ни необычных, «изысканных» слов» [Кожин 1976, 28-29].

Н.М.Рубцов, выросший в Вологодской деревне, впитал в себя культуру, традиции и язык русского Севера, язык простого народа. Поэтому разговорный язык деревни является речевой базой его поэзии. Со временем поэт стал путешествовать, жить в больших городах, ощущая на себе влияние городской речи, языка интеллигенции. Одновременно, читая русскую и зарубежную литературу, Н.М.Рубцов осваивал язык и стиль отечественной классической поэзии. Таким образом, рубцовский стиль сложился из разных речевых стихий, основой которых является язык русской деревни 40-60-х годов XX века. Об этом говорит и В.В.Кожин: «Стиль же основных произведений Н.Рубцова опирается, с одной стороны, на сугубо современную разговорную речь деревни и, в не меньшей степени, речь городскую, а с другой – на прочные стилевые традиции классической русской поэзии от Пушкина и Лермонтова до Заболоцкого и Твардовского» [Кожин 1976, 43].

Естественно, нельзя сказать, что Н.М.Рубцов сразу же нашёл свой неповторимый стиль – поэт долго и кропотливо работал над языком своих произведений. Большое влияние на стиль оказало, в первую очередь, социальное положение автора: Н.М.Рубцов начинал как «морской» поэт. Служба на флоте сказалась на тематике и стилистике его стихов, в которых изобилует морская лексика: *рубка, рында, тралфлот, трест, море, океан, рыба, матрос, шлюпка, суда, баржа, волна, буксир, моряк, каюта, норд, борт, причал, пирс, траулер, берег, флот* и др.

Помимо элементов морской лексики начинающий Н.М.Рубцов иногда использовал просторечные и разговорные единицы: *сдохла, хлюпал, червонец, забренчали, захрапшишь, глотка, зубрю, мужик, сивуха, трепыхался* и др.

В ленинградский период творчества Н.М.Рубцов особенно много рисует городскую действительность, используя такие слова и словосочетания, как *коридор, задворки, трамвай, такси, собор, дворы,*

этажи, буфет, театр, контора, кондуктор, белый автобус, голова контролёраши, железки машин, трущобный двор, грязные ступени, стены с четырёх сторон, притонное жилище, Обводный канал, мраморные колонны, шум трамвайных станций, в толпе столичной и др. Ярким примером чисто «городской», а конкретно ленинградской, лирики Н.М.Рубцова является стихотворение «Поэт»:

Трущобный двор.

Фигура на углу.

Мерещится, что это Достоевский.

И ходит холод ветренный и резкий.

И стены погружаются во мглу. («Поэт»)

В ранних произведениях Н.М.Рубцова много лексем, отражающих современную автору действительность, называющих предметы и реалии того времени (а именно середины XX века): *коммунизм, радиола, гражданин, пивная, брюки-клёш, буги-вуги, рок-энд-ролл, стиляга, дарвинизм, Главк, ЦэКа, наган, космос* и др.

В таких стихах социальные и политические мотивы поэт часто преподносит с иронией:

..Ах, что я делаю?

За что я мучаю

больной и маленький

свой организм?..

Да по какому ж

такому случаю?..

Ведь люди борются

за коммунизм! («Жалобы алкоголика»)

К мужику микрофон подносят.

Тянут слово из мужика.

Рассказать о работе
 просят —
в свете новых решений ЦэКа! («Репортаж»)

И вот я сижу
 и зубрю дарвинизм.
И вот, в результате зубрёжки —
внимательно
 ем
 молодой организм
какой-то копчёной рыбешки... («Ненастье»)

Сквозь шум трамвайных станций
я укатил на танцы
 и был ошеломлён:
на сумасшедшем круге
меняли буги-вуги
 ужасный рок-энд-ролл! («Морские выходки»)

Стукнул по карману —
 не звенит.
Стукнул по другому —
 не слышать.
В коммунизм — безоблачный зенит —
полетели мысли
 отдыхать. («Элегия»)

В зрелом творчестве Н.М.Рубцова язык меняется. Во-первых, ключевыми становятся слова общеупотребительные, которые часто получают символическое значение в связи с авторским мировоззрением. Например, слово *звезда* в современном русском литературном языке имеет

значение «Небесное тело, состоящее из раскаленных газов (плазмы), по своей природе сходное с Солнцем и представляющееся взору человека на ночном небе светящейся точкой» [МАС I]. В лирике Н.М.Рубцова лексема *звезда* символизирует счастье, покой, а также ассоциируется с родиной:

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми *звездами* нежно украшена
Тихая зимняя ночь. («Зимняя песня»)

И надо мной —
бессмертных *звёзд* Руси,
Высоких *звёзд* покойное мерцанье... («Видения на холме»)

И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит *звезда* моих полей... («Звезда полей»)

Таким образом, наблюдаются семантические приращения в лексическом значении слова в лирике Н.М.Рубцова: появляются индивидуально-авторские символические семы, наполненные различными ассоциациями. То же происходит и с такими словами, как *ветер, путь, дорога, снег, горница, река, ива* и др. Как видно, данные лексемы в основном обозначают природные реалии. Природа же у Н.М.Рубцова всегда связана с человеком, и эта связь проявляется в языке. Сам поэт в письме А.Я.Яшину так говорил о своём изменившемся стиле: «Предпочитал использовать слова только духовного, эмоционально-образного содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас. По-моему, совсем не обязательно в лирике употреблять современные слова» [Душа хранит. Жизнь и поэзия Николая Рубцова, электронный ресурс]. Стиль позднего Н.М.Рубцова отличает гармония, глубина, естественность и простота.

М.В.Кудрявцев в своей диссертации указывает на эволюцию рубцовского стиля: «<...> если в ранний период его творчества ощутимо стремление автора создать окказиональную семантику за счёт эффективной семантической игры, необычных метафор, сравнений, изощрённой паронимической аттракции и др., то в зрелые годы главенствующим семантическим приёмом становится минимальный семантический сдвиг в значении слова» [Кудрявцев 1988, 194-195]. Слово у Н.М.Рубцова становится целостным, объёмным, вмещающим в себя и общеязыковое значение, и индивидуально-авторские семантико-стилистические приращения. В целом зрелое творчество поэта характеризует «символизация, языковой основой для которой служит традиционная номинативная семантика» [там же].

М.И.Сидоренко, автор «Словаря языка и рифм поэзии Н.М.Рубцова», установил два самых употребительных существительных в творчестве поэта – *ветер* (99 употреблений) и *душа* (98 употреблений) [см.: Сидоренко 2005, 381]. Неслучайно именно эти слова так часто использовались поэтом. Ветер – любимая стихия Н.М.Рубцова, на что указывают многие исследователи [см.: Лобанов 1972, 181-182]. Ветер символизирует странствия, путь лирического героя, связанные, прежде всего, с родиной. Ветер ассоциируется с судьбой человека, а также с его внутренними переживаниями:

Люблю *ветер*. Больше всего на свете.

Как воеет *ветер*! Как стонет *ветер*!

Как может *ветер* выть и стонать!

Как может *ветер* за себя постоять! («По дороге из дома»)

Грустные мысли наводит порывистый *ветер*,

Грустно стоять одному у размытой дороги,

Кто-то в телеге по ельнику едет и едет...

Позднее время – спешат запоздалые дроги. («У размытой дороги»)

Наслаждаясь *ветром* резким,
Допоздна по вечерам
Я брожу, брожу по сельским
Белым в сумраке холмам. («Наслаждаясь ветром резким»)

Как будто *ветер* гнал меня по ней,
По всей земле – по селам и столицам!
Я сильный был, но *ветер* был сильней,
И я нигде не мог остановиться. («Привет, Россия...»)

Слово *душа* является ключевым в философских стихах Н.М.Рубцова.
Душа для поэта – это и нравственная категория, и внутренний мир человека,
и высшее начало всей человеческой сущности:

Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста. («До конца»)

Горишь, горишь, как добрая *душа*,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя... («Русский огонек»)

И словно *душа* простая
Проносится в мире чудес,
Как птиц одиноких стая
Под куполом светлых небес! («У сгнившей лесной избушки...»)

Но я пойду! Я знаю наперед,
Что счастлив тот, хоть с ног его сбивает,
Кто все пройдет, когда *душа* ведет,
И выше счастья в жизни не бывает! («Философские стихи»)

Кроме слов *ветер* и *душа*, Н.М.Рубцов часто употребляет существительные *ночь, жизнь, дорога, море, поле* (см. стихотворения «Русский огонёк», «Ночное», «Философские стихи», «Вспомнилось море», «Старая дорога» и др.) [см.: Сидоренко 2005, 381]. И это тоже неслучайно. Существительные *душа* и *жизнь* обозначают важнейшие для поэта философские понятия, *дорога, море* и *поле* – это пространственные категории, прежде всего связанные с образом Родины. Слово *ночь* в поэзии Н.М.Рубцова, с одной стороны, – временная, а с другой – нравственно-философская категория, отражающая вечную борьбу света и тьмы:

Ночь придет — родимая окрестность,

Словно в омут, канет в темноту! («Острова свои обогреваем»)

Самые частотные глаголы в поэзии Н.М.Рубцова – *быть* (242 употребления), *сказать* (69 употреблений), *любить* (65 употреблений) и *идти* (64 употребления) [см.: Сидоренко 2005, 381]. Такая статистика практически совпадает с данными частотного словаря русского языка 70-х годов под редакцией Л.Н.Засориной [см.: Частотный словарь русского языка 1977], так как рассматриваемые слова обозначают важнейшие процессы в жизни человека. Единственное существенное отличие – глагол *любить*, который в литературном языке находится ниже по частоте употребления, чем в поэзии Н.М.Рубцова. Это слово в разных формах поэт использует, чтобы выразить своё отношение к окружающему миру. В основном это любовь к родине, к родной природе, реже – к близкому человеку («Я люблю, когда шумят берёзы», «Люблю твою, Россия, старину», «И, как тебе, цветам осенним Я всё шепчу: "Люблю, люблю"» и др.).

Самыми часто употребляемыми прилагательными в поэзии Н.М.Рубцова являются *тёмный* (35 употреблений) и *родной* (33 употребления) [см.: Сидоренко 2005, 381]. Эти показатели отличаются от данных частотного словаря русского языка под редакцией Л.Н.Засориной, в котором рассматриваемые лексемы по частоте употребления находятся заметно ниже [см.: Частотный словарь русского языка 1977]. Прилагательное

тёмный помимо прямого значения содержит глубокую ассоциативную семантику, являясь репрезентантом образов Света и Тьмы (о противостоянии этих двух начал см. в третьей главе).

Всё движется к *тёмному* устью.

Когда я очнусь на краю,

Наверное, с резкою грустью

Я родину вспомню свою. («Что вспомню я?»)

Прилагательное *родной* – один из главных репрезентантов образа Родины («*родной* край», «край *родных* полей и рощ», «*родную* окрестность» и др.).

Особенностью пунктуации поэта является обилие восклицательных знаков. Они используются, в первую очередь, в обращениях к родине («Россия! Как грустно!», «Россия, Русь! Храни себя, храни!», «Былая Русь! Не в те ли годы», «О, Русь – великий звездочет!», «Привет, Россия – родина моя!», «О Русь! Кого я здесь обидел?», «В твоей судьбе, – о, русская земля!», «Вспомни – о родина! – праздник на этой дороге!» и др.). Часто Н.М.Рубцов использует восклицательный знак, чтобы отразить усиленную эмоциональность произведения. В таких случаях можно говорить об авторской пунктуации, отличающейся от норм литературного языка:

Вспомню я о тихой, о вечерней,

О далекой родине моей!

<...>

За отчизну, полную покоя,

Умереть от выстрела врага! («Я устал от зимних помрачений»)

И над родиной, полной покоя,

Опускается сон золотой! («Чудный месяц плывёт над рекою»)

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,

Неведомый сын удивительных вольных племен!

(«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»)

Диво дивное в русской глуши! («Ферапонтово»)

Некоторые исследователи ошибочно, на наш взгляд, причисляют Н.М.Рубцова к поэтам-деревенщикам. Во-первых, тема деревни не была главной в его творчестве – она лишь входила в широкую тему Родины. В.В.Кожин отмечал, что «деревня стала необходимой Николаю Рубцову не сама по себе, не как поэтическая тема, но как своего рода «точка отсчета», как своеобразная мера всего, как исток всей жизни родины» [Кожин 1976, 12]. Во-вторых, Николай Рубцов большую часть своей жизни прожил в городе (Ленинграде, Москве, Вологде) и написал множество так называемых «городских» стихов (например, «Поэт», «Тот город зелёный», «Вологодский пейзаж» и др.). И, в-третьих, самое главное – поэзия Николая Рубцова настолько глубока и обширна по тематике и образной структуре, что называть автора «деревенщиком» - значит слишком ограниченно воспринимать его творчество. Об этом же пишет В.В.Кожин [см. Кожин 1976, 22].

Также много говорится о фольклорных мотивах в поэзии Н.М.Рубцова. И часто придают этим мотивам слишком большое значение. Конечно, черты устного народного творчества в лирике Николая Рубцова есть. Это и постоянные эпитеты (*белый свет, добрый конь, живая душа, солнце красное* и др.), и обращения к неодушевлённым предметам («*Ты прости нас, полюшко усталое*», «*Спасибо, ветер! Твой слышу стон*», «*Любовь к тебе, изба в лазурном поле*» и др.), и многочисленные повторы («*Сапоги мои – скрип да скрип под берёзою, // Сапоги мои – скрип да скрип под осиною...*», «*Плыть, плыть, плыть // Мимо родной ветлы*» и др.), и другие языковые особенности фольклора. Более важное значение, по нашему мнению, имеет народная символическая образность поэзии Н.М.Рубцова, о которой довольно подробно писал В.Н.Бараков: «Символика его поэзии бросается в глаза, и в этом Рубцов не похож на поэтов-современников» [Бараков 2004,

124]. Так, берёзы в его творчестве символизируют Русь, цветы – жизнь и смерть, конь может символизировать свободу и удачу [см.: там же, 241-246]. Серьёзным вкладом в рассмотрение вопроса «Рубцов и фольклор» стала диссертация А.Е.Черновой «Этнопоэтические константы в лирике Николая Рубцова» [см.: Чернова 2014]. Мы согласны с точкой зрения В.В.Кожина, который писал: «...необоснованно, <...> тесное связывание поэзии Николая Рубцова с традициями устного народного творчества и с той линией в русской поэзии, которая им принципиально следовала (Кольцов, многие вещи Некрасова, Есенина)» [Кожин 1976, 22].

Известно, что любимым поэтом Н.М.Рубцова был Ф.И.Тютчев, который оказал на него большее влияние, чем С.А.Есенин и другие авторы. В.В.Кожин вспоминает, как поэт «...буквально не расставался с тютчевским томиком, изданным в малой серии «Библиотека поэта», и, ложась спать, клал его под подушку» [Кожин 1976, 24]. Из тютчевских мотивов в лирике Н.М.Рубцова главными являются философская проблематика, тема души, тема человека и природы, глубина, а также многозначность поэтического текста.

Многие учёные отмечают музыкальность поэзии Н.М.Рубцова как одну из главных особенностей его стиля. Это абсолютно справедливо. На стихи Николая Рубцова написано огромное количество песен. Музыкальность его поэзии проявляется, прежде всего, в многочисленных звуковых повторах:

Звон закольный и окольный,
У окон, около колонн, -
Я слышу звон и колокольный,
И колокольчиковый звон... («Левитан»)

«Звук, напевность, мелодический строй стиха часто оказываются организующим началом в лирике Н.Рубцова», - отмечает Е.В.Иванова [Иванова, электронный ресурс]. Помимо повторов, музыкальность поэзии Н.М.Рубцова создаётся особой интонацией, ритмикой – часто используется пятистопный ямб (например, в стихотворении «Букет»). Сам поэт любил

исполнять свои стихи под гитару и неслучайно многие произведения называл песнями («Зимняя песня», «Прощальная песня», «Песня» и др.). Поэзия Н.М.Рубцова «наполнена образами, связанными с музыкой, хоровым пением. Но – самое главное – восприимчивость к музыке на каком-то подсознательном уровне» [Пугачёв, электронный ресурс]. Великий русский композитор Г.В.Свиридов проникся творчеством Н.М.Рубцова и написал в своей книге «Музыка как судьба»: «Бывают слова изумительной красоты (например, Рубцов) - они сами музыка <...> Николай Рубцов – тихий голос великого народа, потаённый, глубокий, скрытый» [Свиридов, электронный ресурс].

Помимо рассмотренных особенностей языка и стиля Н.М.Рубцова есть ещё одна, недостаточно исследованная, – автоцитация (о ней в п.2.4 данной главы).

2.3 Концептуальная картина мира Н.М.Рубцова и концепт «Родина»

Концептуальная картина мира поэзии Николая Михайловича Рубцова включает несколько ключевых концептов: «Родина», «Природа», «Свет», «Путь», «Грусть», «Покой», «Любовь» и др. Главным является мегаконцепт «Родина», который выражает основную тему творчества поэта, используется во многих (прежде всего в программных) произведениях автора. Это подчёркивается и высокой частотностью употребления лексем, обозначающих разные компоненты концепта «Родина»: *Русь, Россия, отчизна, деревня, село, дом, земля* и др.:

Россия, Русь – куда я ни взгляну...

За все твои страдания и битвы

Люблю твою, *Россия*, старину,

Твои леса, погосты и молитвы <...> («Видения на холме»)

Высокий смысл служения *Отчизне*
Зовёт на подвиг смелые сердца. («Родное море»)

И я молюсь — о *русская земля!* —
Не на твои забытые иконы,
Молюсь на лик священного Кремля
И на его таинственные звоны... («О Московском Кремле»)

Тихий *дом*, занесенный метелью,
Не мани ты меня, не мани! («На душе соловьиною трелью»)

Люблю я *деревню Николу*,
Где кончил начальную школу! («Родная деревня»)

Скорей, скорей! Когда продрогнешь весь,
Как славен *дом* и самовар певучий!
Вон то *село*, над коим вьются тучи,
Оно *село родимое* и есть...

(«В полях сверкало. Близилась гроза...»)

Концепт «**Родина**» является одним из базовых русских национальных концептов. Наряду с концептами «**Любовь**», «**Добро**», «**Тоска**», «**Жизнь**», «**Милосердие**» он составляет русскую языковую картину мира [см.: Зализняк, Левонтина, Шмелёв 2005, 10; Воркачёв 2007, 35]. В работах последних лет доказывается, что «концепт «**Родина**» является важнейшим ценностным ментальным образованием в массовом сознании русского народа» [Гимаев 2010, 18]. Ж.Б.Есмурзаева говорит об «аксиологической и социальной значимости концепта РОДИНА», рассматривая его функционирование в педагогическом дискурсе на рубеже XX-XXI в.в. [см.: Есмурзаева 2010]. Учёные исследуют реализацию концепта *Родина* и в

художественной речи, прежде всего в поэзии [см.: Бабулевич 2004; Габдуллина, электронный ресурс].

Чтобы определить ядро концепта, нужно проанализировать словарные дефиниции (данные толкового и этимологического словарей). Слово *родина* по происхождению общеславянское, образовано от существительного *род* с помощью суффикса *-ин-*. Первоначально в русском языке имело значение «семья», позже употреблялось в значении «место рождения» (еще у А.С.Пушкина), а в конце XVIII века в текстах Г.Р.Державина слово *родина* впервые употребляется в значении «отчизна, отечество» [см.: Фасмер 1987, 491]. В современном русском языке лексема *родина* – полисемант, имеет 2 лексико-семантических варианта и 2 оттенка: 1. Страна, в которой человек родился и гражданином которой является; отечество. // Место рождения кого-л. 2. Место зарождения, произрастания чего-л. // Место возникновения чего-л. [МАС III]. Слово *родина* есть во многих славянских языках, хотя значения имеет разные: в украинском, белорусском, чешском, словацком и польском языках оно означает «семья», в сербохорватском и словенском – «обилие плодов». Самое близкое к русскому значение имеет болгарская лексема *родина* – «место рождения» [Фасмер 1987, 491].

Во многих источниках говорится о том, что слово *родина* произошло от древнерусского корня *род*, который в свою очередь имеет индоевропейское происхождение. В славянской мифологии существовал бог *Род* – покровитель жизни и плодородия. А женщина-мать сравнивалась с землёй, дающей урожай и питающей людей своими плодами [см.: Мифы народов мира 1997, 450–456, 384–385; Климкова 2013, 42]. Самое большое количество ассоциаций со словом *родина* вызывает слово *мать* – об этом свидетельствуют данные Русского ассоциативного словаря [РАС 2002, 420, 428, 558].

В лирике Н.М.Рубцова концепт *Родина* выражает глубокую привязанность лирического героя к родной земле. С родиной ассоциируются не только местность, где вырос и живёт человек, не только его родные и

близкие люди, но и вся природа (живая и неживая). Например, в стихотворении «Тихая моя родина» рассматриваемый концепт выражен не только лексемой *родина*, но и лексемами, обозначающими природный мир: *ивы, река, соловьи*.

Тихая моя *родина*!

Ивы, река, соловьи... («Тихая моя родина»)

Таким образом, происходит взаимодействие концепта «**Родина**» и концепта «**Природа**». А особое умиротворённое состояние родной земли показано автором с помощью эпитета *тихая*, который является репрезентантом концепта «**Покой**».

В стихотворении «Привет, Россия – родина моя!» Н.М.Рубцов использует риторическое обращение, чтобы выразить любовь к родной земле, радость пребывания на ней:

Привет, Россия — *родина* моя!

Как под твоей мне радостно листвою! («Привет, Россия...»)

В этом произведении два репрезентанта концепта «**Родина**» употреблены в одном контексте. Поэт сделал это неслучайно. Ведь лексема *Россия* обозначает страну, в которой живёт лирический герой, а лексема *родина*, содержащая мелиоративную окраску, выражает тёплое отношение к родной стране.

Частым репрезентантом концепта «**Родина**» в лирике Н.М.Рубцова является лексема *Русь*, которая связана с прошлым нашего государства. В контекстах с данной лексемой автор ассоциативно употребляет слова, обозначающие духовные святыни родины. Например, *собор*:

Лежат развалины *собора*,

Как будто спит былая *Русь*. («По вечерам»)

Родина в творчестве Н.М.Рубцова – тихая, спокойная, умиротворённая. Поэтому автор использует стилистически нейтральные общеупотребительные слова. Но иногда поэт всё же употребляет лексему

отчизна, имеющую в словаре помету «традиционно-поэтическое и высокое». Слово *отчизна* создаёт сильный патриотический пафос.

Отношение лирического героя поэзии Н.М.Рубцова к родине выражено с помощью репрезентантов концепта «**Любовь**»: лексем *люблю, любовь, любимый, разлюбить* и др. Например, в стихотворении «Видения на холме» автор использует повтор лексемы *люблю*, усиливающий эмоциональную выразительность. Также употребляется обращение к родине, лирический герой будто ведёт диалог с вневременным пространством России. В конце строфы чувство любви выходит на высший уровень, представляя как вечная, бессмертная любовь к родине:

Люблю твою, Россия, старину,
Твои огни, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя... («Видения на холме»)

С особой теплотой и нежностью говорит лирический герой о малой родине, по которой соскучился, служа на флоте. Часто поэт употребляет словосочетание *любимый край*:

Любимый край мой, нежный и веселый,
Февральских нив серебряный покров,
И двор пустынный, снегом занесенный...
Как я грущу у дальних берегов! («Грусть»)

Любовь к родине тесно переплетается с любовью к матери, самому близкому и родному человеку:

Еду, еду в отпуск в Подмосковье!
И в родном селении опять
Скоро, переполненный *любовью*,
Обниму взволнованную мать. («Отпускное»)

Любовь к родине – это и любовь к родной природе:

Русь моя, *люблю* твои *берёзы!*
С первых лет я с ними жил и рос.
Потому и набегают слёзы
На глаза, отвыкшие от слёз... («Берёзы»)

Чувство любви к родине неотделимо от чувства **долга** перед ней. Мы видим это, прежде всего, в ранних стихах поэта, где патриотизм выражен прямо, без глубоких ассоциаций и проникновения в историю:

Я должен, должен доказать на деле,
Что сердцем всем я Родину *люблю*. («Долг»)

Родина для Н.М.Рубцова – центр всего, что есть на земле. Лирический герой его стихов какой-то мощнейшей силой притяжения связан со своей малой родиной. Выражением этой связи, этой любви к родине является сравнение *как земля вокруг своей оси*. А любовь поэт награждает эпитетом *непобедимой*, то есть непоколебимой, неизменной, вечной:

И вокруг *любви непобедимой*
К селам, к соснам, к ягодам Руси
Жизнь моя вращается незримо,
Как земля вокруг своей оси! («Ось»)

Любовь и доброта к ближнему показываются поэтом как отличительные качества русского человека. Таким образом, концепт «**Любовь**» в лирике Н.М.Рубцова связан с концептом «**Добро**»:

За всё *добро* расплатимся *добром*,
За всю *любовь* расплатимся *любовью*... («Русский огонёк»)

Важное место в концептосфере поэзии Н.М.Рубцова занимает концепт «**Путь**». Лирический герой находится в состоянии движения по родной земле (например, «*Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны!*»; «*Взбегу на холм...*»; «*Еду, еду в отпуск в Подмосковьё!*»; «*Как будто ветер гнал меня по ней, // По всей земле – по сёлам и столицам!*» и др.).

Концепт «**Родина**» как ментальное образование в лирике Н.М.Рубцова имеет пять понятийных составляющих:

1. Родина – Природа
2. Родина – Свет
3. Родина – Грусть
4. Родина – Покой
5. Родина – Сон

Эти понятийные составляющие, включающие в себя ассоциативные ряды и коннотации, образуют периферию концепта «**Родина**» в лирике Н.М.Рубцова.

Среди элементов периферии концепта «**Родина**» на первом месте и по важности, и по частотности употребления в творчестве поэта стоят слова-репрезентанты концепта «**Природа**». Одним из символов русской, именно северной, природы является лес. В стихотворении «Видения на холме» автор признаётся в любви к родине, и в том числе, к родным лесам: *Люблю твою, Россия, старину, // Твои леса, погосты и молитвы <...>* («Видения на холме»).

Далее в этом же произведении эмоциональное напряжение лирического героя усиливается: страшное видение открывается с помощью метафоры *лес крестов*. Слово *лес* здесь ассоциируется со смертью, со страданиями родной земли: *И не леса мне видятся окрест, // А лес крестов в окрестностях России...* («Видения на холме»).

Богатство родных лесов показано с помощью гиперболы в стихотворении «Сапоги мои – скрип да скрип»: *Сапоги мои – скрип да скрип // Под берёзою, // Сапоги мои – скрип да скрип // Под осиною, // И под каждой берёзой – гриб, // Подберёзовик, // И под каждой осиною – гриб, // Подосиновик!* («Сапоги мои – скрип да скрип»).

Применительно к русскому лесу Н.М.Рубцов в качестве эпитета использует устаревшее слово *достославные* в значении «достойный, заслуживающий славы» [МАС I]. Сама же Русь наделяется эпитетом *лесная*: *Таковы на Руси леса // Достославные, // Таковы на лесной Руси // Сказки бабушки.* («Сапоги мои – скрип да скрип»).

Привычным символом Родины у многих русских поэтов является берёза. Н.М.Рубцов также часто использует образ этого дерева в своих стихах («Я люблю, когда шумят берёзы», «Северная берёза» и др.) Но главным, любимым деревом поэта является сосна. Не случайно, целый сборник стихов Н.М.Рубцов озаглавил «Сосен шум». В стихотворении «Утро» сосны входят в ассоциативный ряд **Родина-Природа-Свет**: *Когда заря, светясь по сосняку, // Горит, горит, и лес уже не дремлет, // И тени сосен падают в реку, // И свет бежит на улицы деревни <...>* («Утро»).

Символом бескрайних русских просторов, выражением воли и широты русского характера является слово **поле**. Лирический герой испытывает глубокую привязанность к родному вологодскому полю: *Только знаю: потянет на Русь! // Так потянет, что я поневоле // Разрыдаюсь, когда опущусь // На своё вологодское поле...* («На злобу дня. Экспромт»). Слово **поле** входит в состав описательного оборота **край родных полей и рощ**, обозначающего малую родину: *Не грущу о том, что где-то // Луг цветёт и зреет рожь. // Да простит меня за это! // Край родных полей и рощ!* («Долг»). Ивы, река, соловьи – приметы русского пейзажа в стихотворении «Тихая моя родина». Репрезентантами концепта «**Природа**» в лирике Н.М.Рубцова являются лексемы **облако, ветер, цветы, волна, река, луг, рожь, нива, снег** и др.

Вторым важным компонентом в структуре периферии концепта «**Родина**» в поэзии Николая Рубцова является ассоциативная зона во главе с концептом «**Свет**». В лирике Н.М.Рубцова большую роль играет поэтика света, в отличие, например, от С.А.Есенина, у которого критики выделяют поэтику цвета. Действительно, трудно найти ещё одного автора, который так много использовал слов с символикой света. В поэзии Н.М.Рубцова концепт «**Свет**» имеет богатую ассоциативную зону.

Начиная с самых ранних детских стихотворений, поэт использует слова-репрезентанты концепта «**Свет**», символизирующие счастье, покой. В тяжёлое время начала Великой Отечественной войны маленький Коля,

оставшийся в детдоме, несмотря ни на что, сохраняет в душе надежду на лучшее и видит в жизни светлые моменты. В стихотворении «Детство» используется лексема **огонёк** как символ надежды и покоя: *Вот говорят, // Что скуден был паёк, // Что были ночи // С холодом, с тоскою,— // Я лучше помню // Ивы над рекою // И запоздалый // В поле огонёк.* («Детство»).

В произведении «Жар-птица» слово **огонёк** ассоциируется с теплом домашнего очага: *И манят меня огоньками уюта // Жилища, мерещится, лучших людей.* («Жар-птица»). Позже этот **огонёк** загорится с новой силой в знаменитом стихотворении «Русский огонёк», где свет уже символизирует тепло русской души: *Спасибо, скромный русский огонёк, // За то, что ты в предчувствии тревожном // Горишь для тех, кто в поле бездорожном // От всех друзей отчаянно далёк <...>* («Русский огонёк»).

Звезда стала главным образом-символом концепта «Свет» в лирике Н.М.Рубцова. Слово **звезда** ассоциируется, в первую очередь, с родиной: *И надо мной — бессмертных звёзд Руси, // Спокойных звёзд безбрежное мерцанье...* («Видения на холме»); *Звезда полей во мгле заледенелой, // Остановившись, смотрит в полынью. // Уж на часах двенадцать прозвенело, // И сон окутал родину мою...* («Звезда полей»). Эпитеты **бессмертных** и **спокойных** выражают вечность и покой родины. Свет звезды в стихотворении «В горнице» оказывается настолько ярким и сильным, что освещает дом лирического героя. В данном произведении поэт использует гиперболу: *В горнице моей светло. // Это от ночной звезды.* («В горнице»).

Свет звёзд связан с верой в лучшее, с оптимизмом: *В этой деревне огни не погашены. // Ты мне тоску не пророчь! // Светлыми звездами нежно украшена // Тихая зимняя ночь.* («Зимняя песня»).

Концепт «Свет» в лирике Н.М.Рубцова часто выражается с помощью лексем с семантикой горения, которое символизирует яркое постоянное вневременное свечение: *Горишь, горишь, как добрая душа, // Горишь во мгле, и нет тебе покоя...* («Русский огонёк»); *Она горит над золотом осенним, // Она горит над зимним серебром ... // Звезда полей горит, не*

угасая <...> // И счастлив я, пока на свете белом // **Горит, горит** звезда моих полей... («Звезда полей»); И небеса, **горящие** от зноя <...> («Видения на холме»); Когда заря, светясь по сосняку, // **Горит, горит,** и лес уже не дремлет <...> («Утро»); **Горел** прощальный наш костер, // Как мимолетный сон природы... («Прощальный костёр»); И свет соседнего барака // **Еще горит** во мгле снегов. («Сосен шум»). Стоит обратить внимание на то, что во многих стихотворениях слова с семантикой горения усилены лексическим повтором. Поэт таким образом акцентирует внимание на длительности, бесконечности этого горения.

Символика света тесно связана с символикой тьмы – это выражается в сопоставлении и противопоставлении концептов «Свет» и «Тьма» в лирике Н.М.Рубцова. В его стихах очень часто свет и тьма связаны неразрывной нитью как две части одного целого: природы, человеческой души, вселенной. Оппозиция свет-тьма в произведении «Окошко. Стол. Половики» выражена противопоставлением лексем **свет-тень, чисты-черны, чистовики-черновики, звезда-солнце, день-ночь, спать-вставать**: *За часом час уходит прочь, // Мелькает свет и тень. // Звезда над речкой — значит, ночь. // А солнце — значит, день.* («Окошко. Стол. Половики») Яркий пример антитезы концептов «Свет» и «Тьма» мы видим в стихотворении «На ночлеге». Лексемы **белая, светит, лампа, освещающая** являются репрезентантами концепта «Свет». А лексемы **в тёмном** и **мрак** – репрезентанты концепта «Тьма»: *Лошадь белая в поле тёмном. // Воет ветер, бурлит овраг, // Светит лампа в избе укромной, // Освещающая осенний мрак.* («На ночлеге»).

Одной из главных особенностей рубцовского восприятия родины является **грусть**, с которой лирический герой смотрит на родную землю. В ранних стихотворениях печальное настроение вызвано расставанием лирического героя с родиной: *Любимый край мой, нежный и веселый, // Февральских нив серебряный покров, // И двор пустынный, снегом занесенный...// Как я грущу у дальних берегов!* («Грусть»). Прочитанное

стихотворение, несмотря на название «Грусть», проникнуто возвышенной интонацией, которая основана на оксюмороне – *грусть, похожая на радость*. Воспоминания о малой родине, с одной стороны, навевают грусть лирическому герою, а, с другой стороны, – помогают служить: *Что эта грусть, похожая на радость, // Мне помогает Родине служить!* («Грусть»). Грусть лирического героя связана с разрушенными церквями, символизирующими духовную основу русского человека: *Эх, Русь, Россия! // Что звону мало? / /Что загрустила? // Что задремала?* («Зимним вечерком»). В стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» состояние грусти лирического героя, смотрящего на родину, усилено повтором лексемы *грустно* и восклицательным знаком: *Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно // Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!* («Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»). Н.М.Рубцов соединяет в одном контексте лексемы *грусть* и *святость*, говоря о прошлом нашей страны: *И эту грусть, и святость прежних лет // Я так люблю во мгле родного края* («Над вечным покоем»). Таким образом, репрезентанты концепта «Грусть», связанные с концептом «Родина» (лексемы *грусть, грустный, грущу, загрустила, печаль, печальный* и др.), у поэта часто имеют положительную окраску, хотя в позднем творчестве Н.М.Рубцов использует семантику грусти для выражения своего тяжёлого внутреннего состояния расставания с родиной, которое для лирического героя его стихов возможно лишь в случае смерти: *Всё движется к темному устью. // Когда я очнусь на краю, // Наверное, с резкою грустью // Я родину вспомню свою.* («Что вспомню я?»). Чувство грусти усиливает эпитет *резкою*.

Для создания образа Родины Н.М.Рубцов часто использует слова *покой, тихий, тихо, спокойный*, репрезентирующие концепт «Покой». В раннем стихотворении «Вспомнилось море» автор описывает свою малую родину, используя словосочетание *светлый покой*: *С детства мне дорог такой // Родины светлый покой.* («Вспомнилось море»). Данная синтагма выражает тёплое отношение лирического героя к своей родине и создаёт

образ умиротворённого, близкого сердцу родного края. В стихотворении «Тихая моя родина» Н.М.Рубцов пять раз употребляет слова с корнем *-тих-*: *тихая* и *тихо*. Эти лексемы акцентируют внимание на таком важном признаке рубцовского образа Родины, как покой. Тишина любимой деревни помогает поэту осмыслить свою жизнь и жизнь Родины вдали от суетных городов. В стихотворении «Чудный месяц плывёт над рекою» Н.М.Рубцов дважды использует эпитет *полной покоя*, говоря о родине: *И над родиной, полной покоя, // Опускается сон золотой! <...> И над родиной, полной покоя, // Так светлы по ночам небеса!* («Чудный месяц плывёт над рекою»). Так поэт создаёт образ не просто спокойной, но даже таинственной, сказочной Родины. В стихотворении «Ночь на родине» автор усиливает мотив тишины за счёт использования гиперболы: *И тихо так, как будто никогда // Природа здесь не знала потрясений!* («Ночь на родине»).

С семантикой **покоя** в лирике Н.М.Рубцова очень тесно связана семантика **сна**. Лексемы *сон, спит, дремлет, задремавшей, видение* входят в концепт «**Сон**», имеющий важное значение в концептосфере поэзии Н.М.Рубцова, в том числе в связи с концептом «**Родина**». Поэт часто изображает родину в состоянии сна: *Уж на часах двенадцать прозвенело, // И сон окутал родину мою...* («Звезда полей»). В данном контексте слово *сон* используется без коннотаций, в отличие, например, от стихотворения «Тайна», где поэт использует словосочетание *сон золотой*, имеющее явно мелиоративную окраску. С помощью данной синтагмы Н.М.Рубцов стремился показать таинственность и красоту Родины, придать ей особый волшебный колорит. В произведении «Зимним вечерком» лексема *задремала* как репрезентант концепта «**Сон**», напротив, имеет пейоративную окраску. Это доказывает и лексема *загрустила*, находящаяся в одном контексте и образующая ассоциативный синонимический ряд: *Эх, Русь, Россия! // Что звону мало? / /Что загрустила? // Что задремала?* («Зимним вечерком»). Лексема *задремавшей* в стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» выражает ирреальность происходящего: лирический

герой движется по родине во времени – от прошлого к настоящему. Похожий мотив мы находим в стихотворении «Видения на холме», где лексема *видение* изображает картину прозрения лирического героя, увидевшего с высоты обычного холма великие события отечественной истории. Таким образом, концепт «Сон» в лирике Н.М.Рубцова имеет богатую семантику, насыщенную ассоциациями.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что концептуальная картина мира (концептосфера) поэзии Н.М.Рубцова включает концепты «Родина», «Природа», «Свет», «Путь», «Грусть», «Покой», «Любовь», «Сон» и др. Главным является концепт «Родина». Со всеми остальными он связан ассоциативными отношениями.

2.4 Автоцитация как идиостилевая доминанта лирики Н.М.Рубцова

«Даже при беглом знакомстве с творчеством Н.М.Рубцова обращает на себя внимание то, что в его поэзии часто встречаются повторы. Повторяются отдельные слова, сочетания слов, вплоть до фрагментов текста» [Бушенев 2008, 40], причём как в стихах, разделённых большим временным промежутком, так и в произведениях, близких по времени написания:

Как тихо суслоны пшеницы
В полях покидала заря,
И грустные, грустные птицы
Кричали в конце сентября.

Запомнил суслоны пшеницы,
Запомнил, как чахла заря
И грустные, грустные птицы
Кричали в конце сентября.

А сколько там было щемящих
Всех радостей, болей, чудес,
Лишь помнят зелёные чащи
Да тёмный еловый лес!

А сколько друзей настоящих,
А сколько там было чудес,
Лишь помнят сосновые чащи
Да тёмный еловый лес!...

«Что вспомню я» (1969 г.)

«Далёкое» (1970 г.)

Эти два стихотворения разделяет год. Но насколько ясно слышится переключка одного произведения с другим. Естественно, это не случайность. Мы можем говорить о явлении автоцитации в лирике Н.М.Рубцова, причём как об одной из главных особенностей идиостиля поэта. И в этом Н.М.Рубцов очень близок своему любимому поэту Ф.И.Тютчеву. Многие учёные говорят о том, что совокупность поэтических произведений Ф.И.Тютчева можно представить как целостную систему, в которой семантика конкретного слова и конкретного текста может быть интерпретирована лишь исходя из семантики всей системы [ср.: Белов 2008, 24]. Ю.М.Лотман указывает на необходимость «рассматривать произведения Тютчева как некий единый глубинный текст, лежащий в сознании автора и читателя» [Лотман, электронный ресурс]. То же можно сказать и о поэзии Н.М.Рубцова.

Автоцитация – малоизученный в филологии феномен. Под вопросом остаётся выбор точного научного термина, определяющего рассматриваемое явление. Учёные-филологи используют для его обозначения разные термины: автоцитация, самоцитация, автореминисценция, автоаллюзия, самоповтор. Мы характеризуем автоцитацию как «воспроизведение автором в художественном тексте отдельных элементов своего более раннего текста» [Белокурова 2007, 125].

Автоцитация в творчестве Н.М.Рубцова – практически не изученный фрагмент авторского идиостиля. Некоторые учёные, критики писали в своих работах о большом количестве повторов у поэта [см.: Бушенев 2008, 45; Бараков 2004, 145]. При этом говорилось как о лексико-грамматических повторах, так и о повторяемости образов. П.С.Глушаков пишет об автореминисценции в поэзии Н.М.Рубцова, имеющей два вида: прямую (полное совпадение лексем) и вариантную (повторение отдельных лексико-грамматических элементов) [см.: Глушаков 2005, 70-75]. Один из ведущих отечественных рубцоведа Н.М.Коняев ставит вопрос об истоках и значении самоповторов в лирике Н.М.Рубцова [см.: Коняев 2006, 4]. Однако подробный анализ данного явления ни у одного из исследователей не представлен.

Каждый автор по-своему, с разными целями использует автоцитацию. Например, в творчестве К.Д.Бальмонта данный приём «выполняет несколько функций, порою совмещая их. Во-первых, самоцитация позволяет поэту пояснить свой собственный текст, не прибегая к внетекстовым элементам (комментариям, пояснениям)» [Гулидов, электронный ресурс]. Во-вторых, данный приём помогает связать воедино всё текстовое пространство лирики поэта: отдельные стихотворения, стихотворные циклы и т.д. В-третьих, автоцитация актуализирует внимание читателей на ключевых художественных образах в творчестве писателя, позволяя определить идиостилевые доминанты. Вторая и третья функции характерны и для поэтики Н.М.Рубцова, ведь всё его творчество, как мы сказали выше, также можно представить как один большой текст, наполненный сквозными образами-символами. Эти ключевые образы имеют своё языковое выражение.

В лирике Николая Рубцова чётко построена своя неповторимая модель мира. Центром этой модели является родина, а конкретно – родная Вологодская земля с её прекрасной природой. Дом – главное здание, фундамент жизни лирического героя Н.М.Рубцова. Человек и Природа в этой модели мира предстают как единое целое. Время и Пространство также неразделимы. Главные рубцовские символы – звезда, лодка, цветы, дорога и др. Данная модель мира имеет своё характерное языковое выражение. Ещё в самом начале творчества Н.М.Рубцов создаёт изобразительно-выразительные средства, которые дальше будут повторяться во многих его стихотворениях. Например, самым частым примером автоцитации в лирике поэта является сравнение *как земля вокруг своей оси*. Первый раз оно появляется в раннем стихотворении начала 60-х годов «За окном в холодном шуме»:

Будет муж тобой гордиться

И катать тебя в такси,

И вокруг тебя крутиться,

Как земля вокруг оси! («За окном в холодном шуме»)

Конечно, здесь это сравнение не более чем ирония. Но зато уже в более

зрелых стихах данный приём закрепляется как выражение глубокой привязанности лирического героя к родине:

И вокруг долины той родимой,
Полной света вечных звёзд Руси,
Жизнь моя вращается незримо,
Как земля вокруг своей оси! («Долина юности»)

И вокруг любви непобедимой
К сёлам, к соснам, к ягодам Руси
Жизнь моя вращается незримо,
Как земля вокруг своей оси! («Ось»)

Вокруг любви моей
Непобедимой
К моим лугам,
Где травы я косил,
Вся жизнь моя
Вращается незримо,
Как ты, Земля,
Вокруг своей оси... («Давай, Земля, немножко отдохнём»)

В данных контекстах устойчивым становится и словосочетание **вокруг любви непобедимой** как выражение вечной и непоколебимой любви лирического героя к родной земле. Сравнение **как планета вокруг своей оси** Н.М.Рубцов употребляет, говоря о поэте:

Поэт **вокруг своей оси**
Всегда вращался, **как планета**, –
Ведь каждый миг душа поэта
Полна движения и сил! («Если что не так»)

Выражением любви к родной земле, неразрывной связи с ней является развёрнутая метафора **память возвращается, как птица, в то гнездо, в**

котором родилась. Поэт использует её в стихотворениях «Ось», «Долина детства» и «Долина юности».

Ярким примером автоцитации в лирике Н.М.Рубцова является часто повторяемая в разных стихотворениях метафора *ветер в озере полощет зарю*:

Ветер зарю полощет

В тёплой воде озёр... («Встреча»)

В стихотворении «Соловьи» эта метафора предстаёт развёрнутой, более изобразительной и выразительной:

В трудный час, когда *ветер полощет зарю*

В тёмных струях нагретых озёр... («Соловьи»)

В произведениях «Счастье» и «Долг» четверостишия с данной метафорой практически совпадают:

Я люблю луга и рощи

И желанием горю

Вновь увидеть, как *полощет*

Ветер в озере зарю...

(«Счастье»)

Я люблю луга и рощи

И давно мечтой горю

Вновь увидеть, как *полощет*

Ветер в озере зарю.

(«Долг»)

В лирике Н.М.Рубцова, как, например, и в лирике В.А.Жуковского, появляется «ассоциативная цепочка повторяющихся образов, которые каждый раз рождаются в сходном лексическом оформлении» [Лебедева 2004, 33]. В поэзии Николая Рубцова есть такие яркие, повторяющиеся образы, будто оживающие перед нами. Это *скачущие свадьбы и гонцы, пение хора* (в основном детского) *в глуши бора*:

Словно слышится *пение хора*,

Словно скачут на тройках гонцы,

И *в глуши* задремавшего *бора*

Всё звенят и звенят бубенцы...

(«Чудный месяц плывёт над рекою»)

Скачут ли свадьбы в глуши потрясённого *бора*,
Мчатся ли птицы, поднявшие крик над селеньем,
Льётся ли чудное *пение детского хора*, –
О, моя жизнь! На душе не проходит волнение...
(«У размытой дороги»)

Скачет ли свадьба в глуши потрясённого *бора*,
Или, как ласка, в минуты ненастной погоды
Где-то послышится *пение детского хора*, –
Так – вспоминаю – бывало и в прежние годы!
(«Скачет ли свадьба»)

Ещё один пример автоцитации в лирике Н.М.Рубцова – сравнение *как мысли облака плывут (идут)*. Здесь проявляется одна из главных черт поэтики Н.М.Рубцова – параллелизм мира человека и мира природы, свойственный лирике Ф.И.Тютчева. Продолжение пути (движение облаков, движение человеческой мысли) несёт жизнеутверждающее начало:

Плывут, как мысли, облака,
Внизу волнуется река <...> («Доволен я буквально всем»)

И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака... («Старая дорога»)

И счастлив тем,
Что в чистом этом небе
Идут, идут,
Как мысли, облака... («Давай, Земля, немножко отдохнём»)

В лирике Н.М.Рубцова встречаются словосочетания со сквозными эпитетами, повторяющиеся в разных стихотворениях. Например, фраза *в прокуренной груди* выражает раннюю психологическую и физическую усталость

лирического героя, что является автобиографическим отражением трудной флотской юности поэта:

И чувствую волненье

В своей *прокуренной груди*. («Мой чинный двор зажат в заборы»)

Четверостишия стихотворений «Наслаждаясь ветром резким» и «Гость» отличаются лишь одним глаголом и двумя знаками препинания. В первом произведении глагол **брожу**, обозначающий бесцельное повторяющееся движение, подчёркивает нервное состояние лирического героя. Дважды поставленное автором многоточие усиливает это состояние. Во втором стихотворении глагол **молчу** выражает сосредоточенное, уединённое волнение:

Я **брожу**... Я слышу пенье...

И **в прокуренной груди**

Снова слышу я волненье:

Что же, что же впереди?

(«Наслаждаясь ветром резким»)

Я **молчу**, я слышу пенье,

И **в прокуренной груди**

Снова слышу я волненье:

Что же, что же впереди?

(«Гость»)

Ярким примером того, как совершенствовал свой стиль Н.М.Рубцов, как рос уровень его поэтического мастерства является сопоставление автоцитации в его ранних и более поздних стихах. Произведение «Они поют, куют и пашут» принадлежит к ранним шуточным стихотворениям, поэтому поэт употребляет олицетворение **кричат отчаянные скрипки**. Второе произведение «В минуты музыки» стало уже классическим в русской поэзии – неслучайно Н.М.Рубцов в нём использует более тонкое, глубокое и лирически проникновенное олицетворение **перекликаясь, плачут скрипки**:

И всё равно в динамик

хлипкий –

попробуй их останови! –

кричат отчаянные скрипки

о жажде счастья и любви!

(«Они поют, куют и пашут»)

Но всё равно в жилищах зыбких -

Попробуй их останови! -

Перекликаясь, плачут скрипки

О жёлтом плёсе, о любви.

(«В минуты музыки»)

Словосочетание *призраки люблю* встречается в стихотворениях «Среди обыденного окруженья» и «В минуты музыки». Первое, раннее произведение, носит шуточный характер с элементами самоиронии. А второе, как мы отметили выше, представляет собой серьёзный лирический шедевр:

Среди такого окруженья	Давно душа блуждать устала
Живётся легче во хмелю,	В былой любви, в былом хмелю,
И, как предмет воображенья,	Давно понять пора настала,
Я очень <i>призраки люблю</i> ...	Что слишком <i>призраки люблю</i> .
(«Среди обыденного окруженья»)	(«В минуты музыки»)

Важным в рубцовской модели мира является мотив покоя, сна, особого состояния Природы в широком смысле слова. Выражением такого состояния часто является словосочетание *ничего не происходит*, повторяющееся в стихотворениях «Экспромт» и «Старая дорога». В первом говорится про человеческую жизнь, в которой ничего не происходит, а во втором про старую дорогу, на которой всё спокойно и также ничего не случается.

Что было в жизни, то прошло,	Перекликаясь с теми, кто прошёл,
Что не прошло, уже проходит,	Перекликаясь с теми, кто
И всё уже произошло,	проходит...
И <i>ничего не происходит</i> .	Здесь русский дух в веках
(«Экспромт»)	произошёл,
	И <i>ничего</i> на ней <i>не происходит</i> .
	(«Старая дорога»)

Такое сопоставление позволяет сделать вывод, что для Н.М.Рубцова жизнь – это дорога, по которой человек постоянно движется, без пути, без дороги жизни нет.

В стихотворениях «На злобу дня» и «Морошка» практически идентичны две строчки, хотя заметно, насколько перестановка слов, изменение ритма меняет настроение произведения – в «Морошке» оно более лирическое:

Ах! Я тоже на небо хочу!
Я хочу **на просторы Вселенной!**
(«На злобу дня»)

Ах, я тоже желаю
На просторы вселенной!
Ах, я тоже на небо хочу!
(«Морошка»)

Яркий пример автоцитации – произведения «По мокрым скверам проходит осень» и «Листвой пропащей, знобящей мглою», в которых повторяются четверостишия, имея лишь одно отличие – тире вместо местоимения **я** во втором стихотворении:

Куда от бури, от непогоды
Себя я спрячу?
Я вспоминаю былые годы,
И я плачу... («По мокрым скверам
проходит осень»)

Куда от бури, от непогоды
Себя я спрячу?
Я вспоминаю былые годы
И – плачу ... («Листвой пропащей,
знобящей мглою»)

Даже такая маленькая, казалось бы, деталь, как тире, здесь является важным приёмом – оно передаёт паузу и акцентирует внимание на глаголе **плачу**, выражающем тяжёлое внутреннее состояние лирического героя. Второе стихотворение – более позднее по времени написания, поэтому и мотив грусти здесь звучит сильнее.

Удачно найденное сравнение **лучи, как сотни добрых рук** Н.М.Рубцов использует в стихотворениях «Утро на море» и «А между прочим осень на дворе»:

Вчера там солнце утонуло,
Сегодня выплыло — и вдруг,
Гляди, нам снова протянуло
Лучи, как сотни добрых рук.
(«Утро на море»)

Пришла пора, когда в зелёный луг
Я отворял узорное оконце
И все **лучи, как сотни добрых рук,**
Мне по утрам протягивало солнце...
(«А между прочим осень на дворе»)

Вероятно, служба поэта на флоте повлияла на возникновение яркой развёрнутой метафоры с ключевым словосочетанием *отвихрившийся след корабля*. Эта метафора используется в стихотворениях «Выйду с другом на ют» и «Соловьи». Единственное отличие – в первом произведении говорится о юности, а во втором – о любви:

Знаю, юность пройдёт
в этих далях у скал.

За собою в родные края
Мне её не вернуть...

Так нельзя отыскать

Отвихрившийся след корабля.

(«Выйду с другом на ют»)

Это правда иль нет, соловьи,
соловьи,

Это правда иль нет, тополя,
Что любовь не вернуть,

как нельзя отыскать

Отвихрившийся след корабля?

(«Соловьи»)

Практически полностью совпадают четверостишия произведений «В горной долине» и «Над Липиным Бором — мерцанье»:

Над горной долиной — *мерцанье*.

Над горной долиной — *светло*.

Как всяких забот отрицанье,

В долине *почило село*.

(«В горной долине»)

Над Липиным Бором — *мерцанье*.

Над Липиным Бором — *светло*.

Как всяких забот отрицанье,

Седое, *почило село*.

(«Над Липиным Бором — мерцанье»)

Автор создаёт особую картину природы в разных местностях, и, несмотря на это, состояние покоя, света присутствует и в горной долине, и в северном селе.

Это далеко не все примеры автоцитации в лирике Н.М.Рубцова. Мы зафиксировали 53 стихотворения, которые перекликаются между собой, имеют либо абсолютно одинаковые, либо почти совпадающие элементы в тексте. Исследованный материал позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, автоцитация является одной из идиостилевых доминант лирики Н.М.Рубцова. Во-вторых, данный художественный приём возникает как отражение ключевых фрагментов языковой картины мира поэта. В его сознании существовал целый ряд словесно выраженных образов, которые определяли его микромир с важнейшими

жизненными ценностями (родина, природа, человек и его душа и др.). И, наконец, в-третьих, автоцитация в лирике Н.М.Рубцова – это психологическое явление. Фрагменты жизни, особенно запомнившиеся поэту, ощущения, испытанные им, повторяются во многих текстах, начиная с ранних стихотворений. При этом уровень поэтического оформления этих фрагментов и ощущений заметно рос – стиль Н.М.Рубцова совершенствовался с каждым годом.

Выводы по главе II

Биография оказала большое влияние на всё творчество Н.М.Рубцова. Особенно значимым стало сиротское детство поэта в детдоме. Отсюда в его лирике много грустных нот (мотивы бездомности и неприкаянности).

Творчество Н.М.Рубцова можно разделить на четыре периода. Первый включает стихи, написанные поэтом в юные годы (в том числе во время службы на флоте). Вторым периодом можно назвать ленинградским, так как в него входят произведения, написанные во время проживания Н.М.Рубцова в северной столице. Третий (московский) период – самый насыщенный и знаменательный для поэта. Это время его обучения в литературном институте, когда Н.М.Рубцов выпустил сборник «Звезда полей», принёсший ему всесоюзную известность. И, наконец, четвёртый период (вологодский) охватывает последние годы жизни поэта.

Язык поэзии Н.М. Рубцова сложился из разных речевых стихий: языка русской северной деревни, городского просторечия Москвы, Ленинграда и Вологды и языка русской классической поэзии. Стиль поэзии Н.М.Рубцова формировался постепенно. Начиная он, как морской поэт, в ленинградский период творчества был типичным «городским» автором, потом в Москве, обучаясь в литературном институте, Николай Рубцов нашёл свой самобытный стиль.

Для раннего творчества Н.М.Рубцова характерны эксперименты в области словоупотребления, использование ярких метафор и сравнений. Позже

происходит эволюция рубцовского стиля: важнейшими особенностями становятся опора на классическое стихотворное словоупотребление, символизация сем в структуре слова, простота и одновременно глубина слова и образа.

Вслед за В.В. Кожинным мы считаем необоснованным причисление Н.М.Рубцова к поэтам-деревенщикам. Тема деревни входит в широкую тему Родины, но понятие «деревенщик» является слишком узким для многогранного и глубокого таланта Николая Рубцова. Соглашаясь с В.Н.Бараковым, мы отмечаем народную символическую образность, как важную особенность стиля поэта. Не вызывает сомнения у большинства учёных музыкальность поэзии Н.М.Рубцова и тютчевские мотивы в его творчестве.

Концептуальная картина мира поэзии Н.М.Рубцова включает концепты **«Родина»**, **«Природа»**, **«Свет»**, **«Путь»**, **«Грусть»**, **«Покой»**, **«Любовь»** и др. Главным среди них является мегаконцепт **«Родина»**, отражающий важнейшую тему творчества поэта.

Концепт **«Родина»** является одним из ключевых концептов русского национального сознания. Наряду с концептами **«Любовь»**, **«Добро»**, **«Милосердие»**, **«Тоска»**, **«Жизнь»** он составляет русскую языковую картину мира. Многие учёные отмечают социальную и аксиологическую значимость концепта **«Родина»**.

Концепт **«Родина»**, как ментальное образование, в лирике Николая Рубцова включает пять понятийных составляющих: 1. Родина – Природа; 2. Родина – Свет; 3. Родина – Грусть; 4. Родина – Покой; 5. Родина – Сон.

Важной идиостилевой доминантой лирики Н.М.Рубцова является автоцитация. Данный термин обозначает художественный приём, при котором автор повторяет в текстах элементы своих более ранних текстов. Автоцитация в художественном тексте помогает связать воедино всё текстовое пространство авторских произведений, а также актуализировать внимание на ключевых художественных образах. В лирике Николая Рубцова мы зафиксировали 53 стихотворения, которые перекликаются между собой: имеют либо абсолютно

одинаковые, либо почти совпадающие элементы в тексте. Автоцитация в лирике Н.М.Рубцова предстаёт важным фрагментом языковой картины мира автора. В творческом сознании поэта существовал целый ряд словесно выраженных образов, которые повторялись в разных текстах. Автоцитация в лирике Н.М.Рубцова – это не только художественный приём, но и психологическое явление. Фрагменты жизни, особенно запомнившиеся автору, отражаются в его поэтическом языке, неоднократно повторяясь. Явление автоцитации в творчестве Николая Рубцова свидетельствует об эволюции его идиостиля. Сопоставление ранних и поздних по времени написания текстов доказывают, что уровень поэтического мастерства автора рос с каждым годом.

Глава 3 Лексико-семантическое поле «Родина» в языковой картине мира Н.М.Рубцова

3.1. Структура лексико-семантического поля «Родина». Ядерный элемент поля, его системные отношения

«Тема Родины - одна из традиционных тем русской поэзии» [Николина 1989, 72-79]. Несмотря на это, каждый автор по-своему создавал образ родины, подбирая соответственные слова и обороты. Лексика тематической группы «Родина» в русской литературе отличается, с одной стороны, устойчивостью и преемственностью, а с другой, – индивидуально-авторскими ассоциациями поэтов. Традиционными в русской патриотической лирике остаются лексемы *родина*, *Русь*, *Россия*, *родной край*, *родная земля* и некоторые другие. А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов, Ф.И.Тютчев, С.А.Есенин, А.А.Блок, А.А.Ахматова, М.И.Цветаева и многие другие поэты писали о родине, воспевали родную землю. Независимо от исторической эпохи и социальных условий Родина для русского человека остаётся святыней, одной из главных ценностей в жизни. Исследования филологов и культурологов последних лет указывают на то, что слово *родина* занимает важное место в русской языковой картине мира [см.: Степанов 1997; Воркачѳв 2007, 35-71; Гимаев 2010; Есмурзаева 2010 и др.]. Хотя ещё в XIX веке, как указывает В.В. Виноградов [см.: Виноградов 1959, 220—221], слово *родина* не имело такого общественного звучания, как сейчас, так как обозначало лишь место, где человек родился, то есть малую родину. В XX веке рассматриваемая лексема стала доминировать в социально-политической и культурной сферах жизни нашей страны (например, плакат «Родина-мать», лозунг «За Родину, за Сталина!», песня «С чего начинается Родина» и т.д.). Современные учёные часто рассматривают слово *родина* в структуре одноимѳнного концепта, реже – в составе лексико-семантического поля.

Во второй половине XX века в отечественной литературе появился поэт, для которого слово **Родина** стало главным в жизни и в творчестве, – поэта звали Николай Рубцов. В языковой картине мира автора важное место занимает лексико-семантическое поле «**Родина**», являющееся ключевым и выражающим центральный образ в его лирике. Данное ЛСП имеет чёткую структуру: ядро, центр и периферию (ближнюю и дальнюю). Единицы поля связаны между собой эпидигматическими, парадигматическими, синтагматическими и ассоциативными отношениями. Ядро ЛСП вербализовано лексемой **родина** (26 употреблений). Центр включает синонимы и антонимы слова **родина** и производные от них лексемы (35 лексических единиц и 174 их употребления). Периферия содержит ассоциативное пространство с семантикой «родина», включая лексические единицы, связанные и парадигматическими, и синтагматическими отношениями (786 лексических единиц и 1971 их употребление).

В современном русском литературном языке лексема **родина** – полисемант, имеет 2 лексико-семантических варианта и 2 оттенка: 1. Страна, в которой человек родился и гражданином которой является; отечество. // Место рождения кого-л. 2. Место зарождения, произрастания чего-л. // Место возникновения чего-л. [МАС III]. Н.М. Рубцов использует лексему **родина** только в первом значении.

Привет, Россия — **родина** моя! ²

Как под твоей мне радостно листвою!

И пенья нет, но ясно слышу я

Незримых певчих пенье хоровое... («Привет, Россия...»)

Самым частотным является употребление данной лексемы с оттенком «место рождения кого-либо», когда поэт говорит о своей малой родине, о вологодской земле:

Тихая моя **родина**!

² Здесь и далее слова, выражающие основное понятие, выделены жирно; лексемы или сочетания лексем, подвергающиеся анализу, – жирным курсивом; лексемы-ассоциаты, передающие семантику «родина» в контексте, – курсивом.

Ивы, река, соловьи...

Мать моя здесь похоронена

В детские годы мои. («Тихая моя родина»)

Теснее всего образ родины в лирике Н.М.Рубцова переплетён с образом природы. Пейзажи родного края с детства волновали сердце автору, поэтому с огромной любовью он их воспел в своём творчестве. В стихотворении «Тихая моя родина» родная земля для лирического героя – это ивы, река, соловьи, могила матери, всё, что делает человека кровно связанным с природой, с миром.

Н.М.Рубцов создал особый образ своей тихой, умиротворённой, немного грустной малой родины. Отношение поэта ярко проявляется в синтагматических отношениях лексемы *родина* в сочетании с эпитетами *тихая, грустная, полная покоя, вечерняя, милая, лунная, далёкая*.

Где бы ни находился лирический герой, он всегда помнит о родине, скучает по ней. В стихотворении «Я устал от зимних помрачений» Н.М.Рубцов использует три эпитета, очень точно характеризующих именно его малую родину: *тихая, вечерняя, далёкая*.

Вспомню я о тихой, о вечерней,

О далекой *родине* моей! («Я устал от зимних помрачений»)

Тишина связана с покоем, домашним уютом. Вечер – любимое время суток Н.М.Рубцова. Многие исследователи отмечали, что пейзаж в большинстве стихотворений поэта представлен в особом, едва уловимом, состоянии перехода дня в ночь – лучше всего это состояние было названо предвечерним [см.: Дементьев 1973, 208-215.]. Помимо этого, лексема *вечерний* входит в ЛСП «Свет», создавая символику света, а точнее, соприкосновения света и тьмы. Лексема *далёкий* напоминает о том, что Н.М.Рубцов часто оказывался вдали от малой родины: служба на флоте, работа на заводе в Ленинграде, учёба в Москве – в любом месте поэт вспоминает родную Вологодчину. Эпитет *полной покоя* выражает состояние умиротворённости, отсутствия каких-либо тревог. Словоформа *светлы* помогает создать картину необычайно красивых родных небес, излучающих необъяснимый свет:

И над **родиной**, *полной покоя*,

Так *светлы* по ночам небеса! («Тайна»)

Покой родины для Н.М.Рубцова не связан с бездеятельностью. Лексему *покой* поэт наделяет эпитетом *светлый*, что подчёркивает положительную коннотацию рассматриваемого слова:

С детства мне дорог такой

Родины *светлый покой*. («Вспомнилось море»)

Традиционной в русской поэзии является параллель Родина – Грусть, Тоска, Печаль. Разные поэты по-своему интерпретировали мотив грусти, связанный с родной землёй. В лирике Николая Рубцова грусть – неотъемлемая часть восприятия родины. И связано это чувство с темой ухода, смерти – расставание с родиной для лирического героя тяжело так же, как и расставание с жизнью:

Всё движется к темному устью.

Когда я очнусь на краю,

Наверное, с *резкою грустью*

Я родину вспомню свою. («Что вспомню я?»)

Лирический герой стихотворения «Что вспомню я?» ощущает близость прощания с жизнью. И это прощание вдвойне тяжелее, когда он вспоминает о родине. Поэт усиливает эмоциональную напряжённость произведения эпитетом *резкою*, говоря о грусти. В произведении «Приезд Тютчева» автор использует антитезу, противопоставляя прекрасной Венеции грустную родину. Но лексема *грустный* в лирике Н.М.Рубцова часто имеет мелиоративную окраску – родина грустная, но это – светлая грусть:

И сны Венеции прекрасной,

И грустной родины привет <...> («Приезд Тютчева»)

Тёплое отношение поэта к родине создаёт лексема *милая*, имеющая значение «близкий сердцу; родной, дорогой» [МАС II]:

Моя **родина** *милая*,

Свет вечерний погас <...> («Моя родина милая»)

В стихотворении «Скачет ли свадьба» Н.М.Рубцов употребляет индивидуально-авторский эпитет *лунный* по отношению к родине:

Ты говоришь, говоришь, как *на родине лунной*
Снег освещённый летел вороному под ноги <...>

(«Скачет ли свадьба»)

Самым точным определением именно рубцовского образа Родины является прилагательное *тихая*, используемое в стихотворении «Тихая моя родина». Это слово поэт использует в синкретичном языковом значении «2. исполненный тишины, безмолвия; 3. такой, где нет шума, большого движения, суеты; 4. выражающий смирение, кротость» [МАС IV]. Лексема *тихая* наделяется индивидуально-авторским семантическим оттенком «скромная». Это слово отражает мировосприятие и духовную сущность русского человека: на больших просторах нашей страны в деревнях люди жили размеренно, без суеты, по циклическому времени.

Родина в стихах Н.М.Рубцова предстаёт как живое существо. Это подчёркивается эмоциональными обращениями. Одним из любимых художественных приёмов поэта является именно обращение к родине. При этом автор использует многократное повторение обращения, значительно усиливающее проявление чувства и воздействие образа:

Вспомни — *о родина!* — праздник на этой дороге!

(«У размытой дороги»)

Я счастлив, *родина*, —

Грибов не счесть.

Ах, вот — колодина!

Я плакал здесь.

От счастья, *родина*.

Ведь счастье есть.

Спасибо, *родина*, что счастье есть.

Я счастлив, *родина*.

Спасибо, *родина*.

Всех ягод лучше — красная смородина. («В лесу»)

Лирический герой с любовью и благодарностью обращается к Родине, так как связывает с ней счастье, покой и всё лучшее в своей жизни. Это подчёркивается лексическим повтором слов *счастье, счастлив, спасибо*.

Ярким примером выражения любви к родине является стихотворение «Привет, Россия...». Текст начинается с характерного рубцовского приёма — обращения к родине. Автор акцентирует внимание на том, что родина для лирического героя — вся Россия:

Привет, Россия — родина моя!

Как под твоей мне радостно листвою!

И пенья нет, но ясно слышу я

Незримых певчих пенье хоровое... («Привет, Россия...»)

Образ певчих, ощущение хорового пения используется в разных произведениях Н.М.Рубцова. Этот образ создаёт вневременность и ирреальность происходящего на родине. Лексема *ветер*, появляющаяся во второй строфе, символизирует путь, странствия лирического героя по родной земле — сквозной мотив поэзии Н.М.Рубцова:

Как будто *ветер* гнал меня по ней,

По всей земле — по сёлам и столицам! («Привет, Россия...»)

В третьей строфе проявление чувства любви к родине нарастает, поэт использует слова *сильнее* и *любовь*, чтобы показать огромную привязанность лирического героя к родной земле. Это чувство обладает необычайной силой. Н.М.Рубцов усиливает названные лексемы лексическим повтором:

Привет, Россия — *родина* моя!

Сильнее бурь, *сильнее* всякой воли

Любовь к твоим овинам у жнивья,

Любовь к тебе, изба в лазурном поле. («Привет, Россия...»)

В четвёртой строфе автор с уверенностью говорит, что не променяет своё неприметное внешне жилище на хоромы. Словосочетание *низкий дом* создаёт уже

знакомый по многим стихам Н.М.Рубцова образ простоты, кротости родного края. Лексема *крапива* передаёт обычные приметы любимых мест. Говоря о солнце, поэт использует удивительно точное наречие *миротворно*, образованное от прилагательного *миротворный* в значении «Устар. Несущий с собой мир², тишину, спокойствие; успокоительный» [МАС II]. Это слово объединяет мир человека и мир природы, который изначально был един, и это единство острее ощущается именно в деревне, вдали от городской цивилизации:

За все хоромы я не отдаю
Свой *низкий дом с крапивой* под оконцем.
Как *миротворно* в горницу мою
По вечерам закатывалось солнце! («Привет, Россия...»)

Завершается стихотворение словами с семантикой времени, а точнее вечности, вневременного ощущения единства прошлого, настоящего и будущего. Об этом говорят лексемы *достославной* – *достославный* в значении «устар. Достойный, заслуживающий славы» [Ефремова, Новый словарь русского языка, электронный ресурс], *веял* – *веять* в значении «перен.; безл. Распространяться, передаваться» [МАС I] и *старинной* – *старина* в значении «Прежние, давно прошедшие времена» [МАС IV]. Лексемы *счастье* и *покой* отражают внутреннее состояние лирического героя на родине:

Как весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце *счастьем* и *покоем*,
И *достославной* *веял старинной*,
И ликовал под ливнями и зноем!.. («Привет, Россия...»)

Высокое чувство *долга*, служения родине переполняет лирического героя, поэтому часто лексемы *должен* и *служить* употребляются в сочетании с лексемой *родина*:

И передаст стихов живая краткость,
Что с этой грустью радостно дружить,
Что эта грусть, похожая на радость,
Мне помогает *Родине служить!* («Грусть»)

Я должен, должен доказать на деле,
Что сердцем всем я **Роди́ну** люблю. («Долг»)

Важным является мотив **сна**, в который погружена родина, - один из главных лейтмотивов рубцовской лирики:

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал **родину** мою... («Звезда полей»)

Чудный месяц плывет над рекою, -
Где-то голос поет молодой.
И над **родиной**, полной покоя,
Опускается сон золотой! («Тайна»)

Лексема *родина* часто используется поэтом в заголовках стихотворений: «Тихая моя родина», «Ночь на родине», «На родину!», «Возвращение на родину», «На родине».

В стихотворении «Ночь на родине» создана картина абсолютного покоя, тишины родного края. Изобразить её автору помогают лексемы *спокойные* и *тихо*:

Высокий дуб. Глубокая вода.
Спокойные кругом ложатся тени.
И *тихо* так, как будто никогда
Природа здесь не знала потрясений!

Приезд в родное село в стихотворении «На родину!» ощущается лирическим героем как возможность вырваться на волю, на спокойную землю, подальше от городской суеты:

Я словно летел из неволи
На отдых, на мёд с молоком...
И где-то в зверином поле

Сошёл и пошёл

пешком. («На родину!»)

Стихотворение «Возвращение на родину» создаёт картину семейной идиллии в родном селе. Конечно, это не более чем огромное желание, фантазия автора, который не мог такого почувствовать в реальной жизни. Лирический герой произведения окружён заботой родных: матери, отца и сестры.

Добрый, сельский уют
родителей.

Самовар... И на печке
сажица.

После службы тише
обители

Эта комната мне

покажется. («Возвращение на родину»)

С первых строчек поэт изображает приметы малой родины: небольшая речушка, старый дом, самовар, печка, балалайка и др. А русская зима предстаёт сказочной. Ритм стихотворения напоминает фольклорные тексты:

Ой, за речкою,
за Дунайкою,
Где не раз гулял
с балалайкою,

Что творится!
Невыразимое,
Ветроногой пургой
затеянное.

Замирая, как в сказку
зимнюю,

Постучусь в окно

заметенное... («Возвращение на родину»)

Стихотворение «На родине» рассказывает о современном состоянии родного села. Вначале слышится ирония по поводу технического прогресса:

Загородил мою дорогу
грузовика широкий зад.
И я подумал: — Слава Богу!
Село не то, что год назад! («На родине»)

Но во второй строфе, несмотря на продолжение иронии (словосочетание *худых кобыл*), проскальзывает ощущение грусти (лексема *горек*). Лирический герой понимает, что уходит, причём уходит навсегда, исконное, старинное русское село с его многовековыми традициями:

Теперь в полях везде машины,
и не видать *худых кобыл*.
Один лишь древний дух крушины
всё так же *горек*, как и был... («На родине»)

Самая главная особенность именно рубцовского восприятия родины – это сыновняя привязанность и любовь к родной земле. Об этом пишут многие рубцововеды [см.: Дементьев 1973, 208-215; Ефремова 1987, 128]. Н.М.Рубцов любил родину как родную мать, причём без пафосного возвеличивания (Родина-мать). Рано оставшись без мамы, поэт всю жизнь чувствовал себя сиротой и странником. Всюду он искал приют и покой. Н.М.Рубцову хотелось обрести свой дом, но долгие годы у него не было никакого пристанища, и нигде он не мог ощутить себя как дома. Поэтому родина (прежде всего малая) стала той опорой, которую поэт полюбил больше всего, привязался к ней, как к родному человеку, как к матери. Только в маленьком селе Никольском, или, как ласково его называл сам Н.М. Рубцов, в Николе, поэт чувствовал успокоение души и «смертную связь» с родной землёй.

3.2 Центр поля. Системные отношения единиц в нём.

Центр ЛСП «Родина» в лирике Николая Рубцова включает синонимы и антонимы к слову *родина* и производные от них лексемы (всего 29 лексем и 162 употребления). Часто поэт использует слова *Русь, Россия, отчизна, земля, страна* и перифразы *родной край, родная земля, любимый край, родимая земля*.

Лексема *Русь* является самой частотной в центре поля и второй по частотности во всей структуре ЛСП «Родина» в лирике Н.М.Рубцова - она употребляется 25 раз. Это слово имеет следующую дефиницию: **1. Ист.** Название государственного образования восточных славян в 9 в. на реке Днепр. **2. Высок. поэт.** О России. [Большой толковый словарь русского языка, электронный ресурс]. О происхождении этнонима Русь подробно пишет Г.Ф.Ковалёв [см.: Ковалёв 1986, 131-145]. Лексема *Русь* указывает на историческую память русского народа, возвращает в прошлое нашей родины. Неслучайно это слово во втором значении с пометами «высокое» и «поэтическое» часто используется русскими поэтами [см.: Николина 1989, 78]. Николай Рубцов использует лексему *Русь* как обозначение тесной духовной связи с прошлым нашей родины, как этнокультурную семантическую единицу:

В деревне виднее природа и люди.
Конечно, за всех говорить не берусь!
Виднее над полем при звёздном салюте,
На чём поднималась великая *Русь*. («Жар-птица»)

Лексема *Русь* у поэта связана с духовным наследием нашей страны, и в первую очередь с православными святынями:

С моста идёт дорога в гору,
А на горе — какая грусть! —
Лежат *развалины собора*,
Как будто спит былая *Русь*. («По вечерам»)

Слово *Русь* выражает характерную для поэзии Н.М.Рубцова вневременность повествования, когда прошлое, настоящее и будущее соединяются в одном пространственно-временном фрагменте [см.: Коняев 2006, 259]. Для выражения этой вневременности в сочетании со словом *Русь* Н.М.Рубцов использует эпитеты *великая, былая, поседевшая*, сравнения *старая, как Русь; древние, как Русь; вечные, как Русь*:

Былая Русь! Не в те ли годы
Наш день, как будто у груди,
Был вскормлен образом свободы,
Всегда мелькавшей впереди! («По вечерам»)

Стоит берёза *старая, как Русь* <...> («Осенние этюды»)

И *древние, как Русь*, могучие деревья
Темнеют вдоль дорог, листву роняя в грязь.

<...>

И *вечные, как Русь*, священные деревья
Темнеют вдоль дорог, листву роняя в грязь...

(«Поднявшись на холмах, старинные деревни»)

Занесённая снегом избушка
Всё-то знает, о чём ни спроси!
Всё расскажет она, как подружка,
О судьбе *поседевшей Руси*. («Избушка»)

С помощью прямой номинации *люблю*, сопряжения двух номинант страны-родины, а также обращений и восклицательных предложений Н.М.Рубцов выражает любовь к родине:

Россия, Русь — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы —
Люблю твою, Россия, старину,

Твои огни, погосты и молитвы <...> («Видения на холме»)

Конечно, стихотворение «Видения на холме» – одно из лучших патриотических произведений русской поэзии [см. об этом: Кожин 1982, 122; Ефремова 1987, 130; Основина 2006, 15-18 и др.]. Н.М.Рубцов написал пророческие строки о нашей родине. Лирический герой с вершины обычного деревенского холма увидел значительные события отечественной истории. Любовь к России и боль за родную землю, перенесшую столько страданий, наполняет душу Н.М.Рубцова. «Россия, Русь! Храни себя, храни!» – такой наказ будущим поколениям оставляет поэт.

Метафора *Русь* — *великий звездочёт* помогает в раскрытии этого чувства, а также создаёт мистический образ Руси – предсказательницы, хранительницы времени:

О, Русь — великий звездочёт!

Как звёзд не свергнуть с высоты,

Так век неслышно протечёт,

Не тронув этой красоты <...> («Душа хранит»)

Н.М.Рубцов использует лексику *Русь* для связи поэтических традиций применительно к образу Сергея Есенина:

Да, недолго глядел он на *Русь*

Голубыми глазами поэта. («Сергей Есенин»)

Слово *Русь* употребляется поэтом и в индивидуально-авторском значении «место рождения кого-либо, малая родина». Синтагма *вологодское поле* подчёркивает, что лирический герой под Русью имеет в виду свою малую родину:

Только знаю: потянет на *Русь!*

Так потянет, что я поневоле

Разрыдаюсь, когда опущусь

На своё *вологодское поле...* («На злобу дня»)

Н.М.Рубцов, говоря о родине, часто использует лексику *Россия* (16 употреблений), которая имеет следующее значение: «Государство, расположенное в Европе и Азии; страна, в которой большинство населения

составляют русские» [Большой толковый словарь русского языка, электронный ресурс]. Слова *Русь* и *Россия* – макротопонимы, служащие названием нашей страны. В тексте они обычно являются контекстуальными синонимами, но значение их различается семантическими и стилистическими оттенками. Слово *Русь* имеет в словаре помету «высокое, поэтическое», поэтому является более торжественным, чем слово *Россия*. Кроме того, лексема *Русь* указывает на связь с историей государства, народа, культуры. Слово *Россия* является общеупотребительным, поэтому используется обычно в своём прямом значении без ассоциаций. В поэтических текстах Н.М.Рубцова эти слова часто сочетаются в одном контексте:

Россия, Русь! Храни себя, храни! («Видения на холме»)

Эх, *Русь, Россия!*

Что звону мало? («Зимним вечерком»)

Россия, Русь! Неужто одичаем,

Себе подпишем смертный приговор?

(«Сижу в гостях за ароматным чаем»)

Эти риторические обращения имеют два пространства адресатов: первое, обозначенное словом *Россия*, обращено к современникам, а второе, *Русь*, – к прошлому, к истории нашей страны.

В стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» лексема *Россия* сочетается с риторическим восклицанием *как грустно*, усиленным лексическим повтором:

Россия! Как грустно! Как странно поникли и *грустно*

Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!

(«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»)

Россия сравнивается с человеком, который меняется в течение жизни:

— Меняя прежние черты,

Меняя возраст, гнев и милость,

Не только я, не только ты,
А вся **Россия** изменилась! («Встреча»)

Н.М.Рубцов использует метафору *душа России*, говоря об А.С.Пушкине:

Словно зеркало русской стихии,
Отстояв назначенье своё,
Отразил он всю *душу России!*
И погиб, отражая её. («О Пушкине»)

Как итог размышлений о родине, поэт выводит собственную формулу счастья: *Россия, дети, природа* и *кропотливый сельский труд*:

Я долго слушал шум завода —
И понял вдруг, что счастье тут:
Россия, дети, и природа,
И *кропотливый сельский труд!* («Меня звала моя природа»).

Синонимами слова *родина* в первом значении являются перифразы *родной край, любимый край, отчий край, русская земля, родимая земля* и др. Словосочетание *родной край* – синоним слова *родина* в значении «страна, в которой человек родился и гражданином которой является; отечество. // Место рождения кого-либо» [МАС III]. Данная синтагма сочетается с лексемами, передающими авторское отношение к родине – *грусть, святость, люблю*:

И эту *грусть*, и *святость* прежних лет
Я так *люблю* во мгле *родного края* <...> («Над вечным покоем»)

Мы видим у Н.М.Рубцова одушевление родины, создающееся приёмом олицетворения, в основе которого – антропоморфная метафора. Поэт использует прямые обращения к родине:

— *Прости*, — сказал *родному краю*, —
За мой отъезд, за паровоз («Прекрасно небо голубое!»)

Очень тесно с образом родины в лирике Н.М.Рубцова связан образ природы. В стихотворении «Во время грозы» перед нами картина природного катаклизма на родной земле, которая передаётся словосочетанием *смятенный вид*:

Молчал, задумавшись, и я,

Привычным взглядом созерцая
Зловещий праздник бытия,
Смятенный вид родного края. («Во время грозы»)

Мотив долга перед родиной и счастья от его исполнения представлен в стихотворении «Счастье», где синтагма *родной край* сочетается с лексемами *счастлив, верно, служить*:

Счастлив я. И понимаю,
Что иначе мне не жить,
Что всегда *родному краю*
Верно буду я *служить!* («Счастье»)

Наряду со словосочетанием *родной край* Н.М.Рубцов использует описательные обороты, синонимичные лексеме *родина* в первом значении. Поэт использует перифразы *край, где родился и рос* и *край родных полей и рощ*, чтобы показать именно свою малую родину:

Я разлюбить не смогу
Край, где родился и рос. («Вспомнилось море»)

И только когда вспоминаю
Тот *край, где родился и рос* <...> («В горной долине»)

Да простит меня за это
Край родных полей и рощ! («Долг»)

Синонимами слова *родина* в первом значении являются словосочетания *любимый край, свои края, отчие края*. Например, в стихотворении «Нагрязнули» синтагма *мой любимый край* реализует значение «место рождения кого-либо», так как поэт говорит о своей родной Вологодчине:

Под луной, под гаснущими ивами
Посмотрели *мой любимый край.* («Нагрязнули»)

В стихотворении «Быстрее мечты» словосочетание *свои края* реализует значение «страна, в которой человек родился и гражданином которой является; отечество» [МАС III].

Хотелось крикнуть им, что я
Посланец русских нив и рек,
Влюблённый в труд, в *свои края*,
Земной, советский человек! («Быстрее мечты»)

С помощью синтагмы *отчие края*, или по-другому *край отцов*, Николай Рубцов называет свою малую родину, где жили его родители. Поэт говорит о непреходящем значении родины, о том, как тянет его в родные места. Эти чувства передают лексема *не утратил*, усиленная повтором, и лексема *тяга*:

Не утратил, не утрачу
Тягу в отчие края. («Счастье»)

Словосочетание *русская земля* синонимично слову *родина* в первом значении. Значение лексем *русская* содержит семы 'народ', 'государство', 'история', 'культура', поэтому Н.М.Рубцов использует данную лексему и словосочетания с ней в стихотворениях об истории, культуре русского народа:

Бессмертное величие Кремля
Невыразимо смертными словами!
В твоей судьбе, — о *русская земля!* -
В твоей глуши с лесами и холмами. («О Московском Кремле»)

Лирический герой поклоняется московскому Кремлю как святыне, символизирующей величие нашей страны:

И я молюсь — о русская земля! —
Не на твои забытые иконы,
Молюсь на лик священного Кремля
И на его таинственные звоны... («О Московском Кремле»)

Вообще лексема *русский* – одна из самых частотных в составе ЛСП Родина в лирике Н.М.Рубцова (22 употребления). Это слово имеет богатую сочетаемость: синтагмы с данной лексемой обычно обозначают понятия, признаки, явления,

характерные именно для нашей страны: *русские деревни, русский огонёк, русское селенье, русская сказка, русские князья, русский богатырь, русская глушь, русский пейзаж, русские распутья* и др. Поэт использует слово *древнерусский* с целью создания атмосферы прошлых времён, а именно красоты русской старины:

Красотою *древнерусской*

Обновился городок. («Выпал снег»)

Лексема *родной* – третья по количественной представленности в структуре ЛСП Родина в лирике Н.М.Рубцова после лексем *Русь* и *родина*. Это слово поэт использует во всех словарных значениях: «**1.** Находящийся в кровном родстве по прямой линии. || Являющийся родственником. **2.** в знач. суц. **родные**, - ы х, *мн.* Родственники. **3.** Такой, где родился (о городе, стране и т. п.). **4.** Дорогой, близкий сердцу» [МАС III]. Наиболее продуктивным для Н.М.Рубцова является употребление лексемы *родной* в четвёртом значении, когда автор говорит обо всём, что стало ему дорого и близко на родной земле (*родная мама, родные пейзажи, родная река, родная крыша, родной луч, родная заря, родные уголья, родное поле, родная роща, родная ветла, родная рында* и т.д.). Часто слово *родной* употребляется в составе устойчивых словосочетаний, обозначающих родину: *родной край, родная земля*:

И эту грусть, и святость прежних лет

Я так люблю во мгле *родного края* <...> («Над вечным покоем»)

За Вологду, землю родную,

Я снова стакан подниму! («Тост»)

В отличие от синтагмы *русская земля*, называющей обобщённый образ России, словосочетание *родная земля* обычно у Николая Рубцова обозначает малую родину. Поэт использует словосочетание *родная деревня*, говоря о высокой преданности родной земле:

Он дорожил большим доверьем

И даже,

Брошенный женой,

Не изменил

Родной деревне,

Когда ей было тяжело. («Рассказ о коммунисте»)

Один из языковых синонимов слова *родина*, лексема *отчизна*, традиционно часто встречающаяся в русской поэзии, в лирике Н.М.Рубцова употребляется всего лишь пять раз. В словаре данная лексема имеет толкование «*трад.-поэт. и высок. Отечество, родина*» [МАС II]. Н.М.Рубцов использует слово *отчизна* в соответствии с тематикой и стилистикой: в основном в стихотворениях с патриотическим пафосом, усиливая высокий стиль:

Я буду скакать по холмам задремавшей *отчизны*

Неведомый сын удивительных вольных племён!

Как прежде скакали на голос удачи капризный,

Я буду скакать по следам миновавших времён...

(«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»)

Этот шедевр рубцовой лирики представляет собой философское размышление о судьбе родины, судьбе всего человечества и о собственном пути в жизни. В этом стихотворении любовь к родине выходит на новый, самый высокий уровень, где родина предстаёт божеством, святыней:

Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы,

Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,

Что, всё понимая, без грусти пойду до могилы...

Отчизна и воля - останься, *моё божество!*

(«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»)

В ранних морских стихах поэт использует лексему *отчизна*, чтобы показать патриотизм матросов:

Верность Отчизне силы придаст

Тем, кто слабеет в штормы <...> («Ночь»)

Высокий смысл служения *Отчизне*

Зовёт на подвиг смелые сердца. («Родное море»)

В данных произведениях слово *отчизна*, как обобщённое название родины, пишется с большой буквы, а в стихотворении «Я устал от зимних помрачений», напротив, с маленькой, так как речь идёт о малой родине:

Там большие избы над рекою.

Там любой готов наверняка

За *отчизну*, полную покоя,

Умереть от выстрела врага!

(«Я устал от зимних помрачений»)

Лирический герой готов отдать жизнь за родину – важная смысловая доминанта рубцовской лирики. Поэт говорит, что вся Россия – наш дом, в любом русском уголке он ощущает себя на родине:

Россия! Куда ни приеду,

Ты *всюду отчизна* и *дом*. («Под соснами Липина Бора»)

В качестве контекстуального синонима слова *родина* Н.М.Рубцов использует слово *земля* в сочетании с лексемой *наша*. Представляется сложным определить, о России в целом или лишь о малой родине говорит поэт в стихотворении «Посвящение другу». Скорее всего, здесь типичное для языка Н.М.Рубцова явление синкретизма (различные семы и лексико-семантические варианты слов совмещаются, органично сосуществуют):

Не порвать мне мучительной связи

С долгой осенью *нашей земли*. («Посвящение другу»)

Важно отметить, что Родина для Н.М.Рубцова – не конкретно-исторический, а вневременной образ, связывающий прошлое, настоящее и будущее нашей страны. Это доказывает тот факт, что в его стихах редко встречаются слова, обозначающие советскую действительность. Лексема *советский* (в сочетании со словами *страна*, *республика*) встречается четыре раза, *СССР* – два раза. А самое главное, что данные слова и словосочетания не имеют важного значения в идиостиле поэта и конкретно в раскрытии образа Родины:

Коллективным героем

Советской страны

Стала наша матросская юность! («Матросская юность»)

Космонавты *советской земли*,

Люди самой возвышенной цели <...> («На злобу дня. Экспромт»)

Известно всем, СССР

Ракетами силён <...> («То ль адмиральский ум померк»)

Примечательно, что в лирике Н.М. Рубцова вообще не встречается слово *отечество* – самый частотный языковой синоним слова *родина* [см.: Словарь синонимов русского языка 1986]. Это можно объяснить тем, что поэт стремился с помощью стилистически нейтральных общеупотребительных слов создать свой неповторимый образ тихой малой родины, а лексемы *отчизна* и *отечество*, имеющие в словаре пометы «высокое», создают пафос, несвойственный тихой лирике Н.М.Рубцова.

Не является концептуально значимым в лирике Н.М.Рубцова антоним слова *родина* – лексема *чужбина*, употреблённая поэтом четыре раза. Причины здесь связаны с биографией поэта: Николай Рубцов за всю свою жизнь ни разу не покинул пределы СССР, да и не думал никогда об этом, в отличие, например, от некоторых современников автора – шестидесятников. Вологодский поэт настолько сильно любил свою родину (причём не только малую), в каждом уголке России ощущал себя как дома, что мыслей об эмиграции, не то, что не было, – разлука с родной землёй для Н.М.Рубцова равносильна смерти, для него нет и не могло быть жизни без родины. Лексема *чужбина* используется автором с чувством горечи и ностальгии, но с самим лирическим героем это слово не связано:

Хочу запеть про тонкую рябину,

Или про чью-то горькую *чужбину* <...> («Вечерние стихи»)

И азиатская *чужбина*

Бог знает что за сторона? («По дороге к морю»)

В центр ЛСП «Родина» мы также включили словообразовательное гнездо (СГ) с вершиной *родимый*, которое включает две ступени словообразования: на первой ступени в СГ входит производное *родимый* (существительное); на второй ступени – *родимая* (существительное):

Родимый → родимый (сущ.) → родимая (сущ.) [Тихонов 1985 т. 2, 45].

Нами было обнаружено 9 употреблений лексемы *родимый* в стихотворных текстах Н.М.Рубцова. Это слово в Малом академическом словаре имеет помету «устаревшее и народно-поэтическое». Не случайно поэт использует данную лексему как вневременную и возвышенную характеристику родины:

И вокруг долины той *родимой*,
Полной света вечных звёзд Руси,
Жизнь моя вращается незримо,
Как земля вокруг своей оси! («Долина юности»)

И опять *родимую* деревню
Вижу я: избышки и деревья,
Словно в омут, канувшие в ночь. («На вокзале»)

Чаще всего Н.М.Рубцов использует слово *родимый* в синкретичном языковом значении, объединяя два лексико-семантических варианта: «3. такой, где родился» и 4. Дорогой, близкий сердцу» [МАС III]. Получается логичная зависимость: то, что связано с родиной, обязательно дорого и близко сердцу. Слово *родимый* выражает очень тёплое отношение лирического героя к родному краю. В стихотворении «Встреча» синтагма *родимых мест* сочетается с важной для рубцовской языковой картины мира лексемой *покой*, выражающей умиротворённость родной земли:

Мычащее важное стадо

Бежит луговиной в лес.

И сердце до боли радо

Покою родимых мест. («Встреча»)

Лексема **родимый** образует словосочетания со словами *край, земля, земляца, деревня, село, окрестность, место, долина*. В стихотворении «На реке Сухоне» автор рисует образ серой, неприметной родимой земли. Но всё же эта местность дорога лирическому герою:

Много серой воды,

много серого неба,

И немного пологой **родимой земли**,

И немного огней вдоль по берегу... («На реке Сухоне»)

Любовь поэта к родной земле очень ярко выражена синтагмой **родимая земляца**. Н.М.Рубцов использует достаточно редкое слово *земляца*, имеющее в значении уменьшительно-ласкательную коннотацию [см.: Толковый словарь русского языка 1935-1940]:

Но моя **родимая земляца**

Надо мной удерживает власть, –

Память возвращается, как птица,

В то гнездо, в котором родилась. («Ось»)

Развёрнутая метафора в данной строфе показывает сильнейшую привязанность лирического героя к родной земле: человек всегда вернётся к своим истокам, нельзя забыть, а тем более, покинуть родину.

В стихотворении «Русский огонёк» существительное **родимый** используется как обращение хозяйки к лирическому герою. Слово **родимый** обычно употребляется для обозначения человека, находящегося в кровном родстве. А в данном произведении совершенно незнакомая женщина приютила путника и обращается к нему со словом **родимый**:

- Скажи, **родимый**, будет ли война?

И я сказал: - Наверное, не будет. («Русский огонёк»)

Н.М.Рубцов в этом произведении подметил яркую особенность русского менталитета, правда, встречающуюся сейчас всё реже: соборность, отождествление себя с каждым человеком, близкородственные отношения между всеми людьми.

В центр ЛСП «Родина» в лирике Н.М.Рубцова входят также элементы словообразовательного гнезда с вершиной *родить: родиться, рождение и возродиться*.

(родить) → возродить → возродиться

(родить)³ → родиться → возродиться

[рождённый] рождение

[рождён] родина

[рождена] родители

(уродить) → (уродиться) → урожай [Тихонов 1985 т. 2, 46].

Н.М.Рубцов употребляет слово *родиться* в значении «получить жизнь в результате родов, появиться (появляться) на свет» [МАС III]. Автор использует разные изобразительно-выразительные средства, чтобы показать своё счастье быть рождённым именно на своей родной земле. Риторическое восклицание, выражение эмоционально-экспрессивно окрашенной синтагмой *дивное счастье*, сравнение *словно ангел*, метафора *под куполом синих небес* в сочетании с лексемой *родиться* усиливают авторское восприятие родины:

О, сельские виды! О, *дивное счастье родиться*

В лугах, *словно ангел, под куполом синих небес!*

(«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»)

Слово *рождение* Н.М.Рубцов использует в значении «появление на свет» [МАС III]. Родина связывается с природой:

Где моё приветили *рождение*

И трава молочная, и мёд <...> («Подорожники»)

³ В круглых скобках указаны слова, не встречающиеся в текстах Н.М.Рубцова, а в квадратных приведены формы слова, употреблённые поэтом.

Лексема *возродиться* используется поэтом в индивидуально-авторском значении «родиться заново». Возрождение связывается с родиной:

Что я хотел бы превратиться
Или в багряный тихий лист,
Иль в дождевой весёлый свист,
Но, превратившись, *возродиться*
И возвратиться в отчий дом («В осеннем лесу»)

Таким образом, можно сделать вывод, что большинство синонимов слова *родина* в лирике Н.М.Рубцова являются контекстуальными. Языковых же нами найдено всего четыре: *родной край, родная земля, отчий край, отчизна*. Это объясняется тем, что поэт акцентировал внимание на своём индивидуально-авторском восприятии родины, прежде всего малой, которая заменила ему родную мать и поэтому была очень дорога. В связи с этим частотны эмоциональные и экспрессивно окрашенные лексемы: *родимый, родной, любимый, милый, земляца* и др. Антоним слова *родина*, лексема *чужбина* не является функционально значимым в лирике Н.М.Рубцова. В центр ЛСП «Родина» входят также словообразовательные гнезда с вершинами *родимый* и *родить*.

3.3. Ассоциативная зона как периферия лексико-семантического поля «Родина». Системные отношения в ней

К периферии лексико-семантического поля «Родина» в лирике Н.М.Рубцова относятся слова-ассоциаты с семантикой «родина», образующие ассоциативную зону. В этой зоне можно выделить ближнюю и дальнюю периферии. К ближней относятся слова-ассоциаты со значением «малая родина» и слова-ассоциаты со значением «природа». Дальнюю периферию составляют слова-ассоциаты со значением «свет» и индивидуально-авторские слова-ассоциаты с семантикой «родина».

3.3.1 Слова-ассоциаты с семантикой «малая родина»

Эта группа (127 лексем и 387 употреблений) по семантике наиболее близка к центру поля, находясь с ядерной номинантой в холопартитивных отношениях. Ведь родина для Николая Рубцова – это, прежде всего, маленькая вологодская деревня Никола. Именно там поэт сильнее всего ощущал привязанность к родной земле и единство с ней. В ассоциативный ряд слов со значением «малая родина» входят лексемы *деревня, село, город, селенье, дом, изба, храм, церковь, собор, школа, детдом, окошко, горница, уголок, двор, глушь, окрестность, соседний, барак, парк, сельсовет, здешний* и др. В эту группу мы также включаем топонимы, антропонимы и их дериваты, связанные с малой родиной Н.М.Рубцова (*Никола, Вологда, Ферапонтово, Тотьма, София, архангельский* и др.), а также термины родства (*мать, матушка, отец, родители, родня* и др.)

Самыми частотными из этой группы являются лексемы *деревня* (29 употреблений), *село* (17 употреблений), *изба* (16 употреблений) и *дом* (15 употреблений). Эти слова непосредственно содержат семный комплекс «малая родина».

Лексема *деревня* является самой частотной единицей ЛСП «Родина» в лирике Н.М.Рубцова. Это слово часто обозначает его родную деревню Николу:

Люблю я *деревню* *Николу*,

Где кончил начальную школу! («Родная деревня»)

Поэт считает деревню основой, фундаментом великой русской земли:

В *деревне* виднее природа и люди.

Конечно, за всех говорить не берусь!

Виднее над полем при звёздном салюте,

На чём поднималась великая Русь. («Жар-птица»)

Чтобы подчеркнуть особое значение деревни для России, Николай Рубцов использует метафору:

Мать России целой — *деревушка*,

Может быть, вот этот уголок... («Острова свои обогреваем»)

Лексема *деревня* сочетается с прилагательным *родимый*, выражающим тёплое отношение автора к малой родине:

И опять *родимую деревню*

Вижу я: избышки и деревья,

Словно в омут, канувшие в ночь. («На вокзале»)

Лирический герой всем сердцем любит родную деревню:

Всё люблю без памяти

в *деревенском* стане я <...> («Деревенские ночи»)

Показывая обряды и традиции русской деревни, Н.М.Рубцов использует диалектное слово *дожинки*, обозначающее «празднества по случаю последнего дня жатвы» [МАС I]:

В *деревне* празднуют *дожинки*,

И на гармонь летят снежинки. («Первый снег»)

Образ деревни в лирике Н.М. Рубцова предстаёт светлым, жизнеутверждающим:

В этой *деревне* огни не погашены.

Ты мне тоску не пророчь! («Зимняя песня»)

Несмотря на любовь к родному краю, поэт далёк от его идеализации: деревни в его произведении стоят *немного накренься*, то есть «наклонившись набок» [МАС II]. Даже такая внешняя непривлекательность жилища по-своему приятна лирическому герою:

Ведь *русские деревни*

Стояли и стоят, *немного накренься* <...>

(«Поднявшись на холмах, старинные деревни»)

Признаки русской деревни в лирике Н.М.Рубцова – тишина, покой и даже неподвижность, олицетворяющие традиционность, нерушимость бытия. Мы часто видим, деревню, погружённую в сон:

Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье

И тайные *сны неподвижных* больших *деревень*.

(«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»)

Одним из самых ярких произведений Н.М.Рубцова о родной деревне является стихотворение, которое так и называется «Родная деревня». Оно построено на приёме антитезы. В первой строфе противопоставляются восприятие Николю проезжим и любовь к родной деревне лирического героя:

Хотя проклиная проезжий
Дороги моих побережий,
Люблю я *деревню* *Николю*,
Где кончил начальную школу! («Родная деревня»)

В последней строфе поэт противопоставляет полные счастливых иллюзий ожидания от столичной жизни реальному счастью жить в родной деревне:

Когда ж повзрослеет в *столице*,
Посмотрит на жизнь *за границей*,
Тогда он оценит *Николю*,
Где кончил начальную школу... («Родная деревня»)

Лексема *деревня* в лирике Н.М.Рубцова образует синтагмы со словами *большая, русская, родная, родимая, светлая, хорошая, сибирская, притихшая, полузабытая, тощая* и др.

Лексема *село* употребляется в своём языковом значении «большое крестьянское селение, хозяйственный и административный центр для близлежащих деревень (в дореволюционной России обязательной принадлежностью такого селения была также церковь). // Жители такого селения. // Сама местность, где расположены эти селения, где ведётся крестьянское хозяйство» [МАС IV]. В данной дефиниции важным моментом является указание на наличие в селе церкви. Неслучайно в лирике Н.М.Рубцова лексемы *село* и *деревня* часто употребляются в сочетании с лексемами *церковь, храм, собор, колокольня*:

А дальше за лесом - большая *деревня*.
Вороны на ёлках, старухи в домах.
Деревни, деревни вдали на холмах,

Меж ними *село с колокольнею* древней... (Жар-птица»)

Поэта беспокоит то, что русское село разрушается, люди всё чаще уезжают в города, а самое главное, ломаются вековые традиции. Эту свою тревогу Н.М.Рубцов выразил в стихотворении «Грани». Лексемы *таранит, слом, терзают* и *грани* усиливают чувства поэта:

Ах, город *село таранит!*

Ах, что-то пойдёт на *слом!*

Меня всё *терзают грани*

Меж *городом* и *селом*... («Грани»)

Слово *село* в лирике Н.М.Рубцова связано с домашним уютом, покоем, поэтому автор использует эпитет *родимое*:

Вон то *село*, над коим вьются тучи,

Оно *село родимое* и есть...

(«В полях сверкало. Близилась гроза»)

В рубцовской модели мира (и концептуальной, и языковой) село почти всегда граничит с кладбищем. Лексемы *село* и *кладбище* часто употребляются в одном контексте – так поэт акцентирует внимание на смертной связи человека с родиной:

Село стоит

На правом берегу,

А *кладбище* –

На левом берегу. («Село стоит на правом берегу»)

Применительно к слову *село* глагол *почить* Н.М.Рубцов употребляет в индивидуально-авторском значении «погрузиться в покой, молчание» [Сидоренко 2005, 244]. Здесь на языковую окрашенность (перен., высок.) наложилась авторская коннотация:

Как всяких забот отрицанье,

Седое, *почило село*. («Над Липиным Бором — мерцанье»).

В пространстве села, деревни значимы реалии *изба* и *дом*. Несмотря на то, что данные лексемы являются синонимами и употребляются в лирике

Н.М.Рубцова почти одинаковое количество раз, отличие одного слова от другого есть. Лексема *изба* имеет значение «деревянный крестьянский дом» [МАС II], то есть называет традиционное жилище русского крестьянина. Лексема *дом* не содержит в своём значении сем «село» и «деревня», являясь более широкой в семантическом плане. Слово *изба* в лирике Н.М.Рубцова помогает создать неповторимый русский колорит. В стихотворении «Привет, Россия – родина моя!» лирический герой признаётся в любви к родной избе:

Привет, Россия – родина моя!
Сильнее бурь, сильнее всякой воли
Любовь к твоим овинам у жнивья,
Любовь к тебе, *изба* в лазурном поле. («Привет, Россия...»)

В рубцовском пейзаже малой родины избы почти всегда находятся над рекою. В стихотворении «В святой обители природы» картина родного края нарисована особенно ярко, с помощью метафоры *Прощальной дымкою повиты // Старушки избы над рекой*. Избы у Н.М.Рубцова охарактеризованы ласковым словом *старушки*. В стихотворении «Листья осенние» поэт использует лексему *сладко* для выражения умиротворённости лирического героя от приятного пребывания в обычной, родной, милой сердцу избе.

Сладко в избе
Коротать одиночества время <...> («Листья осенние»)

Обычная деревенская избышка в одноимённом стихотворении предстаёт живым существом, хранящим историческую память нашей большой родины:

Занесённая снегом *избушка*
Всё-то знает, о чём ни спроси!
Всё расскажет она, как подружка,
О судьбе поседевшей Руси. («Избушка»)

Именно в деревянной избе, старинном русском жилище, живёт известный герой, которого автор называет Добрый Филя. В этом образе Н.М.Рубцов изобразил типичного представителя уходящей Руси, непритязательного (живёт он *без претензий и льгот, без газа, без ванной*), доброго, простого человека, для

которого материальные ценности стоят на втором плане.

Тема дома в лирике Н.М.Рубцова отмечена печатью грусти. Поэт всю жизнь стремился к дому, искал дом, но, по сути, так его и не нашёл. Всюду его преследовало чувство бесприютности, неприкаянности. Причиной этого во многом стало раннее сиротство Н.М.Рубцова и последующая жизнь в детдоме. Образ дома связан с теплом домашнего очага, поэтому используется лексема *самовар*:

Скорей, скорей! Когда продрогнешь весь,
Как славен *дом* и *самовар* певучий!

(«В полях сверкало. Близилась гроза»)

Чаще всего слова *дом* и *изба* в лирике Н.М.Рубцова выступают синонимами. Главный эпитет, характеризующий дом – *низкий (низенький)*. Снова перед нами внешняя неприметность, которая, несмотря ни на что, очень дорога поэту :

Любовь к тебе, *изба* в лазурном поле.

<...>

За все хоромы я не отдаю

Свой *низкий дом* с крапивой под оконцем. («Привет, Россия...»)

Стоял запорошенный снегом

Бревенчатый *низенький дом*. («Далёкое»)

В стихотворении «Под соснами «Липина Бора» лексемы *дом* и *отчизна* являются контекстуальными синонимами:

Россия! Куда ни приеду,

Ты всюду *отчизна* и *дом*. («Под соснами «Липина Бора»)

В возрасте шести лет Коля Рубцов остался сиротой: мать умерла, а отец ушёл на войну. Мальчика отдали в детдом. Но даже среди чужих людей будущий поэт не потерял умение радоваться жизни, видеть во всём какие-то хорошие моменты, хотя, конечно на душе было очень тяжело. Лексему *сирота* Н.М.Рубцов наделяет отрицательной коннотацией:

Для нас звучало,
Как-то незнакомо,
Нас оскорбляло
Слово «*сирота*». («Детство»)

Образ матери в стихах Н.М.Рубцова нарисован особенно трогательно, с проникновенной грустью:

Еду, еду в отпуск в Подмосковье!
И в родном селении опять
Скоро, переполненный любовью,
Обниму взволнованную *мать*. («Отпускное»)

Поэт с необыкновенным теплом говорит о матери, уюте родного дома, хотя на самом деле у Н.М.Рубцова никогда этого не было. Автор в своих стихах создаёт идеальную картину жизни, которая противоречит реальной действительности:

Как живёшь, моя добрая *мать*?
Что есть нового в нашем селенье?
Мне сегодня приснился опять
Дом родной, сад с густою сиренью. («Матери»)

Лексемы *мама*, *отец* являются важнейшими при описании детства у Н.М.Рубцова. Поэт предельно автобиографично, а главное, абсолютно искренне описывает детские годы, совпавшие с началом Великой Отечественной войны:

Вспомню, как жили мы
С *мамой* родною —
Всегда в веселе и в тепле.
Но вот наше счастье
Распалось на части —
Война наступила в стране.
Уехал *отец*
Защищать землю нашу,
Осталась с нами *мама* одна. («Вспомню, как жили мы»)

Репрезентантами образа матери в лирике Н.М.Рубцова выступают лексемы *мать* (15 употреблений), *мама* (10 употреблений), *матушка* (1 употребление), *маменька* (1 употребление) и *материнский* (1 употребление). Уменьшительно-ласкательная форма *матушка* появляется в стихотворении «В горнице», сюжет которого представляет собой не что иное, как сон лирического героя [см.: Шайтанов 2007, 216]. В стихотворении «Тихая моя родина» могила матери является неотъемлемой частью родного края:

Тихая моя *родина!*

Ивы, река, соловьи...

Мать моя здесь *похоронена*

В детские годы мои. («Тихая моя родина»)

Несмотря на большую количественную представленность лексем *село* и *деревня* в лирике Н.М.Рубцова, поэт большую часть жизни провёл в городе и написал много «городских» стихов. Слово *город* встречается 14 раз. Но изображая город, Н.М.Рубцов часто акцентирует внимание на признаках, более характерных для сельской местности: тишина, обилие зелени, заброшенность, глушь и т.д.:

Тот *город* *зелёный* и *тихий*

Отрадно *заброшен* и *глух*. («Тот город зелёный»)

Лексемы *заброшен* и *глух* в сочетании со словом *отрадно* получают положительную эмоциональную коннотацию. Само слово *глушь* является важным в характеристике малой родины. Н.М.Рубцов использует его в значении «отдалённое от поселений, пустынное место. || Малонаселённый, удалённый от центров культурной жизни город, деревня, село и т. п.; захолустье» [МАС I]. Поэт использует синтагму *сказочная глушь*, чтобы показать не просто удалённость местности, но даже какую-то её ирреальность:

Я пойду, чтоб думами до Устюга

Погружаться в *сказочную глушь*. («Подорожники»)

Н.М.Рубцов использует синоним слова *глушь* – *захолустье*, причём в сочетании с эпитетом *родное*. Образованная синтагма становится яркой индивидуально-авторской характеристикой малой родины:

По *родному захолустью*

В тощих *северных* лесах

Не бродил я прежде с грустью,

Со слезами на глазах. («Наслаждаясь ветром резким»)

Русский север был для Н.М.Рубцова малой родиной. Суровая местная природа не отличается богатством красок, но эта земля для нашей страны – священная, здесь основывались древние русские города, закладывались основы нашего государства. Лексема *северный* в лирике Н.М.Рубцова употребляется пять раз, а лексема *Север* два раза.

Большое значение в структуре ближней периферии ЛСП «Родина» в лирике Н.М.Рубцова имеют топонимы, микротопонимы, антропонимы и их дериваты, связанные с малой родиной поэта: *Никола, Вологда, Ферапонтово, Тотьма, Устюг, Липин Бор, Предтеча, Сиперово, Двина, Бобришный угор, Гуляевская горка, Дунайка, София, архангельский* и др. Самой представленной из данного ряда является лексема *Вологда* (6 употреблений), называющая город, в котором прошли последние годы жизни поэта. Топонимы не только называют местность, но и отражают историю народа [см. об этом: Бурыкин 2013]. В стихотворении «Прощальное» Н.М.Рубцов использует синтагму *печальная Вологда*. Сама тональность произведения наполнена чувством печали: неслучайно слова с корнем *печаль* повторяются семь раз:

Печальная Вологда дремлет

На тёмной *печальной* земле <...> («Прощальное»)

Говоря о селе Ферапонтове, автор обожествляет родные места, указывая на их чудесное происхождение:

И однажды возникло из грёзы,

Из молящейся этой души,

Как трава, как вода, как берёзы,

Диво дивное в русской глуши! («Ферапонтово»)

Так рождается образ не просто любимой, но даже святой деревни:

И казалась мне эта *деревня*

Чем-то *самым святым* на земле. («Ферапонтово»)

Символами малой родины в лирике Н.М.Рубцова являются лексемы, обозначающие религиозные архитектурные сооружения: *храм, собор, церковный, монастырь, церковь, колокольня, часовня*. Чтобы показать духовность и святость церкви, поэт использует олицетворение *молчала набожно и свято*:

И только *церковь* под грозой
Молчала набожно и свято. («Во время грозы»)

Н.М.Рубцов изображает вологодский пейзаж, акцентируя внимание на пустом храме:

Живу вблизи *пустого храма*,
На крутизне береговой,
И *городская панорама*
Открыта вся передо мной. («Вологодский пейзаж»)

В стихотворении «По вечерам» мы видим, что от духовной святыни России остались лишь одни развалины:

С моста идёт дорога в гору.
А на горе – какая грусть!
Лежат *развалины собора*
Как будто спит былая Русь. («По вечерам»)

Проанализировав слова-ассоциаты со значением «малая родина», можно сделать вывод, что данные лексемы находятся всех ближе по своей семантике к центру поля и логично составляют ближнюю периферию. Самой частотной в данной группе ассоциатов является лексема *деревня* (29 употреблений).

3.3.2 Слова-ассоциаты с семантикой «природа».

В структуре ЛСП «Родина» в лирике Н.М.Рубцова важное место занимают слова-ассоциаты со значением «природа», входящие в ближнюю периферию ЛСП «Родина». Поэт с детства полюбил родную северную природу, которая воспринималась им не как пейзаж, а как часть Родины, и шире – как часть

Вселенной, исток человеческой жизни. О теме природы в лирике Н.М.Рубцова писали многие исследователи [см.: Кожин 1976, 42; Ланщиков 1983, 164-171; Кудрявцев 1988, 104, 120; Бараков 2004, 145; Пустовалова, электронный ресурс и др.]. Большинство сходилось в одном: для Н.М.Рубцова природа – это живая органическая часть человека и одновременно часть мироздания.

Образ природы в лирике Н.М.Рубцова тесно связан с образом родины, что отражается в пересечении соответствующих лексико-семантических полей. У него ассоциации с родиной имеют многие единицы лексико-семантического поля «Природа»: *поле, лес, холм, долина, луг, река, море, небеса, облако, ветер, зорька, берёза, ива, сосна, сосновый, еловый, подберёзовик, лесной, цветы, ромашки, рябина, сирень, смородина, жнивье, картошка, конь, лошадка, птицы, журавли и др.* Само слово *природа* в контекстах о родине употребляется Н.М.Рубцовым трижды. В стихотворении «Жар-птица» автор утверждает, что «в деревне виднее *природа* и люди». Одной из главных характеристик родной природы являются тишина и покой, на что указывают лексемы *спокойные* и *тихо*:

Высокий дуб. Глубокая вода.

Спокойные кругом ложатся тени.

И *тихо* так, как будто никогда

Природа здесь не знала потрясений! («Ночь на родине»)

А в произведении «Меня звала моя природа» существительное *природа* входит в ассоциативный ряд, символизирующий счастье лирического героя: *Россия, дети и природа*, и *кропотливый сельский труд*:

Я долго слушал шум завода —

И понял вдруг, что *счастье* тут:

Россия, дети, и природа,

И *кропотливый сельский труд*!.. («Меня звала моя природа»)

Самой частотной в группе ассоциатов со значением «природа» является лексема *поле*, насчитывающая 23 употребления. Употребляя данное слово, поэт, прежде всего, выражает величие русских просторов:

Виднее над *полям* при звёздном салюте,

На чём поднималась великая Русь. («Жар-птица»)

Лексемы *поле* и *роща* входят в описательный оборот *край родных полей и рош*, называющий малую родину лирического героя:

Да простит меня за это

Край родных полей и рош! («Долг»)

Говоря о своей любви к родине, Н.М.Рубцов использует синтагму *лазурное поле*, где прилагательное *лазурный* употреблено в значении «светло-синий, цвета ясного неба; небесно-голубой» [МАС II]. Такой эпитет редко изображает поле, но возможно здесь есть переключка с творчеством С.А.Есенина, у которого синий и голубой цвета ассоциируются с Россией:

Привет, Россия – родина моя!

Сильнее бурь, сильнее всякой воли

Любовь к твоим овинам у жнивья,

Любовь к тебе, изба в *лазурном поле*. («Привет, Россия...»)

Слово *поле* ассоциативно нас отсылает к лирике С.А.Есенина и в стихотворении «Последняя осень», которое посвящено великому русскому поэту. Н.М.Рубцов использует синтагму *родного поля*, вспоминая есенинскую малую родину:

И понял он, что вот слабеет воля,

А где покой среди больших дорог?!

Что есть друзья в тиши *родного поля* <...> («Последняя осень»)

Русское поле в лирике Н.М.Рубцова предстаёт как традиционный для отечественной культуры образ бескрайних просторов родины. Поэт использует эпитет *открытое*, чтобы показать это широкое пространство:

Как без оглядки, взволнованный, сильный и юный,

В *поле открытое* мчался ты вниз по дороге!

(«Скачет ли свадьба...»)

В стихотворении «На злобу дня. Экспромт» автор не стесняется выражать свои эмоции, в частности, глаголом *разрыдаюсь* – при встрече с родным краем лирический герой не может сдержать слёз. Родина в рассматриваемом

произведении названа синтагмой *вологодское поле*:

Только знаю: потянет на Русь!

Так потянет, что я поневоле

Разрыдаюсь, когда опущусь

На своё *вологодское поле*... («На злобу дня. Экспромт»)

В стихотворении «Нагрязнули» Н.М.Рубцов использует фольклорные мотивы: антропоморфную метафору и обращение к природе (*Ты прости нас, полюшко усталое*...) Поэт использует уменьшительно-ласкательную форму *полюшко*, чтобы изобразить поле как близкое живое существо.

В лирике Н.М.Рубцова большое место отводится слову *лес* (18 употреблений в контекстах о родине), словам той же тематической группы и дериватам от них (*бор, берёза, сосна, ель, сосновый, еловый* и др.). Это связано, прежде всего, с тем, что северная русская природа, где родился поэт, богата лесами. В стихотворении «Далёкое» лес предстаёт хранителем памяти, времени:

А сколько друзей настоящих,

А сколько там было чудес,

Лишь помнят *сосновые чащи*

Да тёмный *еловый лес*!.. («Далёкое»)

Берёза – традиционный поэтический символ России. В лирике Н.М.Рубцова образ берёзы тесно связан с образом родины [см.: Бараков 2004, 157].

А возле ветхой сказочной часовни

Стоит *берёза* старая, как *Русь* <...> («Осенние этюды»)

Лирический герой ощущает неразрывную связь с русскими берёзами, как с близкими людьми:

Русь моя, люблю твои *берёзы*:

С ранних лет я с ними жил и рос! («Берёзы»)

С берёзами поэт связывает надежду на счастье в родном крае:

И только когда вспоминаю

Тот край, где родился и рос,

Желаю я этому краю,

Чтоб было *побольше берёз...* («В горной долине»)

Сосны в лирике Н.М.Рубцова – символы времени, связанного, прежде всего, с родиной. В стихотворении «Сосен шум» сосны ассоциируются с Россией. Эти деревья просветляют думы лирического героя.

Какое *русское селенье!*

Я долго слушал *сосен* шум,

<...>

Я не просплю *сказанье сосен,*

Старинных сосен долгий шум... («Сосен шум»)

В стихотворении «Поэзия» автор использует олицетворение *шепчет бор* с ярким изобразительным эпитетом *серебряно-янтарный*, называя местность, где происходило становление А.С. Пушкина как поэта:

Пусть *шепчет бор, серебряно-янтарный,*

Что это здесь при звоне бубенцов

Расцвёл душою Пушкин легендарный <...> («Поэзия»)

Лексема *ивы* часто используется поэтом в составе изобразительно-выразительных средств. Например, в стихотворении «Видения на холме», перед нами олицетворение *шёпот ив*:

И *шёпот ив* у омутной воды,

Люблю навек, до вечного покоя... («Видения на холме»)

В другом произведении лексема *ивы* наделяется эпитетом *безвестные* в значении «неведомые, неизвестные» [МАС I]:

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно

Во мгле над обрывом *безвестные ивы* мои!

(«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»)

Синтагма *тонкая рябина* в стихотворении Н.М.Рубцова используется как образ из русской народной песни:

Хочу запеть про *тонкую рябину,*

Или про чью-то горькую чужбину,

Или о чём-то *русском* вообще. («Вечерние стихи»)

Красная смородина ассоциируется с родиной не только по причине рифмовки. Эта ягода – одна из самых популярных на территории России. К тому же слово *смородина* исконно русское [см.: Школьный этимологический словарь 2004, 326]:

Я счастлив, *родина*.
Спасибо, *родина*.
Всех ягод лучше –
красная смородина. («В лесу»)

Слово *клюква* используется Н.М.Рубцовым в контексте о малой родине, о родных людях, живущих там, ведь эта ягода в основном растёт на севере нашей страны:

Но однажды я вспомню про *клюкву*,
Про любовь твою в *сером краю* <...> («Прощальная песня»)

Ромашки в лирике Н.М.Рубцова символизируют смертную связь человека с Родиной. Лирический герой говорит, что, умирая, хотел бы *обнимать ромашки*:

И эту грусть, и святость прежних лет
Я так люблю во мгле *родного края*,
Что я хотел упасть и умереть
И *обнимать ромашки*, умирая... («Над вечным покоем»)

Находясь далеко от родного дома, лирический герой пытается воссоздать милый сердцу вологодский пейзаж. Лексемы *река*, *цветы*, *церковь* поэт употребляет как слова, ассоциирующиеся с малой родиной:

Тележный скрип, грузовики,
Река, цветы и запах скотский,
Ещё бы *церковь у реки*, —
И было б всё *по-вологодски*. («Сибирь как будто не Сибирь!»)

Олицетворение – один из главных приёмов, которые использует Н.М.Рубцов, создавая образ природы. Синтагма *речка унылая* в сочетании с глаголом *плачет* органично дополняет картину вечера на родине:

Моя родина милая,

Свет вечерний погас.

Плачет речка унылая

В этот сумрачный час. («Моя родина милая»)

Очень важным для обозначения родной природы и в целом родины является слово **холм**, встречающееся во многих стихах Н.М.Рубцова и заголовках двух классических стихотворений («Видения на холме» и «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»). Лексема **холм** в узусе имеет следующее толкование: «Небольшая возвышенность округлой или овальной формы с пологими склонами» [МАС IV]. Но в лирике Н.М.Рубцова слово **холм** получает поистине символическое значение: с высоты обычного деревенского холма лирическому герою открываются удивительные картины русской истории. Ярким примером является гениальное произведение русской поэзии – «Видения на холме»:

Взбегу на **холм**

и упаду

в траву.

И древностью повеет вдруг из дола.

И вдруг картины грозного раздора

Я в этот миг увижу наяву. («Видения на холме»)

В стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» холмы предстают следами прошлого, символом истории русской земли, русского народа [см.: Основина 2011, 178]:

Я буду скакать по **холмам** задремавшей отчизны,

Неведомый сын удивительных вольных племён!

Как прежде скакали на голос удачи капризный,

Я буду скакать по следам миновавших времён...

(«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»)

Выбежав на холм, лирический герой стихотворения «Утро» видит жизнь *в самом лучшем свете*, как будто взгляд человека становится не затуманенным второстепенными, наносными вещами, а взору открывается истинная красота мира:

Воспрянув духом, выбегу на *холм*

И всё увижу в самом лучшем свете. («Утро»)

Часто слово *холм* в лирике Н.М.Рубцова используется в сочетании с глаголами движения: *взбегу, выбегу, буду скакать* и др.

Лирического героя не пугает суровая природа русского севера, потому что это его Родина, где всё так дорого сердцу. Поэт использует словосочетание *родные пейзажи* как обобщённую характеристику местной природы:

Нет, меня не пугают морозы

Я не чувствую холода даже.

По душе мне *родные пейзажи*. («Зимняя ночь»)

Главной природной стихией для Н.М.Рубцова является *ветер*. Слово *ветер* является самым употребительным существительным в его лирике [см.: Сидоренко 2005, 381]. Как уже отмечалось, лексема *ветер* символизирует движение лирического героя по родине (см. п.2.2 и п.3.1):

Как будто *ветер* гнал меня по ней,

По всей земле – по сёлам и столицам!

Я сильный был, но *ветер* был сильней,

И я нигде не мог остановиться. («Привет, Россия...»)

Снег в одном из стихотворений Н.М.Рубцова показан как очищающее душу природное явление, как преображающая Россию добрая стихия. Сравнение *словно радостная весть* создаёт мелиоративную окраску лексемы *снег*:

Снег летит по всей России,

Словно радостная весть. («Выпал снег»)

Родная деревенская природа для лирического героя Н.М.Рубцова – идеал красоты, чистоты и всего самого лучшего, что есть в жизни. Лексемы *деревья, лошадь*, синтагма *цветущий луг* входят в понятие красоты, причём красоты первозданной, нерукотворной, которую человек создать не в силах:

Деревья, избы, лошадь на мосту,

Цветущий луг – везде о них тоскую.

И, разлюбив вот эту красоту,

Я не создам, наверное, другую... («Утро»)

Важное значение в лирике Н.М.Рубцова занимают образы фауны, представленные в структуре ЛСП «Родина» словами-ассоциатами, называющими животных (*конь, лошадь, лошадка, волк, кошка*), птиц (*птица, журавль, коростель, кукушка, петух, соловей*), насекомых (*муха*).

Поэт говорит о *мучительной* связи с родной землёй. Эта связь ощущается не только с общим представлением о Родине, но и с конкретными природными реалиями, куда входят и **журавли**:

Не порвать мне *мучительной* связи
С долгой осенью *нашей* земли,
С *деревцом* у сырой коновязи,
С **журавлями** в холодной дали... («Посвящение другу»)

Журавли становятся вещими птицами, полёт которых знаменует смену времён года, а по сути – смену жизненного цикла, неизбежность, которую Н.М.Рубцов чувствует особенно остро. И, конечно, журавли являются символами Руси:

Широко по *Руси* предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как *сказание древних страниц*. («Журавли»)

Большое значение в жизни сельского человека имеет лошадь. Это животное издавна является помощником людей в хозяйстве. В конце стихотворения «Видения на холме» после пророческих страшных видений появляется образ стреноженных коней, жующих траву на лугу. Образ *коня*, тем более стреноженного, вызывает у читателя ассоциации с покоем, обычным для родных сельских просторов, и отгоняет все тяжёлые мысли прочь:

Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: *смирно на лугу*
Траву жуют стреноженные **кони**. («Видения на холме»)

В стихотворении «Над притихшей деревней» любовь к родной природе выражается с помощью слова *жаль*, связанного с диалектным *жалеть* в значении «Обл. любить» [МАС I, ср.: Климкова 2001, 203]. В роли объектов этого чувства

выступают бытовые и природные реалии родного края: *доброе поле, простая избышка, старая ель*:

Жаль мне доброе поле,

Жаль простую избышку,

Жаль над омутом старую ель... («Песня»)

Таким образом, можно сделать вывод, что слова-ассоциаты со значением «природа» играют важную роль в составе ближней периферии ЛСП «Родина» в лирике Н.М.Рубцова. Родная природа явилась для поэта фундаментом любви к Родине. Рассматриваемая группа слов-ассоциатов включает 114 лексем и 282 употребления.

3.3.3 Слова-ассоциаты с семантикой «свет»

Дальняя периферия ЛСП «Родина» в лирике Н.М.Рубцова представлена индивидуально-авторскими словами-ассоциатами, которые передают личностное восприятие Родины и отношение к ней поэта. Самой большой по составу и очень важной по семантическому наполнению в структуре дальней периферии ЛСП «Родина» является группа слов-ассоциатов со значением «свет» (39 лексем и 92 употребления). Символика света часто привлекала внимание деятелей искусства. Свет осознавался как духовная, нравственная категория. Само слово *свет* вызывает широкое пространство ассоциаций, вербализируя один из главных концептов мировой культуры [см.: Огнева, электронный ресурс]. О важной роли стихии света в лирике Н.М.Рубцова впервые написал В.В.Кожин [см.: Кожин 1976, 34].

В контекстах, связанных с темой Родины, автор использует следующие слова-ассоциаты со значением «свет», причём разные по лексико-грамматической характеристике: *звезда, свет, огонёк, мгла, день, луч, мерцание, зорька, рассвет, солнце, гореть, вспыхнуть, затмевать, погаснуть, светить, светлый, звёздный, горящий, озарённый, светло* и др.

Самым частотным в данной группе является слово *звезда* (11 употреблений). Образ звезды – традиционный в русской литературе. Но его восприятие для писателей и поэтов очень широкое и неоднозначное. Это объясняется тем, что звезда – сложный символ, насыщенный ассоциативной семантикой. В творчестве русских поэтов звезда чаще всего связывалась с верой, любовью и свободой. Николай Рубцов создаёт новое значение образа звезды – Родина. В стихотворении «Звезда полей» само заглавие указывает на причастность небесного светила к природе родного края:

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал *родину* мою... («Звезда полей»)

Постепенно образ Звезды начинает ассоциироваться со всей землёй, со всем человечеством. При этом усиливается мотив света, символизирующий позитивную энергию, доброе начало. Этот мотив выражен лексемами *горит, не угасая* и *лучом*:

Звезда полей *горит, не угасая*,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим *лучом* приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали. («Звезда полей»)

Но всё-таки счастье лирическому герою приносит свет звезды его родины, поэтому Н.М.Рубцов использует синтагму *звезда моих полей*, акцентируя внимание на притяжательном местоимении *моих*. Глагол *горит*, обозначающий процесс вечного сияния на родной земле, усилен лексическим повтором:

И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей... («Звезда полей»)

Образ звезды (звёзд) появляется в знаменитом стихотворении «Видения на холме». Интересно, что первоначально это произведение называлось «Звёзды». Описывая красоту России, Н.М.Рубцов использует яркую метафору *пустынный свет на звёздных берегах*. Прилагательное *пустынный* в данном контексте имеет

индивидуально-авторское значение. С одной стороны, поэт называет пустыней небесное пространство, где горят звёзды нашей Родины, а с другой стороны, он отмечает, что свет звёзд еле уловим в этой пустоте. По сюжету текста свет звёзд затмевает хан Батый, после чего лирический герой наблюдает страшные видения русской истории. Но финал стихотворения оказывается светлым: герой вновь видит в небе родные звёзды, которые вносят умиротворение в его душу – это подчёркивает эпитет *спокойных*:

И надо мной –
бессмертных звёзд Руси,
Спокойных звёзд безбрежное мерцанье... («Видения на холме»)

Н.М.Рубцов усиливает семантику света, используя дважды в одном предложении лексему *звёзд*, наделяя её двумя разными эпитетами. Прилагательное *бессмертных* символизирует вечность звёзд Руси, и, следовательно, самой Руси, а прилагательное *спокойных* – покой небесных светил. **Вечность** и **Покой** предстают в данном стихотворении доминантами восприятия Родины. Синтагма *безбрежное мерцанье* расширяет пространство света звёзд. Лексема *мерцанье* обозначает постоянное, длительное, не очень яркое свечение. Слово *безбрежное* Н.М.Рубцов употребляет в языковом значении: *безбрежный* – «не имеющий берегов, видимых границ. || Огромный, беспредельный» [МАС I].

В стихотворении «Жар-птица» поэт использует метафору *звёздный салют*, чтобы показать невероятную красоту и яркость звёздного света над Родиной:

Виднее над полем при *звёздном салюте*,
На чём поднималась великая *Русь*. («Жар-птица»)

В стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» перед нами метафора *звёздная люстра*. В отличие от рассмотренных стихотворений Н.М.Рубцов здесь выражает семантику света более приземлённым словом *люстра*. В данном произведении сквозным является мотив грусти, поэтому используются лексемы, передающие значение угасания, отсутствия света (*мгла, померкшая*):

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно

Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно *мерцает померкшая звёздная люстра*,
И лодка моя на речной догнивает мели.

(«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»)

Поэт с надеждой смотрит на родную деревню, украшенную *светлыми звёздами*. Именно свет звёзд и вселяет эту надежду. Лексема *не погашены* получает дополнительную ассоциативную семантику радости. Изображённая Н.М.Рубцовым картина имеет оттенок идиллии:

В этой деревне *огни не погашены*.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звёздами нежно украшена
Тихая зимняя ночь. («Зимняя песня»)

Свет звезды гиперболизируется в стихотворении «В горнице», где жилище лирического героя становится освещённым благодаря небесному светилу:

В горнице моей *светло*.
Это от ночной *звезды*. («В горнице»)

Один из ярчайших примеров вербализации символики света в лирике Н.М.Рубцова – стихотворение «Русский огонёк». Уже в самом названии произведения реализуется семантика света, горения. Заголовок выполняет в данном тексте две основные функции. Первая – тематизирующая: обозначает сразу два компонента содержательной структуры произведения: лексема *Русский* как репрезентант концепта «Родина» и лексема *огонёк* как репрезентант концепта «Свет». Вторая функция заголовка – символизирующая: *Русский огонёк* – символ вечной русской души, наполненной теплом и добром. Таким образом, в заголовке концептуально значимы оба слова. В первом четверостишии автор рисует картину, противоположную свету – ночную тьму:

Погружены в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели!
Оцепенели маленькие ели,
И было небо *тёмное, без звёзд* <...> («Русский огонёк»)

Лексема *тёмное* совмещает в данном контексте два значения: «лишённое света» и «по цвету близкое к чёрному» [МАС IV]. Однако автор уточняет эту лексему словоформой *без звёзд*, усиливая символический смысл – звезда является сквозным образом в лирике Н.М.Рубцова. Лексема *без звёзд* в данном контексте получает новый смысл – без надежды. Во второй строфе появляется слово *свет*, которое выражает противостояние окружающей лирического героя тьме:

Вдруг тихий *свет* - пригрезившийся, что ли?

Мелькнул в пустыне, как сторожевой... («Русский огонёк»)

Данная лексема сочетается с эпитетом *тихий* в значении «легкий, не сильный, слабый по степени проявления» [МАС IV]. Обособленное определение *пригрезившийся, что ли* подчёркивает то, что видимая лирическим героем картина приобретает оттенок ирреальности, неожиданности. Это свет надежды, покоя, к чему стремится путник. Для создания образа хозяйки поэт также использует лексемы со значением света:

Но в *тусклом* взгляде жизни было мало,

И, неподвижно сидя у *огня*,

Она совсем, казалось, задремала... («Русский огонёк»)

Взгляд пожилой женщины *тусклый* в значении «нев्यразительный, усталый, безжизненный» [МАС IV]. Лексема *огонь* символизирует тепло домашнего очага и тепло души русского человека. Мотив света в лирике Н.М.Рубцова тесно связан с темой души. В.В.Кожин говорил о том, что в рубцовой поэзии большую роль играет стихия света, выражающая слияние внутреннего мира человека с окружающим миром [см.: Кожин 1982, 180]. Наконец, в заключительной, третьей части стихотворения, звучит гимн светлой русской душе, вечно горящей во тьме тревоги и отчаяния:

Спасибо, *скромный русский огонёк*,

За то, что ты в предчувствии тревожном

Горишь для тех, кто в поле бездорожном

От всех друзей отчаянно далёк,

За то, что, с доброй верою друга,

Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя... («Русский огонёк»)

Ключевая синтагма текста *русский огонёк* дополняется эпитетом *скромный*. Это слово, с одной стороны, имеет значение «не бросающийся в глаза, не привлекающий особенного внимания, простой» [МАС IV]. Но в другом значении «лишённый тщеславия, высокомерия, не выставляющий напоказ своих достоинств, заслуг» [там же] мы видим вербализацию концепта «Русскость», отражающего своеобразие мировоззрения и духовности русского народа. Русскому человеку свойственны скромность и отсутствие тщеславия. Смысл лексемы *гореть* усиливается четырёхкратным лексическим повтором. Этот глагол несовершенного вида выражает постоянное, длительное, вневременное действие. Лексема *мгла* в значении «сумрак, темнота» [МАС II] создаёт противопоставление тому свету, что несёт «русский огонёк» - таким образом автор выводит читателя на вечную тему борьбы **света и тьмы, добра и зла**.

Лексема *огонёк* как символ тепла и домашнего очага появляется в стихотворении «Жар-птица». Синтагма *огоньками уюта* используется как характеристика жилищ русских людей, которых Н.М.Рубцов называет *лучшими людьми*. Таким образом поэт в очередной раз указывает на доброту и духовность наших соотечественников:

И манят меня *огоньками уюта*
Жилища, мерещится, *лучших людей*. («Жар-птица»)

Свет становится одной из главных образных характеристик Родины в лирике Н.М.Рубцова. В стихотворении «Тайна» поэт использует риторическое восклицание, чтобы высказать удивление и восхищение, которые вызывает у него родной край:

И откуда берётся такое,
Что на ветках *мерцает* роса,
И над *родиной*, полной покоя,
Так *светлы* по ночам небеса! («Тайна»)

Вечер на родине показан сказочным временем суток, для этого автор использует, прежде всего, лексемы с семантикой света (*месяц, золотой, мерцает, светлы*). Метафора *чудный месяц плывёт над рекою* создаёт картину абсолютного покоя, чудесной красоты родной земли, а также единения человека и природы. Эпитет *чудный* помогает ярче изобразить эту картину.

Луна становится мощным источником света в лирике Н.М.Рубцова. В стихотворении «А дуба нет» луна освещает родной край. Трижды повторяется лексема *светиться* в разных формах. Этот глагол обозначает процесс постоянного свечения. Прилагательное *озаряемый* усиливает данную семантику. Таким образом автор изображает родину, наполненную светом:

И озаряемый луною

Светился тихо край родной.

Светился сад, светилося поле

И глубь дремотная озёр <...> («А дуба нет»)

В лирике Н.М.Рубцова родной край часто изображён в тёмное время суток (вечером или ночью). Поэтому семантика **тьмы** так же важна в его поэзии, как и семантика света. Лексемы *ночь, мгла, сумерки, сумрак, затмевать, затмить, погаснуть, серый, тёмный, чёрный, сумрачный, мглистый, померкший* в контекстах о родине обозначают либо непосредственно темноту, либо отсутствие света, его угасание. Семантика тьмы обычно связана с грустными размышлениями автора о родной земле. Например, в стихотворении «Прощальное» словоформы *тёмной* и *во мгле* сочетаются со словоформами, обозначающими печаль и тревогу (*печальная, печальной, тревожно*):

Печальная Вологда дремлет

На *тёмной печальной* земле,

И люди окраины древней

Тревожно проходят во *мгле*. («Прощальное»)

Отсутствие света на родине приводит к грусти, выраженной, с одной стороны, лексемами с символикой света (*свет, вечерний, погас, сумрачный*), а с

другой стороны, словами со значением печали (*плачет, унылая*). Тёмное время суток эмоционально переживается и человеком, и природой:

Моя родина милая,

Свет вечерний погас.

Плачет речка **унылая**

В этот *сумрачный* час <...> («Отрывок»)

Но всё-таки темнота родного края воспринимается Н.М.Рубцовым, скорее, как положительное явление. Изображая тёмное время суток, поэт часто использует лексемы с семантикой света, символизирующие веру в лучшее (*Светлыми звёздами нежно украшена // Тихая зимняя ночь.* («Зимняя песня»); *В горнице моей светло. // Это от ночной звезды.* (В горнице)); *И над родиной, полной покоя, // Так светлы по ночам небеса!* («Тайна») и т.д.). Стихотворение «Ночь на родине» является ярким примером того, как в тёмное время суток душа человека преобразуется, становится более светлой и чистой. В последнем четверостишии появляется образ луны. Н.М.Рубцов использует сравнение мира вселенной, которым овладевает свет луны, с внутренним миром человека, которым овладевает печаль:

И всей душой, которую не жаль

Всю потопить в таинственном и милом,

Овладевает *светлая* печаль,

Как *лунный свет* овладевает миром... («Ночь на родине»)

Заметим, что печаль у Н.М.Рубцова всегда светлая, что близко христианскому мировоззрению, в котором разделены печаль мирская и духовная [см. об этом Леонов, Юсов, электронный ресурс]. В стихотворении «Ночь на родине», как и во всём творчестве Н.М.Рубцова, «светлая печаль» предстаёт как чувство духовной связи с Всевышним, которое несёт человеку надежду, покой и смирение.

Свет и **Тьма** предстают главной оппозицией в лирике Н.М.Рубцова, причём, эти две силы могут и противостоять, и взаимодействовать, даже органически сливаться в изображении Родины. В стихотворении «Шумит

Катунь» ярко выражена лексическая оппозиция свет-тьма через призму исторических событий. Чингисхан, как олицетворение монголо-татарского нашествия на Русь, символизирует тёмное начало. Образ чужеземного хана Н.М.Рубцов создаёт с помощью метафорических эпитетов *сумрачная тень*, *чёрный дым* и лексемы *затмевала*. Противопоставлением тёмной силы Чингисхана являются светлые русские деревни:

И Чингисхана *сумрачная тень*
Над целым миром *солнце затмевала*,
И *чёрный* дым летел за перевалы
К стоянкам *светлых русских деревень*... («Шумит Катунь»)

Лексему *светлый* в данном тексте автор использует в символическом ассоциативном значении: наполненный светом, теплом души русских людей, умиротворённый и чистый, несущий добро.

Несмотря на то, что Н.М.Рубцов чаще изображает тёмное время суток, утро и день также важны в создании образа родины. В стихотворении «Утро» автор изображает рассвет в родной деревне, пробуждение природы, которое выражается, прежде всего, лексемами с символикой света: *заря, светясь, горит, свет, солнце*, фразеологизмом *в самом лучшем свете*. В начале текста поэт использует лексический повтор словоформы *горит*. Этот художественный приём призван показать динамичную картину наступающего утра. Эту динамику усиливает метафора *свет бежит*:

Когда *заря, светясь* по сосняку,
Горит, горит, и лес уже не дремлет,
И *тени* сосен падают в реку,
И *свет* бежит на улицы деревни,
Когда, смеясь, на дворике глухом
Встречают *солнце* взрослые и дети, -
Воспрянув духом, выбегу на холм
И всё увижу *в самом лучшем свете*. («Утро»)

Лексема *солнце* ассоциируется с радостью, счастьем, объединяющим всех людей. Устойчивое выражение *в самом лучшем свете* в данном контексте имеет синкретичную семантику: поэт использует его и в привычном значении «видеть, представлять в каком-либо виде, с какой-либо стороны» [МАС IV], и в новом, представляющем авторское видение истинных ценностей. Лирический герой, выбежав на холм, с высоты прожитых лет, смотрит на свою малую родину и радуется её умиротворённой, незатейливой красоте: деревьям, избам, лошади на мосту, цветущему лугу.

Таким образом, можно сделать вывод, что слова-ассоциаты со значением «свет» занимают важное место в структуре периферии ЛСП «Родина» в лирике Н.М.Рубцова, составляя его дальнюю периферию. Семантика света тесно связана с семантикой тьмы. Поэт использует различные лексемы, передающие данные значения: *звезда, свет, огонёк, мгла, день, луч, мерцание, зорька, рассвет, солнце, гореть, вспыхнуть, затмевать, погаснуть, светить, светлый, звёздный, горящий, озарённый, светло* и др. Автор расширяет значение данных слов за счёт приращения смысла – ассоциативной и символической семантики.

3.3.4 Индивидуально-авторские слова-ассоциаты с семантикой «родина»

Самую большую часть ЛСП «Родина» в лирике Н.М.Рубцова составляет группа индивидуально-авторских слов-ассоциатов с семантикой «родина» (474 лексемы и 969 употреблений). В эту группу входят слова, которые в языковом значении не имеют практически ничего общего с внутренней структурой слова *родина*, но в лирике Н.М.Рубцова получают широкие ассоциации с семантикой данной лексемы. Рассматриваемое ассоциативное пространство можно разделить на семь основных групп: 1. Слова-ассоциаты ЛСП «Грусть». 2. Слова-ассоциаты ЛСП «Покой». 3. Слова-ассоциаты ЛСП «Сон». 4. Слова-ассоциаты ЛСП «Любовь». 5. Слова-ассоциаты ЛСП «Путь». 6. Слова-ассоциаты ЛСП «Время». 7. Слова-ассоциаты ЛСП «Память». Таким образом, на дальней периферии

происходит пересечение лексико-семантического поля «Родина» с вышеназванными лексико-семантическими полями.

Наиболее крупными по количеству лексем в данном ассоциативном пространстве являются группы слов-ассоциатов ЛСП «Грусть» (17 лексем и 49 употреблений) и ЛСП «Покой» (16 лексем и 51 употребление). Именно эти слова создают особый, индивидуально-авторский образ Родины в лирике Н.М.Рубцова.

Репрезентантами ЛСП «Грусть» у поэта являются лексемы *грусть, грустный, грустно, грустить, загрустить, печаль, печальный, унылый, плакать, слеза, жалобно, тосковать, тоскливо, невесёлый, разрыдаться, скорбный, томиться*. Самым представленным является слово *грусть* (8 употреблений), имеющее во многих произведениях Н.М.Рубцова положительную коннотацию. Данная лексема обозначает важный фрагмент русской самобытности, близкий к понятию **русская тоска** [ср.: Зализняк, Левонтина, Шмелёв 2005, 10]. Мотив грусти является сквозным в отечественной культуре. В узусе слово *грусть* обозначает «чувство печали, лёгкого уныния» [МАС I]. Говоря о родине, Николай Рубцов использует лексему *грусть* в двух индивидуально-авторских значениях: «особое состояние родной земли, отражающее общую особенность русской жизни, передающее историческую память», «чувство лирического героя, возникающие при виде родного края». Автор соединяет в одном контексте лексемы *грусть* (в первом значении) и *святость*, чтобы показать своё отношение к священному прошлому нашей родины, которое наполнено большой скорбью:

И эту *грусть*, и *святость* прежних лет

Я так люблю во мгле *родного края* <...> («Над вечным покоем»)

В стихотворении «О Московском Кремле» поэт использует слово *грусть* в первом значении, погружая читателя в исторический контекст. Метафора *смутной грустью веет старина* отличается глубокой выразительностью. В слове *смутный* происходит трансформация лексического значения: у первого лексико-семантического варианта «полный смут, беспорядков, мятежей» [МАС IV]

появляется новая ассоциативная сема – «связанный со Смутой» (тяжёлый период в истории России конца XVI – начала XVII в.в.).

Во втором значении Н.М.Рубцов употребляет лексему *грусть*, выражая свою тоску по разрушенным соборам, которые являются оплотом русской духовности:

С моста идёт дорога в гору,
А на горе — какая *грусть!* —
Лежат *развалины собора*,
Как будто спит былая *Русь*. («По вечерам»)

Лексему *печаль* поэт использует как синоним слова *грусть*. Прилагательное *печальный* в контексте о родной Вологде не столько характеризует северный город, сколько выражает тяжёлые переживания лирического героя:

Печальная Вологда дремлет
На тёмной *печальной* земле <...>
<...>
Родимая! Что ещё будет
Со мною? Родная заря
Уж завтра меня не разбудит,
Играя в окне и горя. («Прощальное»)

Слово *невесёлый*, создающее грустный образ родного края, употребляется автором в качестве синонима прилагательных *грустный*, *печальный*:

Было всё – покой и святость
Невесёлых наших мест... («Наслаждаясь ветром резким»)

Образ Родины в лирике Н.М.Рубцова во многом создают слова-ассоциаты ЛСП «Покой»: *покой*, *тихо* (наречие), *тихо* (слово категории состояния), *тихий*, *тревога*, *тишь*, *притихший*, *спокойный*, *тревожный*, *кладбище*, *неподвижный*, *неслышно*, *смирно*, *тревожно* и др. Самым представленным в этой группе является слово *покой* (10 употреблений). Поэт использует данную лексему в значении «отсутствие движения и шума» [МАС III]:

Прощальной дымкою повиты

Старушки избы над рекой.

Незабываемые виды!

Незабываемый *покой!*.. («В святой обители природы»)

Слово *покой* выражает не только спокойное состояние окружающего мира, но и умиротворённость человека. При встрече с родным краем душа лирического героя обретает долгожданное спокойствие:

И сердце до боли радо

Покою родимых мест. («Встреча»)

Лексемы *тихий, тихо, тишь, притихший* Н.М.Рубцов использует для обозначения своей малой родины:

Тихая моя родина!

Ивы, река, соловьи... («Тихая моя родина»)

Вспомню я о *тихой*, о вечерней,

О далёкой родине моей! («Я устал от зимних помрачений»)

Изображая родной край, поэт соединяет в одном контексте прилагательные *тих* и *пуст*, тем самым указывая на связь мотива тишины и покоя родины с мотивом запустения, безлюдной глуши: «Родимый край мой *тих* и *пуст*! («Воспоминание о весне 1954 года»).

Эпитет *полный покоя* изображает местность, наполненную покоем, где покой становится главным состоянием родной земли:

Там большие избы над рекою.

Там любой готов наверняка

За отчизну, *полную покоя*,

Умереть от выстрела врага! («Я устал от зимних помрачений»)

В стихотворении «Душа хранит» Н.М.Рубцов использует развёрнутую метафору с ключевым словом *неслышно*, которое обозначает спокойное течение жизни в родном крае, где время так же неторопливо, а главное – бесшумно, незаметно течёт, не нарушая гармонии человека и природы:

О, Русь – великий звездочёт!

Как звёзд не свергнуть с высоты,
Так век *неслышно* протечёт,
Не тронув этой красоты. («Душа хранит»)

Синтагма *сельский покой* создаёт образ села, наполненного спокойствием, миром и тишиной. Поэт изображает идиллическую картину сельского покоя, которая становится воплощением истинного счастья для лирического героя:

Мелькнёт *покоя* сельского страница,
И вместе с чувством древности земли
Такая радость на душе струится <...> («Поэзия»)

Покой родины автор воспринимает как удачу судьбы, используя слово *жребий* в значении «перен. Трад.-поэт. Судьба, участь» [МАС I]. Таким образом, родина становится высшей ценностью, подаренной судьбой:

Но всё равно,
Как *самый лучший жребий*,
Я твой *покой*
Любил издавека <...> («Давай, Земля, немножко отдохнём»)

Большое значение в структуре периферии лексико-семантического поля «Родина» в лирике Н.М.Рубцова занимают слова-ассоциаты лексико-семантического поля «Сон»: *сон, спать, дремать, видение, задремавший, ночь, мерещиться, дремлющий, задремать, засыпать, присниться, спаться* и др. Слово *сон* поэт употребляет в собственно языковом значении «наступающее через определённые промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха || перен. состояние полного покоя и тишины в природе (обычно ночью), а также зимнее оцепенение природы» [МАС IV]. В стихотворении «Звезда полей» лексема *сон* обозначает и состояние жителей родины, и состояние природы:

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И *сон* окутал родину мою... («Звезда полей»)

Лирический герой с грустью смотрит на родину, погружённую в сон:

Эх, Русь, Россия!

Что звону мало?

Что *загрустила*?

Что *задремала*? («Зимним вечерком»)

Лексема *задремать* в узусе имеет значение «впасть в дремоту, заснуть лёгким сном» [МАС I]. Очевидно, что в данном контексте слово *дремота* становится контекстуальным синонимом слова *спячка* во втором значении «состояние душевного оцепенения, бездеятельность, пассивность» [МАС IV]. Лирический герой видит разрушенные церкви («звону мало»), видит, как уходит в прошлое русская деревня с её многовековыми традициями, видит пассивность и бездеятельность людей. Этот же мотив звучит в стихотворении «По вечерам»:

С моста идёт дорога в гору.

А на горе – какая грусть!

Лежат развалины собора

Как будто *спит* былая Русь. («По вечерам»)

Лексема *задремавший* имеет мелиоративную окраску в стихотворении «Добрый Филя», что подчёркивается эпитетом *счастливо*. В этом произведении изображается чудесная, несколько ирреальная местность, где живёт простой русский человек по имени Филя:

Я запомнил, как диво,

Тот лесной хуторок,

Задремавший *счастливо*

Меж звериных дорог... («Добрый Филя»)

Существительное *видение* Н.М.Рубцов использует в значении «то, что представляется воображению в грёзах, во сне и т. п.» [МАС I]. Это слово является синонимом слова *сон* в третьем значении «то, что снится; сновидение» [МАС IV]. Лексема *видение* привносит в текст оттенок ирреальности. В стихотворении «Видения на холме» лирическому герою открываются картины прошлого:

И древностью повеет вдруг из дола.
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву. («Видения на холме»)

Будто видение, храм пропадает в произведении «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны». Но последующие две строчки открывают истинную причину его отсутствия – поэт чётко высказывает свою гражданскую позицию:

И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как *виденье*, меж этих померкших полей, -
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!..

(«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»)

В стихотворении «Тайна» появляется словосочетание *сон золотой*, где лексема *сон* употреблена в значении «то, что снится; сновидение» [МАС IV]. Оттенок «о чём-л. иллюзорном, призрачном, неправдоподобном» [МАС IV] помогает изобразить счастливую картину покоя над родиной:

Чудный месяц плывёт над рекою, -
Где-то голос поёт *молодой*.
И над родиной, *полной покоя*,
Опускается *сон золотой!* («Тайна»)

Слово *сон* в данном контексте имеет мелиоративную окраску, что подтверждается лексемами *чудный*, *молодой*, *золотой* и синтагмой *полной покоя*. Автор наделяет существительное *сон* эпитетом *золотой* в значении «счастливый, благоприятный» [МАС I]. Эти слова создают образ спокойной, умиротворённой, чудесной родины.

Самые тёплые и нежные чувства Н.М.Рубцова к родине выражают слова-ассоциаты ЛСП «Любовь»: *любить*, *любовь*, *жаль*, *полюбить*, *влюблённый*, *жалеть*, *разлюбить* и др. В этой группе самым активным словом является глагол *любить* (13 употреблений). В стихотворении «Видения на холме» данная лексема обозначает всеобъемлющую любовь ко всему, что связано с родиной. В первую

очередь, это природа родного края. Чувство лирического героя доходит до высшего предела – ощущения бессмертной, вечной любви к родине:

Люблю твою, Россия, старину,
Твои огни, погосты и молитвы,
Люблю твои избышки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шёпот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя... («Видения на холме»)

В этом стихотворении Николая Рубцова, так же, как и во многих других, главным художественным приёмом, выражающим любовь к родной земле, является лексический повтор.

Добро и **Любовь** предстают главными отличительными свойствами русского человека в стихотворении «Русский огонёк»:

За всё *добро* расплатимся *добром*,
За всю *любовь* расплатимся *любовью*... («Русский огонёк»)

Жизненная философия поэта выражена в стихотворении «Жар-птица», где устами старого пастуха автор говорит:

- А ты, - говорит, - *полюби* и *жалей*
И *помни* хотя бы *родную окрестность*,
Вот этот *десяток холмов и полей*... («Жар-птица»)

В этих строках сочетаются слова-ассоциаты четырёх лексико-семантических полей, занимающих важное место в рубцовой лирике: *родная окрестность* (ЛСП «Родина»), *десяток холмов и полей* (ЛСП «Природа»), *полюби и жалей* (ЛСП «Любовь»), *помни* (ЛСП «Память»).

Важное место в структуре дальней периферии ЛСП «Родина» в лирике Н.М.Рубцова занимают слова-ассоциаты ЛСП «Путь»: *скакать, спешить, бродить, ехать, уехать, приехать, вернуться, возвратиться, возвращаться, возвращение, взбежать, выбежать, остановиться, пешком, плыть, распутье, слоняться* и др. Путь является одним из ключевых философских понятий в лирике Н.М.Рубцова. Причём связано это понятие не только с механическим

передвижением, а, в первую очередь, с движением человеческой души и человеческого сознания [см: Коняев 2006, 330]. Лексема *скакать* в значении «ехать вскачь, быстро, с большой поспешностью (на лошади, лошадях)» [МАС IV] создаёт образ всадника – важный образ поэзии Н.М.Рубцова [см.: Бараков 2004, 251]. Всадник символизирует движение лирического героя во времени. В стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» образ всадника имеет оттенок ирреальности: проскакав по следам русской истории, он неожиданно исчезает. Глагол *скакать* трижды употребляется в первой строфе:

Я буду *скакать* по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племён!
Как прежде *скакали* на голос удачи капризный,
Я буду *скакать* по следам миновавших времён...
(«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»)

Часто Н.М.Рубцов использует лексемы, передающие семантику возвращения на родину (*вернуться, возвратиться, возвращаться, возвращение* и др.). Для поэта родной край – центр мира, главное место во вселенной, поэтому где бы ни находился лирический герой, он всегда вернётся к себе домой, это неизбежный финал его жизни. В стихотворениях «Ось», «Желание», «Долина детства» и «Долина юности» Н.М.Рубцов сравнивает человеческую память с птицей, которая возвращается в своё гнездо. То, что автор сразу в нескольких произведениях использует одну и ту же метафору, говорит о её значимости – лирического героя постоянно тянет на родину:

Но моя *родимая земля*
Надо мной удерживает власть,—
Память возвращается, как птица
В то гнездо, в котором родилась. («Ось»)

В сочетании с лексемой *родина* поэт использует глагол *бродить*, который «обозначает движение повторяющееся, совершающееся в разных направлениях или в разное время» [МАС I]. Семантика повторяемости в данном значении

указывает на неторопливость движения лирического героя: «По косогорам *родины брожу*» («Осенние этюды»).

Часто в своих произведениях Н.М.Рубцов обращается к прошлому. В русской истории поэт видит истоки нашей жизни, основу нашего государства. Величие России невозможно без связи поколений, без глубокого понимания времени. Неслучайно с ЛСП «Родина» тесно связаны слова-ассоциаты ЛСП «**Время**». Лексемы *время, век, вечность, вечный, навек, столетие, былой, старый, старинный, старина, миновавший, древность, древний* реализуют семантику времени в лирике Н.М.Рубцова. Слова *старый, старинный, старина* создают образ русской старины, патриархальной деревни во всём богатстве традиций нашего народа.

Слово *старина* поэт использует в двух значениях: «1. Прежние, давно прошедшие времена. 2. То, что было давно; события, обычаи, порядки и т. п. давних времён» [МАС IV]. Оба лексико-семантических варианта имеют контекстуальную мелиоративную окраску в лирике Н.М.Рубцова, несмотря на то, что слово *старина* часто используется в сочетании с прилагательным *грустный*. Мы уже отметили, что грусть для поэта чаще выступает как светлое чувство (см. выше). В стихотворении «На сенокосе» противопоставляются песни новой советской эпохи грустным мотивам русской старины:

И песни русские слышны,
Всё чаще новые,
Советские,
Всё реже – *грустной старины*... («На сенокосе»)

Глагол *веять* в сочетании с лексемой *старина* выражает дыхание времени, которое передаётся из прошлого в наши дни:

Где смутной грустью *веет старина*,
Где было всё: смиренье и гордыня <...>

(«О Московском Кремле»)

В изображении вологодского пейзажа Н.М.Рубцов использует синтагму *таинственное величие*, выражающую некую загадочность и величественность. А

словосочетание *глубокая старина* усиливает мотив древности: Вологда – один из древнейших русских городов, где сохранилась исконная самобытность:

Пейзаж, меняющий обличье,
Мне виден весь со стороны
Во всём таинственном величье
Своей глубокой *старины*. («Вологодский пейзаж»)

Поэт признаётся в любви к русской старине, используя рассматриваемую лексему в синкретичном языковом значении «1. Прежние, давно прошедшие времена. 2. То, что было давно; события, обычаи, порядки и т. п. давних времен. || То, что создано в давние времена и существует с тех пор» [МАС IV]: «Люблю твою, *Россия, старину*» («Видения на холме»). Семантика времени в данном стихотворении обозначает вечную, смертную связь человека с родиной. На это указывают лексема *навек* и синтагма *вечный покой*: «Люблю *навек*, до *вечного покоя*...» («Видения на холме»). Н.М.Рубцов утверждает, что время не властно над нашей родиной. Несмотря на все социальные изменения, бедствия и страдания, Русь остаётся вечной, непоколебимой, не тронутой никакими внешними силами. Наши деревни стоят всё также *немного накреньясь*, а деревья каждую осень роняют листву:

И *древние*, как *Русь*, могучие деревья
Темнеют вдоль дорог, листву роняя в грязь.
<...>
И *вечные*, как *Русь*, священные деревья
Темнеют вдоль дорог, листву роняя в грязь...
(«Поднявшись на холмах, старинные деревни»)

Символами времени в лирике Н.М.Рубцова являются слова, связанные с русской историей: *Москва, московский, Кремль, боярство, война, Иоанн, князь, монголы, Наполеон, пугачёвский, Скифы, царский, Чингисхан* и др. Описывая Московский Кремль, поэт использует приём градации, чтобы усилить чувство восхищения от главного архитектурного сооружения нашей родины и ярче показать величие всероссийской святыни:

Навек слышна, навек озарена,

Утверждена **московская твердыня!** («О Московском Кремле»)

Словосочетание **ужасный монгол** создаёт отрицательный образ врага, которому противопоставляется русский богатырь Иван Рощункин:

– Что ты пристал? –

возмутился *Иван*,

Вызвал его на сражение в дол, –

Пал в этой схватке

ужасный монгол... («Русский богатырь Иван Рощункин»)

Н.М.Рубцов использует в своей лирике постоянные образы, которые создают картину русской старины: **хор, тройки с гонцами, бубенцы** и т.д. Лексема **словно**, которая употребляется в контексте со словами-репрезентантами этих образов, указывает на ирреальность данных картин, точнее вневременность, когда невозможно понять, в какую эпоху происходят описываемые события:

Словно слышится **пение хора**,

Словно скачут на **тройках гонцы**,

И в глуши задремавшего бора

Всё звенят и звенят **бубенцы...** («Тайна»)

ЛСП «Время» в лирике Н.М.Рубцова тесно связано с ЛСП «Память». Говоря о родине, поэт использует лексемы с семантикой памяти: **память, памятник, незабываемый, забытый, вспомнить, вспоминать** и др. Словосочетание **незабываемые виды** подчёркивает, как дорог родной край поэту. Лирический герой перед своим уходом из жизни вспоминает именно родину как самое ценное, что есть в жизни:

Всё движется к тёмному устью.

Когда я очнусь на краю,

Наверное, с резкою грустью

Я родину вспомню свою. («Что вспомню я?»)

В последние двадцать лет многие рубцовееды так или иначе касались вопроса о религиозных мотивах в лирике поэта. В целом достаточно

убедительной представляется мысль Н.М.Коняева, отметившего, что Н.М.Рубцов, будучи невоцерковлённым человеком, в своей поэзии, да и в своей жизни старался следовать православным традициям, несмотря на сложные отношения церкви и государства в советское время [см. Коняев 2001, 252]. Доказательством этому является обилие религиозной лексики в лирике поэта: *ангел, божество, божий, звон, икона, колокол, крест, молитва, молить, молиться, молящийся, набожно, Пасха, праведный, свято, святой, святость, священный, смирение, смиренный, гордыня* и др. Любовь к родине в поэзии Н.М.Рубцова предстаёт как воплощение христианского понятия Любви: родная земля, родная природа, близкие и родные, соотечественники – всё это является высшей ценностью для поэта. Неслучайно автор открыто называет отчизну своим божеством: «*Отчизна и воля - останься, моё божество!*» («Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»). Восприятие смерти у Н.М. Рубцова абсолютно христианское: слово *крест* символизирует итог земной жизни человека. Важно, что поэт использует синтагму *добрый крест*, где прилагательное *добрый* создаёт положительную коннотацию:

Каждому на Руси

Памятник – *добрый крест!* («Плыть, плыть...»)

Таким образом, ассоциативное пространство слов с семантикой «родина» образует периферию одноимённого ЛСП в лирике Н.М.Рубцова. Это пространство лексем можно разделить на ближнюю и дальнюю периферию в зависимости от семантической близости к центру, и тем самым к ядру поля. Ближнюю периферию составляют слова-ассоциаты со значением «малая родина» и слова-ассоциаты со значением «природа». В дальнюю периферию входят слова-ассоциаты со значением «свет» и индивидуально-авторские слова-ассоциаты, основу которых составляют репрезентанты семи лексико-семантических полей: ЛСП «Грусть», ЛСП «Покой», ЛСП «Сон», ЛСП «Любовь», ЛСП «Путь», ЛСП «Время» и ЛСП «Память». Анализ контекстов, где используются элементы периферии, позволил сделать вывод, что ключевыми доминантами рубцовского восприятия родины являются **Грусть** и **Покой**. Отношение поэта к

родной земле чаще всего выражается словами с семантикой «любовь». Состояние сна, в котором пребывает родина, - один из важнейших мотивов лирики Н.М.Рубцова.

Выводы по 3 главе

Лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н.М.Рубцова является важным фрагментом его языковой картины мира. Данное ЛСП имеет чёткую структуру: ядро, центр и периферия (ближняя и дальняя). Элементы поля связаны между собой эпидигматическими, парадигматическими, синтагматическими, деривационными и ассоциативными отношениями.

Ядро ЛСП «Родина» в лирике Николая Рубцова представлено лексемой *родина* в значении «Страна, в которой человек родился и гражданином которой является; отечество. // Место рождения кого-л.» [МАС III]. Часто данная лексема обозначает малую родину лирического героя. Слово *родина* в лирике Н.М.Рубцова сочетается с эпитетами *тихая, грустная, полная покоя, вечерняя, милая, лунная, далёкая* и др.

Главная особенность рубцовского восприятия Родины – сыновняя привязанность лирического героя к родной земле. Это обусловлено автобиографическими чертами его творчества. Сиротское детство поэта в детдоме (Н.М.Рубцову было всего три года, когда умерла мать) оказало влияние на его поэзию. Родина (прежде всего малая) стала для автора настоящей опорой в жизни. К родной земле он тянулся, как к родной матери, и любил родину поистине сыновней любовью.

Центр лексико-семантического поля «Родина» в лирике Н.М.Рубцова составляют синонимы и антонимы к слову *родина*, а также их дериваты (всего 29 лексем и 162 употребления). Для обозначения родины автор употребляет лексемы *Русь, Россия, отчизна, земля, страна* и перифразы *родной край, родная земля, любимый край, родимая земля*.

Важную роль в лирике Н.М.Рубцова выполняют слова *Русь* и *Россия*, часто сочетающиеся в одном контексте. Лексема *Русь*, имеющая в словаре пометы «высокое, поэтическое», является этнокультурной семантической единицей, имеющей ассоциации с прошлым нашей страны. Н.М.Рубцов часто употребляет данную лексему для создания вневременности образа Родины, где прошлое, настоящее и будущее соединяются. Общеупотребительное слово *Россия* называет современную действительность, страну, в которой живёт лирический герой.

Перифразы *родной край, родная земля, любимый край, родимая земля* называют малую родину лирического героя. Они содержат эмоциональные оттенки, передающие тёплое отношение поэта к родной земле. Антоним к слову *родина* – *чужбина* не является функционально значимым в лирике Н.М.Рубцова, так как поэт не представлял своей жизни без Родины. Важно отметить, что в творчестве поэта вообще не употребляется лексема *отечество* – самый частотный узуальный синоним к слову *родина*. Возможно, причина в том, что данная лексема, имеющая в словаре помету «высокое», создаёт излишний пафос, несвойственный тихой лирике Н.М.Рубцова.

Периферию ЛСП «Родина» в лирике Н.М.Рубцова составляют слова-ассоциаты с семантикой «Родина». Вслед за рядом учёных мы выделяем ближнюю и дальнюю периферийные зоны. К ближней относятся слова-ассоциаты с семантикой «малая родина» и слова-ассоциаты с семантикой «природа». Дальнюю периферию составляют индивидуально-авторские слова-ассоциаты, среди которых самой большой по составу является группа лексем со значением «свет».

Наиболее близкой по семантике к ядру поля является группа слов-ассоциатов со значением «малая родина»: *деревня, село, дом, изба, храм, школа, горница* и др. В эту группу мы также включаем онимы и их дериваты, связанные с малой родиной Н.М.Рубцова (*Никола, Вологда, ФерAPONТОВО, Тотьма* и др.), и термины родства (*мать, матушка, отец, родители* и др.). Ряды лексем находятся в холопартитивных отношениях. Лексемы *деревня* и *село* непосредственно называют родную местность лирического героя. Поэт считает,

что деревня является фундаментом русской земли, хранительницей вековых традиций русского народа.

В структуре ЛСП «Родина» в лирике Н.М.Рубцова важное место занимают слова-ассоциаты со значением «**природа**», входящие в ближнюю периферию поля. Поэт считает, что природа и человек неразрывно связаны, и природа, и человек являются частью Вселенной. Ассоциации с родиной имеют лексемы *поле, лес, холм, долина, ветер, берёза, сосна, смородина, цветы, ромашки, конь, журавли* и др. Важным в раскрытии образа Родины оказывается слово *холм*, которое в лирике Н.М.Рубцова предстаёт символом времени, исторической памяти.

Самой большой по составу и очень важной по семантическому наполнению в структуре дальней периферии ЛСП «Родина» в лирике Н.М.Рубцова является группа слов-ассоциатов со значением «**свет**». Ассоциации с родиной имеют лексемы *звезда, свет, огонёк, мгла, гореть, погаснуть, светить, светлый, горящий, озарённый, светло* и др. Самым представленным в данной группе является слово *звезда*. В лирике Н.М.Рубцова *звезда* становится символом родины. Семантика **света** в творчестве поэта тесно связана с семантикой **тьмы**, причём эти две стихии могут и противостоять друг другу, и сосуществовать, и даже органично сливаться. Слова со значением «свет» в стихотворениях Н.М.Рубцова часто получают мелиоративную окраску: свет родины ассоциируется со счастьем, с чудом, с душевным теплом.

Самой большой по составу частью ЛСП «Родина» в лирике Н.М.Рубцова является группа индивидуально-авторских слов-ассоциатов с семантикой «родина» (474 лексемы и 969 употреблений). В узусе эти слова не имеют практически ничего общего со словом *родина*, но в лирике Н.М.Рубцова получают широкие ассоциации с образом Родины. Рассматриваемое ассоциативное пространство можно разделить на семь основных групп: 1. Слова-ассоциаты ЛСП «Грусть». 2. Слова-ассоциаты ЛСП «Покой». 3. Слова-ассоциаты ЛСП «Сон». 4. Слова-ассоциаты ЛСП «Любовь». 5. Слова-ассоциаты ЛСП «Путь». 6. Слова-ассоциаты ЛСП «Время». 7. Слова-ассоциаты ЛСП

«Память». Таким образом, в дальней периферии происходит пересечение лексико-семантического поля «Родина» с вышеназванными лексико-семантическими полями.

Ключевыми доминантами рубцовского восприятия родины являются **Грусть** и **Покой**. Отношение поэта к родной земле чаще всего выражается словами с семантикой **«Любовь»**. Один из важнейших мотивов лирики Н.М.Рубцова – состояние **сна**, в котором пребывает родина.

Важной языковой особенностью лирики Н.М.Рубцова, по нашему мнению, предстаёт явление **синкретизма**: различные семы и лексико-семантические варианты слов совмещаются, органично сосуществуют. Кроме этого, большое значение в структуре ЛСП «Родина» имеет ассоциативная семантика и символизация сем. Для создания образа Родины поэт часто использует такие художественные средства, как лексический повтор и обращение.

Заключение

Термин «язык художественной литературы» рассматривается нами вслед за В.В.Виноградовым как система языковых элементов, использующихся автором в художественном тексте. Мы считаем, что данный термин предпочтительнее термина «художественный стиль», так как язык художественной литературы обладает особенностями, которых не имеют функциональные стили русского литературного языка (например, образность и эстетическая функция), а также может включать в себя средства разных компонентов русского национального языка (элементы территориальных диалектов, просторечия, жаргонов и аргю). В художественном тексте происходит синтез различных речевых стихий, трансформация лексического значения слова, обусловленные созданием образной структуры литературного произведения.

Большинство учёных разграничивают концептуальную и языковую картины мира. Языковая картина мира понимается как представление человека об окружающей действительности, отражённое в языке. Концептуальная картина мира отличается от языковой тем, что может быть не выражена языковыми средствами и содержаться лишь в сознании индивида. Единицей концептуальной картины мира является концепт, а одной из единиц языковой картины мира – лексико-семантическое поле. В художественном тексте эти единицы совместно с образной структурой литературного произведения образуют художественную картину мира, которая отражает мировоззрение и мироощущение автора.

Стержневыми понятиями лингвистической поэтики являются идиолект и идиостиль. Именно эти два термина во многом определяют стиль художника слова. Под идиолектом мы понимаем совокупность всех текстов (устных и письменных) одного автора. Идиостиль представляет собой систему ключевых стилевых особенностей творчества писателя. Таким образом, можно выявить соотношение близких понятий: идиолект – язык, идиостиль – стиль. В нашей работе мы исследовали идиостилевые доминанты лирики Николая Рубцова.

С исследованием таких важных для современной филологии проблем, как концептуальная картина мира, концепт, языковая картина мира, язык художественной литературы, художественная картина мира, идиолект, идиостиль и языковая личность связано понятие лексико-семантического поля. Оно определяется как система семантически объединённых лексических единиц, которая имеет ядро, центр и периферию, связанных друг с другом эпидигматическими, парадигматическими, синтагматическими, деривационными и ассоциативными отношениями. Лексико-семантическое поле является способом выражения языковой картины мира.

Можно с уверенностью утверждать, что полевая методика является одной из наиболее продуктивных в лингвистической поэтике. Изучение лексико-семантического поля позволяет выявить ключевые слова в художественном тексте, структурировать словарь языка поэзии отдельного автора и, самое главное, объяснить полученные результаты в контексте идейно-тематического содержания литературного произведения.

В лирике Н.М.Рубцова можно выделить лексико-семантическое поле «Родина». Большое влияние на всё творчество поэта оказала его биография. Особенно значимым стало сиротское детство Н.М.Рубцова в детдоме. Отсюда в его лирике много грустных нот (мотивы бездомности и неприкаянности). Язык поэзии Н.М.Рубцова сложился из разных речевых стихий: языка русской северной деревни, городских диалектов Москвы, Ленинграда и Вологды и языка русской классической поэзии.

Характерными чертами языка и стиля поэзии Н.М.Рубцова являются опора на нейтральную лексику русского литературного языка, ассоциативная семантика слов, автоцитация и большое количество эмоционально окрашенных лексем. Важной языковой особенностью лирики Н.М.Рубцова, по нашему мнению, предстаёт явление семантического синкретизма (различные семы и лексико-семантические варианты слов органично сосуществуют и совмещаются). Николай Рубцов выделяется среди поэтов-шестидесятников, которые проводили множество экспериментов над языком литературы. Вологодский поэт и в

тематике, и в стилистике своих стихов стал продолжателем русской классической поэзии.

Концептуальная картина мира поэзии Н.М.Рубцова строится вокруг концепта «Родина», который включает в себя следующие ментальные образования: *Природа, Свет, Путь, Грусть, Покой, Любовь, Сон* и др. Концепт – это мыслительный образ, имеющий словесное выражение. Важными признаками концепта, на наш взгляд, являются комплексность бытования, ментальная природа и многомерность. Концепт «Родина» в лирике Н.М.Рубцова является художественным концептом, то есть концептом, используемым в художественном произведении. Художественный концепт имеет важное культурное значение (концепт «Родина» очень важен для русской культуры) и является фрагментом художественной картины мира поэта.

Важной идиостилевой доминантой лирики Н.М.Рубцова является автоцитация. Данный термин обозначает художественный приём, при котором автор повторяет в тексте элементы своих более ранних текстов. Автоцитация в художественном тексте помогает связать воедино всё текстовое пространство авторских произведений, а также актуализировать внимание на ключевых художественных образах. В лирике Николая Рубцова мы зафиксировали 53 стихотворения, которые перекликаются между собой: имеют либо абсолютно одинаковые, либо почти совпадающие элементы в тексте. Автоцитация в лирике Н.М.Рубцова предстаёт важным фрагментом языковой картины мира автора. В творческом сознании поэта существовал целый ряд словесно выраженных образов, которые повторялись в разных текстах. Автоцитация в лирике Н.М.Рубцова – это не только художественный приём, но и психологическое явление. Фрагменты жизни, особенно запомнившиеся автору, отражаются в его поэтическом языке, неоднократно повторяясь.

В результате нашего исследования полно и подробно проанализировано лексико-семантическое поле «Родина» в поэзии Н.М.Рубцова. Состав поля составил 786 лексических единиц и 1971 их употребление. Структура поля представляет собой три основных части: ядро, центр и периферию. Ядром поля

является слово **родина** (26 употреблений). Анализ контекстов с данной лексемой позволяет сказать, что образ Родины – главный в лирике Николая Рубцова. Главная особенность рубцовского восприятия этого образа в том, что лирический герой его стихов любит родину поистине как родную мать. Сиротское детство, неприкаянность, бесприютность и вечные скитания поэта были причиной того, что Н.М.Рубцов (и соответственно его лирический герой) всю жизнь искал пристанище, родной дом. Таким очагом тепла и уюта для автора на всю жизнь стала его малая родина – деревня Никола. С этим местом Н.М.Рубцов был связан не только сильнейшей сыновней любовью, но и вечной, непоколебимой, смертной связью.

Слово **родина**, являющееся ядром поля, поэт употребляет лишь в первом значении: «1. Страна, в которой человек родился и гражданином которой является; отечество. // Место рождения кого-л.» [МАС III]. Чаще всего Николай Рубцов использует оттенок словарного значения «Место рождения кого-л.» [МАС III], так как описывает свою малую родину. Во многих контекстах лексема **родина** имеет синкретичную семантику – трудно определить, о родной Вологодчине говорит поэт или о всей России.

Синтагматика лексемы **родина** отражает авторское восприятие родной земли: сочетание с прилагательными *грустная, милая, тихая, вечерняя, лунная* создаёт неповторимый рубцовский образ Родины.

Одним из главных художественных приёмов, рассмотренных нами в лирике Николая Рубцова, явилось риторическое обращение к родине. Также частотны лексические повторы. Поэт воспринимает родной край как живое существо.

О важном значении лексемы **родина** в лирике Н.М.Рубцова говорит частое её использование в заголовках стихотворений, являющихся сильными позициями текста: «Ночь на родине», «Тихая моя родина», «Возвращение на родину», «На родине» и др.

Центр лексико-семантического поля «Родина» представлен синонимами и антонимами слова **родина**, а также производными от них словами (29 лексем и 162 их употребления). Сюда относятся лексемы **Россия, Русь, земля, отчизна** и

словосочетания *родная земля, родной край, родимая земля, любимый край* и др.

Слово *Русь* является самым частотным в центре поля и вторым по частотности в структуре всего ЛСП «Родина». Данная лексема в лирике Н.М.Рубцова имеет исторические ассоциации, обозначает прошлое нашей родины.

Особенностью рубцовского стиля является то, что во множестве случаев слово *Русь* употребляется в одном контексте со словом *Россия*. При этом автор использует данные лексемы как обращения.

Лексема *Русь* в данных контекстах называет исторического адресата – поэт обращается к прошлому нашей страны. А лексема *Россия* обозначает современную действительность, автор ведёт диалог с нынешним поколением.

В составе центра ЛСП «Родина» часто употребляются прилагательные *родной* (23 употребления) и *русский* (22 употребления). Эти слова входят в состав словосочетаний, называющих или саму родину, или её приметы: *родной край, родная земля, родная мама, родное поле, родной луч, русская земля, русские деревни, русский огонёк, русский богатырь* и др.

Контексты с лексемой *русский* создают обобщённый образ Родины, России, а лексема *родной* изображает малую родину лирического героя.

Важное значение в структуре центра ЛСП «Родина» имеет слово *родимый*, наделённое в словаре стилистической пометой «устаревшее и народно-поэтическое». Данная лексема используется Николаем Рубцовым в синкретичном значении, объединяющем два лексико-семантических варианта: «3. Такой, где родился» и 4. Дорогой, близкий сердцу» [МАС III]. Таким образом, выявляется логическая связь: место рождения всегда остаётся дорогим и близко человеку.

Образ Родины в лирике Н.М.Рубцова – не конкретно-исторический, а вневременной. На это указывает малое количество употреблений слов, называющих реалии советской эпохи: *СССР, советский, коммунизм* и др. Зато очень много лексем с семантикой прошлого: *Русь, древний, старинный, старый, былой, древнерусский, миновавший* и др.

В центре лексико-семантического поля «Родина» в лирике Н.М.Рубцова парадигматические единицы (синонимы слова *родина*) являются доминирующими при номинации рассматриваемого образа, причём большинство синонимов оказывается контекстуальным. Самый употребительный языковой синоним, *отечество*, вообще отсутствует в текстах Н.М.Рубцова. А второй по частотности в узусе синоним, *отчизна*, встречается лишь пять раз. Это связано с тем, что данные слова имеют в словаре стилистическую помету «высокое» и создают пафосную возвышенную интонацию, не характерную для творчества Николая Рубцова. Автор сделал акцент на использовании эмоционально окрашенных лексем (*родимый, родной, земляца, милый*) и лексем с ассоциативной семантикой (*Русь, Россия, русский* и др.). Антоним к слову *родина, чужбина*, не является функционально значимым в лирике Н.М.Рубцова, так как поэт не представлял своей жизни без Родины.

Периферия ЛСП «Родина» (725 лексических единиц и 1771 употребление) содержит ассоциативное пространство лексем с семантикой «родина». Вслед за рядом учёных мы выделяем ближнюю и дальнюю периферийные зоны. К ближней относятся слова-ассоциаты со значением «малая родина» и слова-ассоциаты с семантикой «природа». Дальнюю составляют индивидуально-авторские слова-ассоциаты, среди которых самой большой по составу группой являются слова-ассоциаты с семантикой «свет».

Самой близкой по семантике к ядру поля является группа слов-ассоциатов со значением «малая родина» (127 лексических единиц и 387 употреблений). Сюда относятся слова, отражающие реалии малой родины (*деревня, дом, село, горница, изба и др.*), топонимы и антропонимы (*Никола, Тотьма, Вологда, София, Ферпонтово* и др.) и термины родства (*мама, мать, матушка, отец* и др.). Самыми частотными в этой периферийной зоне являются слова *деревня* (29 употреблений), *село* (17 употреблений), *изба* (16 употреблений) и *дом* (15 употреблений). Они содержат пространственную характеристику малой родины. Н.М.Рубцов считает, что в деревне сохраняются основы русской жизни, истоки нашей самобытности.

В структуру ближней периферии входят и слова-ассоциаты с семантикой «природа»: *поле, лес, холм, река, ива, сосна, берёза, ветер, журавли, конь* и др. (всего 114 лексем и 282 их употребления). Николай Рубцов с детства полюбил природу родного края, поэтому любовь к родине в его стихах порой неотделима от любви к родной природе.

Помимо лексем *поле* и *лес*, обозначающих традиционные приметы русской природы, большое значение в лирике Н.М.Рубцова имеет слово *холм*. Данная лексема чаще всего используется в контекстах, связанных с историей нашей страны. Холмы предстают хранителями времени, символами памяти (например, в стихотворениях «Видения на холме» и «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»).

В состав дальней периферии ЛСП «Родина» в лирике Николая Рубцова входят, прежде всего, слова-ассоциаты с семантикой «свет»: *звезда, свет, огонёк, светлый, светло, светиться, гореть* и др. (всего 39 лексем и 92 употребления). Семантика света передаёт красоту природы Родины, а также, что более важно, духовную чистоту (свет души) России и соответственно людей, живущих в нашей стране (например, стихотворение «Русский огонёк»). Звезда в лирике Н.М.Рубцова становится символом Родины. Кроме слов-ассоциатов со значением «свет» в контекстах о родине автор часто использует слова-ассоциаты с семантикой тьмы: *ночь, тёмный, сумрак, мгла, чёрный, затмевать, погаснуть* и др. Так образуется оппозиция свет-тьма, отражающая вечную борьбу добра и зла. Кроме этого, слова-ассоциаты с семантикой тьмы в лирике Н.М.Рубцова часто изображают родной край в состоянии перехода дня в ночь. В данной периферийной зоне доминирующей становится не узуальная, а ассоциативная семантика лексем.

Самой большой по составу (474 лексем и 969 употреблений) частью ЛСП «Родина» в поэзии Николая Рубцова является группа индивидуально-авторских слов-ассоциатов, которые в узусе не имеют семы «родина», но в творчестве поэта получают ассоциативную семантику, связанную с темой Родины. Эта группа, составляющая главный фрагмент дальней периферии, включает в себя лексем,

которые можно объединить в семь лексико-семантических полей: ЛСП «Грусть», ЛСП «Покой», ЛСП «Сон», ЛСП «Любовь», ЛСП «Путь», ЛСП «Время» и ЛСП «Память».

Слова-ассоциаты ЛСП «Грусть» в лирике Н.М.Рубцова обозначают, во-первых, особое состояние родной земли, отражающее общую особенность русской жизни, передающее историческую память. Во-вторых, данные лексемы передают чувство лирического героя, возникающие при виде родного края. Примечательно, что слово *грусть* часто имеет положительную коннотацию в творчестве поэта. Слова-ассоциаты ЛСП «Покой» создают образ тихой, умиротворённой, спокойной родины. Это спокойствие передаётся и человеку. В стихотворении «Тихая моя родина» эпитет *тихая* наиболее точно передаёт рубцовское восприятие родной земли. Репрезентанты ЛСП «Любовь», прежде всего глагол *любить*, (являющийся одним из самых частотных в лирике Н.М.Рубцова) передают чувство любви к Родине, неразрывной связи с ней. Слова-ассоциаты ЛСП «Сон» (*сон, спать, видение* и др.) имеют разную семантику и эмоциональное содержание в творчестве поэта. Данные лексемы, с одной стороны, создают образ покоя на родной земле. С другой стороны, этот покой может быть связан с бездеятельностью, разрушением традиций. В-третьих, важную роль играет семантика видения, ирреальности происходящего, когда лирический герой будто во сне видит картины прошлого. Большое значение в структуре периферии ЛСП «Родина» в лирике Н.М.Рубцова имеет группа слов-ассоциатов ЛСП «Путь». Для поэта путь – не механическое передвижение, а движение человеческой души, и часто движение вневременное. Лексемы *вернуться, возвращаться, возвращение* выражают мотив возвращения на родину. У Н.М.Рубцова было обострённое чувство времени. Слова-ассоциаты ЛСП «Время» создают образ русской старины, грустной и великой. В нашей истории поэт видит фундамент нашего государства, нашей культуры. Лексемы *вечный, вечность* утверждают бессмертие, непоколебимость нашей родины. Слова-ассоциаты ЛСП «Память» (*вспомнить, воспоминание, память* и др.) выражают размышления и воспоминания лирического героя, связанные с родиной. «Память

возвращается, как птица, // В то гнездо, в котором родилась» - одна из важнейших метафор в поэзии Н.М.Рубцова.

Таким образом, лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н.М.Рубцова является важным фрагментом языковой картины мира поэта. Главным способом образования периферии ЛСП «Родина» в лирике Н.М.Рубцова становится пересечение лексико-семантических полей. Анализ контекстов позволяет сделать вывод о том, что ключевыми доминантами восприятия **Родины** в творчестве поэта являются **Грусть** и **Покой**. Отношение лирического героя к родному краю чаще всего выражается репрезентантами ЛСП «Любовь». **Родина, погружённая в сон** – один из ключевых мотивов лирики Николая Рубцова.

Перспективой работы может стать рассмотрение других лексико-семантических полей в лирике Н.М.Рубцова (например, ЛСП «Свет») или анализ идиостилия других авторов. Кроме того, возможно изучение ЛСП «Родина» в составе всей русской языковой картины мира.

Список литературы

1. Антология концептов / под ред. В.И.Карасика, И.А. Стернина [Текст] / В.И.Карасик, И.А.Стернин. – Москва: Гнозис, 2007. - 512 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. [Текст] / Ю.Д.Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с. [Апресян 1995а].
3. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного исследования [Текст] / Ю.Д.Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37-68. [Апресян 1995б].
4. Артемова, Н.В. Особенности полевой структуры лексики современного русского языка: на примере глаголов лишения [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.В.Артемова. – Москва, 2000. – 212 с.
5. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д.Арутюнова. — 2-е изд., испр. — М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
6. Аскольдов, С.Н. Концепт и слово [Текст] / С.А.Аскольдов // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В.П.Нерознака. – М.: Academia, 1997. – 320 с.
7. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста [Текст] / Л.Г.Бабенко, И.В.Васильев, Ю.В.Казарин. – Екатеринбург: Уральский университет, 2000. – 534 с.
8. Бабулевич, С.Н. Цветообозначения как средство реализации концепта "Родина" в художественной картине мира С. Есенина [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.Н.Бабулевич. – Калининград, 2004. – 181 с.
9. Бараков, В.Н. «Почвенное» направление в русской поэзии второй половины XX века: типология и эволюция [Текст] / В.Н.Бараков. – Вологда: Русь, 2004. – 268 с.
10. Бахтин, М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве [Текст] / М.М.Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 6 – 71.

11. Бахтин, М.М. Язык в художественной литературе [Текст] / М.М.Бахтин // Собр. соч.: В 7 т. — М.: Русские словари, 1997. - Т. 5, 306 с.
12. Белков В.С. Тихая родина Рубцова // Тотьма: Ист.-лит. альм. / Администрация Тотем. р-на Вологод. обл. [Электронный ресурс] / Вологда: Русь. — 1995. — Вып.1. - С. 412-417. — Режим доступа: <http://www.booksite.ru/rubtsov/life26.htm> (Дата обращения – 3.02.17).
13. Белов, А.А. Лексико-семантическое поле Зной в поэтических текстах Ф.И.Тютчева [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.А.Белов. — Череповец, 2008. — 170 с.
14. Белоусова, А.И. Ономастический концепт "Россия" в заголовочном комплексе газетного дискурса: лингвокогнитивный аспект [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.И.Белоусова. — Вологда, 2011. — 166 с.
15. Блок, А.А. Записные книжки 1901-1920 [Текст] А.А.Блок // Сост. А.Л.Гришунина. — М.: Сов. Россия, 1989. — 512 с.
16. Богин, Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Г.И.Богин [Текст] / Л., 1984. - 31 с.
17. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии [Текст] / Н.Н.Болдырев. — Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. — 123 с.
18. Болотнова, Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня [Текст] / Н.С.Болотнова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. — 313 с.
19. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста [Текст] / Н.С.Болотнова. — М.: Флинта: Наука, 2007. — 520 с.
20. Бондалетов, В.Д. Стилистика русского языка [Текст] / В.Д.Бондалетов. — Л.: Просвещение, 1982. — 286 с.
21. Бурькин А.А. Имена собственные как исторический источник: По материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего

- Востока России XVII-XIX веков [Текст] / А.А.Бурыкин. – СПб.: Петербургское востоковедение 2013. – 536 с.
22. Бушенев, Н.Т. Лексические и грамматические повторы в поэтических текстах Николая Рубцова [Текст] / Н.Т.Бушенев // Рубцовский сборник. – Череповец: ЧГУ, 2008. – С. 40-50.
23. Валгина, Н.С. Теория текста [Текст] / Н.С.Валгина. – М.: Логос. 2003. – 173 с.
24. Вандриес Ж. Язык: лингвистическое введение в историю [Текст] / Ж.Вандриес. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. – 410 с.
25. Васильев, Л.М. Теория семантических полей [Текст] / Л.М.Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105-113.
26. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика [Текст] / Л.М.Васильев. — М.: Высшая школа, 1990. – 175 с.
27. Введение в когнитивную лингвистику / под ред. М.В.Пименовой [Текст] / М.В.Пименова. – Вып. 4. – Кемерово, 2004. – 208 с.
28. Вежбицкая, А. Язык, культура, познание [Текст] / А.Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.
29. Вендина, Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) [Текст] / Т.И.Вендина. – М.: Индрик, 1998. – 240 с.
30. Вендина, Т.И. Введение в языкознание: учебное пособие для педагогических вузов. [Текст] / Т.И.Вендина. – М.: Высшая школа, 2002. – 288 с.
31. Вересов, Л.Н. Страницы жизни и творчества поэта Н.М.Рубцова [Текст] / Л.Н.Вересов. – Вологда: Сад-Огород, 2013. – 312 с.
32. Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова [Текст] / В.В.Виноградов // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3—30.
33. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы [Текст] / В.В.Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
34. Виноградов, В.В. О теории художественной речи [Текст] / В.В.Виноградов. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.

35. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы [Текст] / В.В.Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 362 с.
36. Винокур, Г.О. Понятие поэтического языка [Текст] / Г.О.Винокур // О языке художественной литературы / Г.О.Винокур. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 24–32.
37. Винокур, Г.О. Об изучении языка литературных произведений [Текст] / Г.О.Винокур // Избранные работы по русскому языку / Г.О.Винокур. — М.: Учпедгиз, 1959. – С. 202-249.
38. Воркачѳв, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] / С.Г.Воркачѳв // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64-72.
39. Воркачѳв, С.Г. Концепт как зонтиковый термин [Текст] / С.Г.Воркачѳв // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В.Красных, А.И.Изотов. – Вып. 24 – М.: МАКС Пресс, 2003. – С. 24-144.
40. Воркачѳв, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт [Текст] / С.Г.Воркачѳв. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.
41. Воркачѳв, С.Г. Слово «родина» [Текст] / С.Г.Воркачѳв // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография / С.Г.Воркачѳв. – Волгоград: ВолГУ, 2007. С. 35-71.
42. Ворожбитова, А.А. Теория текста: Антропоцентрическое направление [Текст] / А.А.Ворожбитова. – М.: Высшая школа. – 2005. – 368 с.
43. Вяземский, П.А. Стихотворения [Электронный ресурс] / П.А.Вяземский. – Русская виртуальная библиотека. – Режим доступа: <http://rvb.ru/19vek/vyazemsky/01text/01versus/208.htm> (Дата обращения – 3.02.17).
44. Габдуллина, С.Р. Концепт ДОМ/РОДИНА и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны (Сопоставительный аспект) [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.Р.Габдуллина. – Москва, 2004 – Режим доступа: <http://bibldis.narod.ru/2009/22.htm> (Дата обращения – 3.02.17).

45. Гаврилов, Ю.М. Семантическое поле как один из способов систематизации семантики [Текст] / Ю.М.Гаврилов // Семантика и прагматика языковых единиц: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.А.Горбачевский, Я.Б.Ким. – М.: Душанбе, 1990. – С. 56-63.
46. Гальперин, И.Р. О понятии «текст» [Текст] / И.Р.Гальперин // Материалы научной конференции «Лингвистика текста». – Т. 1. — М.: Вопросы языкознания, 1974. — С. 67.
47. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р.Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
48. Галяшина, Е.И. Основы судебного речеведения [Текст] / Е.И.Галяшина. – М.: СТЭНСИ, 2003. – 236 с.
49. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира [Текст] / Г.Д.Гачев. – М.: Советский писатель, 1988. – 448 с.
50. Гей, Н.К. Художественность литературы: Поэтика. Стиль [Текст] / Н.К.Гей; Отв. ред. А.С.Мясников. — М.: Наука, 1975. — 470 с.
51. Гибадуллина, О.Г. Фонетические структуры в поэтической речи А.Яшина и Н.Рубцова [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О.Г.Гибадуллина. – Казань, 1995. – 193с.
52. Гимаев, Я.А. Актуализация концепта РОДИНА в школьных учебниках по литературе и в массовом сознании учащихся [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Я.А.Гимаев. – М.: 2010. – 187 с.
53. Гинзбург, Л. Я. О лирике [Текст] / Л.Я.Гинзбург. – Л.: Сов. писатель, 1974. – с. 21-49.
54. Глушаков, П.С. Виды реминисценций в лирике Николая Рубцова [Текст] / П.С.Глушаков // Исследования о жизни и творчестве Николая Рубцова: сб. докл. и сообщ. участников науч.-практ. конф. "Рубцовские чтения". – Вологда: Книж. наследие, 2005. – С. 70-75.

55. Гольдберг В.Б. Дискуссионные проблемы современной лингвоконцептологии [Текст] / В.Б.Гольдберг // Антология концептов / под ред. В.И.Карасика, И.А.Стернина. – Москва: Гнозис, 2007. – С. 4-17.
56. Горбовский, Г.Я. Долгожданный поэт [Текст] / Г.Я.Горбовский // Воспоминания о Рубцове. – Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во 1983. – 93 с.
57. Городецкий, Б.Ю. К проблеме семантической типологии [Текст] / Б.Ю.Городецкий. – М.: Издательство Московского университета, 1969. – 564 с.
58. Григорьев, В.П. Поэтика слова. На материале русской советской поэзии [Текст] / В.П.Григорьев. – М.: Наука, 1979. – 153 с.
59. Григорьев, В.П. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Основные задачи и перспективы [Текст] / В.П.Григорьев // Язык русской поэзии XX века. М.: ИРЯ РАН, 1989. – С. 4-13.
60. Григорьев, В.П. Опыт описания идиостилей. Велимир Хлебников [Текст] / В.П.Григорьев // Очерки истории языка русской поэзии 20 века. Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы / Под ред. В.П.Григорьева. — М.: Наука, 1990. — С. 96—164.
61. Гулидов, А.Ю. Самоцитация как проявление интертекстуальности в лирике К.Бальмонта [Электронный ресурс] / А.Ю.Гулидов. – Режим доступа: <http://balmontoved.ru/almanah-solnechnaja-prjazha/vypusk-4/chitaem-balmonta/175-aju-gulidov-samotsitatsija-kak-projavlenie-intertekstualnosti-v-lirike-k-balmonta.html> (Дата обращения – 4.02.17).
62. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон. Гумбольдт // под ред. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.
63. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры [Текст] / В. фон. Гумбольдт // сост., общ. ред. и вступ. ст. докторов филос. наук профессоров А.В.Гулыги и Г.В.Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – 449 с.
64. Данскова, Т.Н. Концепт «любовь» и его словесное воплощение в индивидуальном стиле А.Ахматовой [Текст]: дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.01 / Т.Н.Данскова. – Воронеж, 2000. – 195 с.

65. Дементьев, В.В. Предвечернее Николая Рубцова [Текст] / В.В.Дементьев // Москва. – 1973. – №3. – С. 208 — 215.
66. Дементьев, В.В. Звезда полей [Текст] / В.В.Дементьев // Грани стиха. – М.: 1979. – 174 с.
67. Диброва Е.И. Лексикология // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц [Текст]: учебник для вузов: В 2 ч. – Ч. 1: Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / Сост.: Диброва Е.И., Касаткин Л.Л., Николина Н.А., Щеболева И.И. – М.: 2001. – 544 с.
68. Дуссалиева Э.А. Национальная специфика языковой объективации концепта «мужчина»: на материале русского, татарского и английского языков [Электронный ресурс]: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Э.А.Дуссалиева. – Астрахань, 2009. – 197 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/natsionalnaya-spetsifika-yazykovoi-obektivatsii-kontseptu-muzhchina> (Дата обращения – 4.03.17).
69. Душа хранит. Жизнь и поэзия Николая Рубцова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rubtsov-poetry.ru> (Дата обращения – 3.02.16).
70. Еремеева, О.А. О понятии "языковая личность" [Текст] / О.А.Еремеева // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. – Харьков, Харьк. гос. ун-т, 1991. – Вып. 1, ч. 2. – С. 434.
71. Есмурзаева, Ж.Б. Концепт Родина в педагогическом дискурсе на рубеже XX-XXI веков: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Ж.Б.Есмурзаева. – Омск, 2010. – 23 с.
72. Ефанова, Л.Г. Категория нормы в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 [Текст] / Л.Г.Ефанова. – Томск, 2013. – 41 с.
73. Ефремова, И.Л. Поэзия Н.Рубцова: вопросы жанра и стиля [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / И.Л.Ефремова. — Калинин, 1987.

74. Жизнь моя, иль ты приснилась мне... Сайт о жизни и творчестве С.А.Есенина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://esenin.ru/> (Дата обращения – 3.02.17).
75. Забродкина, Е.А. Семантическое поле «дом» в русских народных говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Е.А.Забродкина. – Киров, 2008. – 22 с.
76. Залевская, А.А. Текст и его понимание [Текст] / А.А.Залевская. – Тверь: Тверской государственный университет, 2001. — 177 с.
77. Зализняк, А.А., Левонтина, И.Б., Шмелёв, А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира [Текст] / А.А.Зализняк и др.: сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
78. Золян, С.Т. О соотношении языкового и поэтического смыслов [Текст] / С.Т.Золян. – Ереван.: Изд-во Ереван. ун-та, 1985. – 104 с.
79. Золян, С.Т. К проблеме описания поэтического идиолекта [Текст] / С.Т.Золян. – Москва, Известия АН СССР, 1986. – 156 с.
80. Золян, С.Т. От описания идиолекта – к грамматике идиостиля [Текст] / С.Т.Золян // Язык русской поэзии XX в.: сб. научных трудов. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1989. – С. 97-110.
81. Золян, С.Т. Семантика и структура поэтического текста [Текст] / С.Т.Золян. – Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1991. – 312 с.
82. Иванова, Е.В. Традиции и новаторство в поэзии Н.М.Рубцова [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Е.В.Иванова. – Москва, 1996. – 197 с. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/tradicii-i-novatorstvo-v-rozejii-n-m-rubcova.html> (Дата обращения – 4.02.17).
83. Ипанова, О.А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / О.А.Ипанова. – СПб., 2005. – 24 с.
84. Казыдуб, Н.Н. Дискурсивное пространство как фрагмент языковой картины мира (теоретическая модель): монография [Текст] / Н.Н.Казыдуб. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – 216 с.

85. Каменская О.Л. Гендергетика – наука будущего [Текст] / О.Л.Каменская // Гендер как интрига познания: Альманах. Пилотный выпуск. Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. – М.: Изд-во «Рудомино», 2002. – С. 13-19.
86. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И.Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
87. Караулов, Ю.Н. Структура лексико-семантического поля [Текст] / Ю.Н.Караулов // Филологические науки. 1972. – № 1. – С. 57-68.
88. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография [Текст] / Ю.Н.Караулов; АН СССР. Отд-ние лит. и яз.; Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1976. – 355 с.
89. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н.Караулов / отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
90. Караулов Ю.Н., Красильникова Е.В. Русская языковая личность и задачи ее изучения [Текст] / Ю.Н. Караулов, Е.В. Красильникова // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 3-9.
91. Качалкин П.В. Репрезентация концепта «авиаперелёт» в рекламных слоганах авиакомпаний [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / П.В.Качалкин. – Тюмень, 2013. – 25 с.
92. Кезина, С.В. Семантическое поле как система [Текст] / С.В.Кезина // Филологические науки. 2004. – №4. – С. 79-86.
93. Кибрик А.А. Дискурс: 7 фактов об одном из центральных понятий современной лингвистической теории [Электронный ресурс] / Постнаука. – Режим доступа: <http://postnauka.ru/faq/10456> (Дата обращения – 3.02.17).
94. Кибрик А.А., Паршин П.Б. Дискурс / А.А.Кибрик, П.Б.Паршин [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Кругосвет». – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html (Дата обращения – 3.02.17).
95. Климкова, Л.А. Ассоциативное значение в художественном тексте [Текст] / Л.А.Климкова // Филологические науки. – 1991. – № 1. — С. 45-54.

96. Климкова, Л.А. «Жалеть» в региональной языковой картине мира русского человека [Текст] / Л.А.Климкова // Сельская Россия: прошлое и настоящее. – М.: Энциклопедия российских деревень, 2001. – Вып. 2: Доклады и сообщения 8-ой рос. науч.-практ. конференции. – С. 203.
97. Климкова, Л.А. Родина в русской языковой картине мира [Текст] / Л.А.Климкова // С чего начинается родина? Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 24-25 марта 2004. – Арзамас: АГПИ, 2004. – С. 369-374.
98. Климкова, Л.А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира [Текст] / Л.А.Климкова; Моск. пед. гос. ун-т. – Москва; Арзамас: МГПИ, 2007. – 394 с.
99. Климкова, Л.А. Концепт «Родина» в русском языковом сознании: словарные и текстовые репрезентации [Текст] / Л.А.Климкова // Русский язык как государственный язык Российской Федерации в условиях полиэтнического и поликультурного региона: материалы межрегион. науч. конф. – Москва – Саранск: ПРО100 Медиа, 2013. – С. 41-45 .
100. Ключанов, И.Э. Языковая личность и интегральные смысловые образования [Текст] / И.Э.Ключанов // Язык, дискурс и личность. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1990. – С. 69-73.
101. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика [Текст] / И.М.Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
102. Ковалёв Г.Ф. Еще раз о происхождении этнонима "Русь" [Текст] / Г.Ф.Ковалёв // ActaBaltico-Slavica. – Warszawa: 1986. – t.XVII, s.131-145.
103. Кодухов, В.И. Общее языкознание [Текст] / В.И.Кодухов. – М.: Высшая школа, 1974. – 412 с.
104. Кожина, М.Н. О диалогичности письменной научной речи [Текст] / М.Н. Кожина. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1986.
105. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка [Текст] / М.Н.Кожина. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.

106. Кожинов, В.В. Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта [Текст] / В.В.Кожинов. – М.: Сов. Россия, 1976. – 85 с.
107. Кожинов, В.В. Статьи о современной литературе [Текст] / В.В.Кожинов. – М.: Современник, 1982. – 303 с.
108. Колесов, В.В. Язык и ментальность [Текст] / В.В.Колесов. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. — 238 с.
109. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке [Текст] / Г.В.Колшанский. — М.: Наука, 1990. — 103 с.
110. Коняев Н.М. Николай Рубцов [Электронный ресурс] / Н.М.Коняев. — М.: Мол. гвардия, 2001. — Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/rub/tsov/1.htm> (Дата обращения – 4.02.17).
111. Коняев, Н.М. Николай Рубцов [Текст] / Н.М.Коняев. – М.: Алгоритм, 2006. – 432 с.
112. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов [Текст] / О.А.Корнилов. — М.: ЧеРо, 2002. – 128 с.
113. Котюрова, М.П. Идиостиль [Текст] / М.П.Котюрова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н.Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С.95–99.
114. Кочнова, К.А. Лексико-семантическое поле «Природное время» в языковой картине мира А.П.Чехова [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / К.А.Кочнова. — Нижний Новгород, 2005. – 178 с.
115. Красильникова, Е.В. Функционирование концепта «Воля» в русском и английском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / Е.В.Красильникова. – Уфа, 2010. 23 с.
116. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В.В.Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
117. Крысин, Л.П. Об одной лакуне в системе функциональных стилей современного русского языка [Текст] / Л.П.Крысин // Русский язык в школе. – 1994. – №3. – С.69-71.

118. Крюков, И.А. Смысловое наполнение концепта «бизнес» и его репрезентация в русском языке на современном этапе [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.А.Крюков. – Нижний Новгород, 2012. – 206 с.
119. Кудрявцев, М.В. Образно-речевая система поэзии Н.Рубцова [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М.В.Кудрявцев. – Вильнюс, 1988. – 212 с.
120. Кузнецова, Т.Н. Средневековая картина мира в агиографических произведениях Епифания Премудрого [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Т.Н.Кузнецова. — Москва, 2001. – 253 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/srednevekovaya-kartina-mira-v-agiograficheskikh-proizvedeniyakh-epifaniya-premudrogo#ixzz2YBYrZ5zh> (Дата обращения – 4.02.17).
121. Куняев, С.Ю. Русский огонек [Текст] / С.Ю.Куняев // Свободная стихия. М.: Современник, 1979. – С.179-197.
122. Кухаренко, В.А. Интерпретация текста [Текст] / В.А.Кухаренко. — М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
123. Ланщиков, А.П. Поэт и природа: памяти Николая Рубцова [Текст] / А.П.Ланщиков // Чувство пути / А.П.Ланщиков. – Москва: Советская Россия, 1983. – С. 164-171.
124. Лебедева, О.Б. Становление поэтики фрагмента в творчестве В.А.Жуковского и А.С.Пушкина на рубеже 1810-20-х годов [Текст] / О.Б.Лебедева // Вестник ТГПУ. – Томск, 2004. – Вып. 3 (40). – Сер.: Гуманитарные науки (филология). – С. 33-38.
125. Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика [Текст] Ю.И.Левин. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 824 с.
126. Леденёва, В.В. Особенности идиолекта Н.С.Лескова [Текст] / В.В.Леденёва. — М.: МПУ, 2000. — 185 с.
127. Леденёва, В.В. Идиостиль (к уточнению понятия) [Текст] / В.В.Леденёва // Филологические науки. – 2001. – № 5. – С. 36-41.
128. Леонов, И.С., Юсов, И.Е. Русская эпитафия сквозь призму христианского понятия о печали // Молодежь и Церковь: проблемы и идеи. (По материалам Первых Свято-Филаретовских чтений). Межвузовская ассоциация молодых

- исследователей-филологов. [Электронный ресурс] / М.: 2006. – 134 стр. – Режим доступа: <http://www.mamif.org/stfilaret/leonjuz.htm> (Дата обращения – 4.02.17).
129. Лихачёв, Д.С. Избранные работы в 3-х тт. Т. 2. [Текст] / Д.С.Лихачёв. – Л.: Худ. литература, 1987. – 656 с.
130. Лихачёв, Д.С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С.Лихачёв // Русская словесность: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 28-37.
131. Лобанов, М.П. Стихия ветра [Текст] / М.П.Лобанов // День поэзии. 1972. М.: Сов. писатель, 1972. – С. 181—182.
132. Лотман, Ю.М. Анализ поэтического текста [Текст] / Ю.М.Лотман // О поэтах и поэзии. – СПб: Искусство-СПб, 1996. – С. 18-252.
133. Лотман, Ю.М. Спецкурс «Русская философская лирика. Творчество Тютчева» [неавторизованный конспект лекций] / Публ. Л.Киселевой [Электронный ресурс] / Ю.М.Лотман. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/295138.html> (Дата обращения – 4.02.17).
134. Лукин, В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. 2-е изд., перераб. и доп. [Текст] / В.А.Лукин. – М.: Ось — 89, 2005. – 560 с.
135. Лурия, А.Р. Основные проблемы нейролингвистики [Текст] / А.Р.Лурия. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — 253 с.
136. Ляпин, С.Х. Концептология: к становлению подхода [Текст] / С.Х.Ляпин // Концепты. Научные труды Центрконцепта. – Архангельск: Издательство Поморского госуниверситета, 1997. — Вып. 1. – С. 11-35.
137. Мандельштам О. Разговор о Данте [Текст] / О.Мандельштам. – М.: Искусство, 1967. – 88 с.
138. Маркелова, В.М. Лексико-семантическое поле «тревога» в лирике А.А.Блока [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / В.М.Маркелова. – Арзамас, 2009. – 232 с.
139. Маслова Ж.Н. Поэтический текст как объект исследования в рамках когнитивного подхода [Текст] / Ж.Н.Маслова // Социально-экономические явления и процессы. – 2010. - №5. – С. 174-182.

140. Мерзлякова, И.С. Лингвокультурные концепты и их роль в формировании национального характера: на материалах Франции: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 [Текст] / И.С.Мерзлякова – Улан-Удэ, 2009. – 21 с.
141. Миллер, Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория [Текст] / Л.В.Миллер // Мир русского слова. – 2000. – № 4. – С. 39-45.
142. Мифы народов мира, Т. 1-2 [Текст] – М.: Российская энциклопедия, 1997. – 671 с.
143. Никитин, М.В. Развернутые тезисы о концептах [Текст] / М.В.Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53-64.
144. Николина, Н.А. Образ Родины в поэзии А.Ахматовой [Текст] / Н.А.Николина // Русский язык в школе. – 1989. – № 2. – С. 72-79.
145. Николина, Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. Заведений [Текст] / Н.А.Николина. — М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 256 с.
146. Новиков, Л.А. Семантическое поле как лексическая категория [Текст] / Л.А.Новиков // Теории поля в современном языкознании: Тезисы докладов. – Уфа: БашГУ, 1991. – Ч.1. – С. 3-7.
147. Новиков, Л.А. Семантическое поле как текстовая структура [Текст] / Л.А.Новиков // Теория поля в современном языкознании: материалы научно-теоретического семинара. – Ч. IV. – Уфа: Башгосуниверситет, 1997. – С. 26-29.
148. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. N 1897 [Электронный ресурс]: Российская газета. – 2010. – 19.12. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/12/19/obrstandart-site-dok.html> (Дата обращения – 3.02.17).
149. Огнева, Е.А. Репрезентация концепта «свет» в пространственной модели художественного текста / Е.А.Огнева [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – №6. – Режим доступа: www.science-education.ru/113-11739 (Дата обращения – 4.02.17).

150. Олизько, Н.С. Художественный дискурс как полилог автора, читателя и текста [Текст] / Н.С.Олизько // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. – С. 164–166.
151. Орешкина, М.В. Имена персонажей поэмы С.Есенина "Анна Снегина" [Текст] / М.В.Орешкина // Русская речь. – 1974. – №2. – С. 36-40.
152. Основина, Г.А. «Так написать мог только истинный поэт, живший болью своей эпохи»: о стихотворении Николая Рубцова "Видения на холме" [Текст] / Г.А.Основина // Литература в школе. – 2006. – №2. – С. 15-18.
153. Основина, Г.А. Опыты лингвостилистического анализа художественного произведения [Текст] / Г.А.Основина. – Ярославль: Литера, 2011. – 188 с.
154. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыты описания идиостилей [Текст] / Институт русского языка РАН; Отв. ред. В.П.Григорьев. — М.: Наследие, 1995. – 557 с.
155. Очирова, И.Н. Синтаксический концепт «небытие» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / И.Н.Очирова. – Волгоград, 2011. – 21 с.
156. Палеха, Е.С. Концепт добро в языке поэзии Серебряного века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Е.С.Палеха. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2007. – 207 с.
157. Панфилов, А.К. Лекции по стилистике русского языка [Текст] / А.К.Панфилов. – М.: Русский язык, 1968. — 278 с.
158. Пархоменко, И.В. Лексико-семантическое поле «Звук» и его функционирование в художественном тексте (на материале лирики С.А.Есенина и В.В.Маяковского): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / И.В.Пархоменко. – Саратов, 2000. – 21 с.
159. Пищальникова, В.А., Сорокин, Ю.А. Введение в психолингвистику [Текст] / В.А.Пищальникова, Ю.А.Сорокин. – Барнаул.: Изд-во Алтайск. ун-та, 1993. – 234 с.

160. Плахина, Е.В. Лексико-семантическое поле «космос» в лирике В.А.Жуковского, А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В.Плахина. – Тюмень, 2005. – 213 с.
161. Полевые структуры в системе языка [Текст] – Воронеж: ВГУ, 1989. – 198 с.
162. Полётова, М.А. Душа хранит... Николай Рубцов. Малоизвестные страницы биографии [Текст] / М.А.Полётова. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 285 с.
163. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / З.Д.Попова, И.А.Стернин. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1999. — 284 с.
164. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д.Попова, И.А.Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
165. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека [Текст] / В.И.Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б.А.Серебрянников. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69.
166. Пугачёв, Е.В. Одинокий журавль. О поэзии Николая Рубцова. [Электронный ресурс] / Е.В.Пугачёв. – Режим доступа: <http://stihi.pro/2992-o-poezii-nikolaya-rubcova.html> (Дата обращения – 4.02.17).
167. Пустовалова, А.А. Концепт «природа» в системе языковой образности поэзии Н. Рубцова [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.А.Пустовалова. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/kontsept-priroda-v-sisteme-yazykovoi-obraznosti-poezii-n-rubtsova> (Дата обращения – 4.02.17).
168. Пушкин, А.А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей [Текст] / А.А.Пушкин // Язык, дискурс и личность. – Тверь: Изд-во Твер.ун-та, 1990. – С. 50-60.
169. Ревзина, О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл.: 10.02.01 / О.Г.Ревзина. – М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 1998. – 86 с.

170. Романовская, С.В. Ключевые семантические поля в художественном тексте [Текст] / С.В.Романовская // Семантика языковых единиц: доклады VI Международной конференции: в 2-х т. – М.: Моск. гос. открытый пед. ун-т, 1998. – Т.2. – С. 347-349.
171. Рубцов, Н.М. Собрание сочинений. В 3-х томах. [Текст] / Н.М.Рубцов. – М.: Терра, 2000 / Сост. В.Зинченко. – 304 с.
172. Салимова, Л.М. Языковая картина мира А.С.Пушкина как русской языковой личности в романе «Евгений Онегин» [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л.М.Салимова. – Уфа, 2000. – 198 с.
173. Свиридов, Г.В. Музыка как судьба [Электронный ресурс] / Г.В.Свиридов. — М.: Молодая гвардия, 2002. – Режим доступа: <http://rubtsov-poetry.ru/others/belkov21.htm> (Дата обращения – 4.02.17).
174. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление [Текст] / Б.А.Серебренников / отв.ред. В.М.Солнцев; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1988. – 244 с.
175. Сидоров, Е.В. Проблемы речевой системности [Текст] / Е.В.Сидоров. – М.: Наука, 1987. – 140 с.
176. Славинский, Я. К теории поэтического языка [Текст] / Я.Славинский // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 256 – 275.
177. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / Г.Г.Слышкин. – Волгоград: Волгоград. гос. пед. ун-т, 2004. – 48 с.
178. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: В 2-х ч. / Под ред. Е.И.Дибровой [Текст] / Е.И.Диброва. – Ч. 1. – М.: Academia, 2014. – 480 с.
179. Солганик, Г.Я. Стилистика текста: учеб. пособие [Текст] / Г.Я.Солганик. – М.: Флинта, Наука, 1997. – 256 с.
180. Солодуб, Ю.П. Структура лексического значения [Текст] / Ю.П.Солодуб // Филологические науки. – 1997. – №2. – С. 54-66.

181. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию: пер. с франц. А.А.Хлодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
182. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи [Текст] / И.А.Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 170 с.
183. Стернин, И.А., Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / И.А.Стернин, З.Д.Попова. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2001. – 192 с.
184. Сулейменова, Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике [Текст] / Э.Д.Сулейманова. – Алма-Ата: Изд-во «Мектеп». – 1989. – С. 45-47.
185. Тавдгиридзе, Л.А. Концепт «русский язык» в русском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Л.А.Тавдгиридзе. – Воронеж, 2005. – 22 с.
186. Тарасова, И.А. Структура семантического поля в поэтическом идиостиле (на материале поэзии И.Анненского) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.А.Тарасова. – Саратов, 1994. – 196 с.
187. Тарасова, И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / И.А.Тарасова. – Саратов, 2004. – 484 с.
188. Телия, В.Н. Коннотативный анализ семантики номинативных единиц [Текст] / В.Н.Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
189. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С.Г.Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
190. Толстой, Н.И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии [Текст] / Н.И.Толстой // Славянское языкознание. – М.: Наука, 1968. – С. 339-365.
191. Топорова, Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира: монография [Текст] / Т.В.Топорова. – М.: Радикс, 1994. – 190 с.
192. Торсуева, И.Г. Текст как система [Текст] / И.Г.Торсуева // Структурно-семантические единицы текста. – М.: Изд-во Моск. гос. пед. ин-та ин. яз., 1986. – С. 7-23.

193. Тынянов, Ю.Н. Проблема стихотворного языка [Текст] / Ю.Н.Тынянов. – М.: Советский писатель, 1965. – 301 с.
194. Уфимцева, А.А. Опыт изучения лексики как системы [Текст] / А.А.Уфимцева. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 288 с.
195. Уфимцева, А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира [Текст] / А.А.Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б.А.Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 108-140.
196. Фатеева, Н.А. Семантические преобразования в прозе и поэзии одного автора и в системе поэтического языка [Текст] / Н.А.Фатеева // Опыты описания идиостилей. – М.: Наследие, 1995.
197. Фатеева, Н.А. Стих и проза как две формы существования поэтического идиостиля [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Н.А.Фатеева. – М., 1996. – 607 с.
198. Фатеева, Н.А. Поэт и проза: кн. о Пастернаке [Текст] / Н.А.Фатеева. – М.: Новое лит. обозрение, 2003. – 399 с.
199. Фатеева, Н.А. Идиостиль (индивидуальный стиль) / Н.А.Фатеева [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Кругосвет». – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IDIOSTIL_INDIVIDUALNI_STIL.html (Дата обращения – 3.02.17).
200. Хализев, В.Е. Теория литературы [Текст] / В.Е.Хализев. – М.: Высшая школа, 1999. – 398 с.
201. Чернова, А.Е. Этнопоэтические константы в лирике Николая Рубцова [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / А.Е.Чернова. – Москва, 2014. – 257 с.
202. Чумак-Жунь, И.И. Лексико-семантическое поле цвета в языке поэзии И.А.Бунина: Состав, структура, функционирование [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.И.Чумак-Жунь. – Киев, 1996. – 187 с.
203. Шайтанов, И.О. Поэт из Вологды: Николай Рубцов в традициях русского стиха [Текст] / И.О.Шайтанов // Дело вкуса. – М.: Время, 2007. – С. 199-223 .

204. Шармар, С.В. Взаимодействие лексико-семантических полей цвета и света в лирике Б.Л. Пастернака [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.В.Шармар. – М.: 2005. – 239 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/vzaimodeistvie-leksiko-semanticheskikh-polei-tsveta-i-sveta-v-lirike-bl-pasternaka#ixzz2brehXSZ2> (Дата обращения – 4.02.17).
205. Шафиков, С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц [Текст] / С.Г.Шафиков / науч. ред. Л.М.Васильев. – Уфа : Башк. ун-т, 1999. – 88 с.
206. Шведова, Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» [Текст] / Н.Ю.Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – №1. – С. 3-16.
207. Шмелёв, А.Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» [Текст] / А.Д.Шмелёв // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 25-36.
208. Шмелёв, Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях [Текст] / Д.Н.Шмелёв. – М.: Наука, 1977. – 159 с.
209. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. Изд.2. [Текст] / Д.Н.Шмелёв. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.
210. Щур, Г.С. Теории поля в лингвистике [Текст] / Г.С.Щур. – М.-Л.: Наука, 1974. – 255 с.
211. Язикова, Ю.С. Слово в языке А.М.Горького: Смысловая структура слова в семантико-стилистической системе писателя [Текст] / Ю.С.Язикова. – Горький: Волго-Вятское издательство, 1985. – 176 с.
212. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика [Текст] / Р.Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 15-23.
213. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] / Е.С.Яковлева. – М.: Языки славянской культуры, 1994. – 345 с.

214. Ipsen, G. Der alte Orient und die Indogermanen [Текст] / G.Ipsen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft // Festschrift für W. Streiberg. Heidelberg. – 1924. – S. 200-237.
215. Trier, J. Sprachliche Felder [Текст] / J.Trier // Zeitschrift für deutsche Bildung. – 1932. – S. 417.
216. Meyer R.M. Bedeutungssysteme [Текст] / R.M.Meyer // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprache. – Göttingen. – 1910. – 434 s.

Словари

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка [Текст] / З.Е.Александрова / Под ред. Л.А.Чешко. 5-е изд. – М.: Русский язык, 1986. – 568 с.
2. Белокурова, С.П. Словарь литературоведческих терминов [Текст] / С.П.Белокурова. – СПб.: Паритет, 2007. – 320 с.
3. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Под ред. Кузнецова С.А. – СПб.: Норинт, 1998. – Режим доступа: http://gufo.me/kuznec_a (БТСРЯ). (Дата обращения – 4.02.17).
4. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т.Ф.Ефремова. — М.: Русский язык, 2000. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (Дата обращения – 4.02.17).
5. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Под общей редакцией Е.С.Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В.Ломоносова, 1996. – 245 с. (КСКТ).
6. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. В.Н.Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 688 с. (ЛЭС).
7. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 707 с. (ЛЭС).
8. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия [Текст] / под ред. А.П.Горкина. – М.: Росмэн, 2006. – 276 с.

9. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т.1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов [Текст] / Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева и др. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с. (РАС).
10. Русский язык. Энциклопедия русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruskiyyazik.ru>. (Дата обращения – 3.02.17).
11. Сидоренко, М.И. Словарь языка и рифм поэзии Н.Рубцова [Текст] / М.И. Сидоренко. – Череповец: Порт-Апрель, 2005. – 436 с.
12. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovar.lib.ru/dictionary/style.htm> (Дата обращения – 3.02.17).
13. Словарь русского языка: в 4-х томах [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П.Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985-1988. (МАС).
14. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры [Текст] / Ю.С.Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
15. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под редакцией М.Н.Кожинной [Текст] / М.Н.Кожина. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 694 с.
16. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка в 2-х т. Т. II. [Текст] / А.Н.Тихонов. – М.: Русский язык, 1985. – 886 с.
17. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н.Ушакова [Текст] / М.: ГИ «Советская энциклопедия» (т. 1) : ОГИЗ (т. 1) : ГИНС (т. 2—4), 1935—1940. (ТСРЯ).
18. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В четырёх томах. – 2-е изд., стереотип. – Том IV [Текст] / М.Фасмер. — М.: Прогресс, 1987.
19. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н.Засориной [Текст] / Л.Н.Засорина. – М.: Русский язык, 1977. – 936 с.
20. Шанский, Н.М., Боброва, Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов [Текст] / Н.М.Шанский, Т.А.Боброва. – М.: Дрофа, 2004. – 399 с.